

Избранные произведения в 2-х т. Т. 1. Стихотворения. Моё открытие Америки

1. [Notice](#)

This book was produced in EPUB format by the Internet Archive.

The book pages were scanned and converted to EPUB format automatically. This process relies on optical character recognition, and is somewhat susceptible to errors. The book may not offer the correct reading sequence, and there may be weird characters, non-words, and incorrect guesses at structure. Some page numbers and headers or footers may remain from the scanned page. The process which identifies images might have found stray marks on the page which are not actually images from the book. The hidden page numbering which may be available to your ereader corresponds to the numbered pages in the print edition, but is not an exact match; page numbers will increment at the same rate as the corresponding print edition, but we may have started numbering before the print book's visible page numbers. The Internet Archive is working to improve the scanning process and resulting books, but in the meantime, we hope that this book will be useful to you.

The Internet Archive was founded in 1996 to build an Internet library and to promote universal access to all knowledge. The Archive's purposes include offering permanent access for researchers, historians, scholars, people with disabilities, and the general public to historical collections that exist in digital format. The Internet Archive includes texts, audio, moving images, and software as well as archived web pages, and provides specialized services for information access for the blind and other persons with disabilities.

Created with hocr-to-epub (v.1.0.0)

\$ Ъ .. 1 - : ' «у, . Ду . ої т L « . ; : є 4 ' . : - L ` ' Г < à Ne cr 5 aM ' 4 4 Г, у : . ое сі "ко Г L * * О | ' ' 1 \$ ' \ i + М ... "е « 4 LE] . ' 7 у aS кл а і, . 7 . 1 . у пря Fin | ee Eu us 5) « .! - г'» < у А ' . А or У + : нь ' er Т ч Lien ht м а А, у; 2 Ty Loto) > , À > у - : " М чую ТЕ тр 4 і ди а LE > . eee D А > 2 ee - х . — : : Re ne SENS, 24 форумі & DEC й й Р жен,» й PS TT cy tee t sce ete ey + , акації 9+ ++. += AL bose «кої и и Р дн He PUS LE PUS

The text on this page is estimated to be only 30.54% accurate

tre жито ж — = L a' > ' чу» mt es фак 0 p 1 от ри не уирииснн>
— =” =—— > — ————>

сédé Ent т =— — фев тетя Lundi ИТАН ТЕ ВЛАДИМИР
ВЛАДИМИРОВИЧ (#1 МАЯКОВСКИЙ 1593—1930

СО Её РО РИН Ре В МАЯКОВСКИЙ | ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ В ДВУХ ТОМАХ ТОМ ПЕРВЫЙ
СТИХОТВОРЕНИЯ МОЕ ОТКРЫТИЕ АМЕРИКИ Государственное
издательство ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ Моск

Печатается по тексту Полного собрания сочинений В. В. Маяковского (Гослитиздат, 1939—1949 гг.) с исправлением замеченных ошибок и опечаток Составление, подготовка текста, примечания и вступительная статья В.О. ПЕРЦОВА

SEQ. CRIS ВЕЛИКИЙ ПОЭТ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ С

каждым годом, с каждым новым поворотом истории, с каждым шагом приближения нашего к коммунизму все ярче выступает огромное значение творческого наследия Маяковского. Самобытное творчество поэта-новатора отразило беспрецедентную силу и красоту нашей жизни. Русская поэзия сделала в творчестве Маяковского новый шаг вперед, утвердив величие своих традиций — традиций Пушкина, Гоголя, Некрасова — в совершенно новых исторических условиях, созданных победой Великой Октябрьской социалистической революции в нашей стране. | Каждое произведение великого советского поэта было откликом на явления жизни, «зовом» поэта к своим современникам по самым важным для данного момента вопросам. Маяковский беспощадно издевался над теми поэтами и писателями, которые, под прикрытием работы «на вечность», уходили от современности, от острой темы, от злобы дня. «Мне любо с газетой бодрствовать...» — говорил Маяковский. Поэтам, оторвавшимся от интересов дня, от работы на сегодня, он предлагал: Слезайте с неба, заоблачный житель! Снимайте мантии древности! Сильнейшими узами музу вяжите, как лошадь, в воз повседневности. Таких поэтов и писателей Маяковский называл «птичка божия», говорил о них, что они чирикают, блеют «барашком златошерстым». 1* 3

Маяковский прошел большой и сложный творческий путь. Он начинал еще до Октября, в эпоху реакции. С самых первых литературных выступлений его вела ненависть к буржуазии, его поднимала мечта «дать язык безъязыкой улице». Стремясь прийти на помощь страдающим людям — жертвам капитализма, Маяковский в образах своих ранних произведений не был свободен от утопических иллюзий. Но очень скоро он пробился к революционной теме и создал свою знаменитую поэму «Облако в штанах», где есть прямое предсказание неизбежности прихода революции и прямой призыв к ней. В этой творческой победе сказалась органическая близость поэта к русскому революционному движению, в котором Маяковский принимал участие еще до начала своей литературной деятельности. Эта победа была по существу и первым конфликтом его с тем чуждым футуристическим окружением, с которым было связано вступление Маяковского на литературное поприще. Поэму «Облако в штанах» «молодой поэт читал А. М. Горькому. Она произвела огромное впечатление на великого пролетарского писателя. В 1915 и 1916 годах не кто иной как Горький выдвигал Маяковского в первые ряды революционной литературы, угадывая в нем сквозь чужеродные наслоения будущего великого поэта революции, опираясь на него в борьбе против буржуазного декаданса. В автобиографии Маяковский говорит о своем отношении к Великой Октябрьской социалистической революции: «Принимать или не принимать? Такого вопроса для меня не было. Моя революция». Такова была ясная, вытекавшая из всего его идейно-художественного развития до Октября, позиция Маяковского. Однако эта позиция сама по себе еще не обеспечивала ему того, к чему он стремился во всей своей деятельности после Октября и что он называл «местом поэта в рабочем строю». Поиски места поэта в классовой борьбе были связаны прежде всего с борьбой за его идейный рост, за большевистское мировоззрение. Новое содержание искусства, вытекавшее из победы Октябрьской революции, требовало также и новой художественной формы. Только при этом условии поэт мог добиться максимальной действенности своего искусства — в этом видел Маяковский задачу революционного поэта. Едва ли не первой попыткой советской литературы перевести на язык образов идеи и содержание жестокой классовой борьбы было «героическое, эпическое

и сатирическое изображение нашей эпохи», сделанное Маяковским в «Мистерии-буфф». Пьеса Маяковского была поставлена ко дню первой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

Впоследствии поэт вспоминал: «Мистерия была прочитана в комиссии праздников и, конечно, немедленно подтверждена 4

к постановке. Еще бы! При всех ее недостатках она достаточно революционна, отличаясь от всех репертуаров...» «При всех ее недостатках...» Поэт понимал, что старые, формальные приемы и отвлеченные аллегории, без которых он тогда еще не мог обойтись, являлись слабой стороной его пьесы. Однако в своей фантастической форме «Мистерия-буфф» правдиво отражала реальные черты исторической действительности. Ощущение классовой борьбы, — поделившей мир на два враждебных лагеря, поставившей каждого по ту или по эту сторону баррикад, — это самое непосредственное ощущение современности пронизывало всю пьесу, в которой поэт использовал библейскую легенду о всемирном потопе: этот легендарный сюжет Маяковский положил в основу своей «Мистерии-буфф», уподобив крушение капитализма всемирному потопу. В развязке пьесы «нечистые», то есть представители трудящихся, во главе с кузнецом и батраком, сбросив с ковчега «чистых», то есть буржуев, прорываются в «землю обетованную» — в Советскую Россию, страну победившего социализма. Критически-обличительная линия «Мистерии-буфф», сатирически изображавшая буржуазию, была в художественном отношении сильнее, чем линия положительных, героических персонажей. Тем не менее, несмотря на известную отвлеченность фигур кузнеца, батрака, плотника, рудокопа и т. д., — в этих образах торжествовал демократизм Маяковского. Только простые люди, говорил поэт своей пьесой, могут построить «ковчег» социализма для спасения всего человечества. В условиях гражданской войны, которую развязывала буржуазия, На фоне еще дымящихся развалин войны империалистической, под которыми были погребены десятки миллионов простых людей, отдавших свои жизни за чуждые им интересы, пьеса Маяковского возвеличивала мирный труд советского человека-созидателя: Трудом любовным приникнем к земле все, | дорога кому она. Хлебьтесь, поля! Дьмьтесь, фабрики! Славься, сияй, солнечная наша Коммуна! Так заканчивалась «Мистерия-буфф». «Коммунистический спектакль» — назвал свою статью о постановке «Мистерии-буфф» А. В. Луначарский. Эта оценка правильно отмечала идейную сущность пьесы Маяковского. Буржуазные интеллигенты, окопавшиеся в некоторых органах еще не окрепшей советской печати, выступили против 5

революционного поэта: «Пьеса Маяковского не просто пьеса, а апофеоз советской коммуны... Пьеса, хотя и высоко патриотичная, но...рассчитанная на весьма невзыскательные вкусы, тоже высоко патриотичные...» Классовый враг в своей рецензии на пьесу Маяковского с покушением на иронию назвал ее «патриотичной». Нечаянно враг сказал о пьесе Маяковского правду. Маяковский уже в этот период своего творчества подходил к отражению одной из важнейших движущих сил советского общества. «Мистерия-буфф» Маяковского действительно была апофеозом советской коммуны и, стало быть, пьесой высоко патриотической. Образ коммуны и образ России-родины сливаются в одно целое в знаменитом «Левом марше». Гордое чувство советского патриотизма возникло у поэта и потребовало своего выражения в создавшейся к концу 1918 года сложной политической обстановке, когда, наряду с бурным подъемом сил международной революции, над страной все тяжелее стали сгущаться тучи; нашествие империализма на молодое Советское государство становилось с каждым днем все более ощутимой реальностью, непосредственной угрозой начавшемуся строительству социализма. В своей статье «Октябрьский переворот», напечатанной в «Правде» 6 ноября 1918 года, И. В. Сталин указывал: «Выдающуюся роль в Октябрьском восстании сыграли балтийские матросы и красногвардейцы с Выборгской стороны. При необычайной смелости этих людей роль петроградского гарнизона свелась главным образом к моральной и отчасти военной поддержке передовых бойцов». Образ этих передовых бойцов Октябрьского переворота и был впервые создан в «Левом марше», к этим людям Маяковский и обращался в своем произведении. Пафос дерзания Октябрьской революции, совершившей коренной перелом во всей жизни, в быту и традициях, в культуре и идеологии эксплуатируемых масс всего мира, пафос рождения нового мира — вот смысл призывно-командных слов первой строфы «Левого марша»: Довольно жить законом, данным Адамом и Евой. Клячу историю загоним. Левой! Левой! Левой! _ Если в дипломатических нотах советское правительство разоблачало лживость заверений великобританского правительства о его стремлении к миру, то Маяковский прямо назвал в «Левом марше» эти

ложивые заверения организаторов интервенции «воем» британского льва, в чеканных поэтических формулах выразив чувства советского патриота: «Коммуне не быть покоренной!», «России не быть под Антантой!» В «Левом марше» Маяковский занял исходную позицию всего своего творческого пути после Октября: поэтического глашатая идеи советского патриотизма. Дальнейшее развитие эта идея получает в поэме «150 000 000», законченной в начале 1920 года. В этой поэме былинный богатырь Иван воплощает образ русского народа, вступающего в единоборство с мировым капитализмом в лице американского президента Вудро Вильсона. Первоначально поэма называлась «Былина об Иване» (а еще в стадии замысла — «Воля миллионов»). После «Мистерии-буфф», в которой трудящиеся массы представлены условными фигурами работников разных профессий, попытка Маяковского подчеркнуть национальный характер своего героя, олицетворяющего мощь русского народа, поднявшегося на защиту страны социализма, была дальнейшим продвижением на пути поэта к реализму. Маяковский понимал, что в своей ненависти к Советской республике американский империализм не остановится ни перед какими самыми чудовищными средствами для уничтожения ее. Вот зловещая картинка бактериологической войны из «150 000 000», которая воспринимается сегодня, в свете событий, связан риканской интервенцией в Корею, как бывшей язиріб À ST \$ Напуганное мощью революционных Масс, »преде they ей ступает русский богатырь Иван, импе Вудро Вильсона НОВЫХ ВОЙНОВ ВЫСЫДи смертоноснейшую заразу. AG ge Идут закованньє в грязе У У спирохет на СНАРОХЕ RS par ER Va Se | НОРНОН на" рионе. 19 те Ядом бактерий, | ws лапами ааа кровь поганят, із ползут М. шей. к Болезни явились небывалого фасона... Однако революционный народ не был застигнут врасплох. Сказочное повествование Маяковского правдиво отразило тот оптимизм, который был присущ массам, поднявшимся на борьбу: Вшей в упор расстреливали микроскопом. . Молотит и молотит дезинфекции цеп. 7 їж

Враги легли, | ножки задрал. А поверху, размахивая флаг-рецепт, прошел победителем мировой Наркомздрав. Поэт стремился в своей первой большой поэме о русском народе слиться с массами, возвеличить их борьбу, показать силу и красоту их героизма: В бою славлю миллионы, вижу миллионы, миллионы пою. Воспевание масс приобретало для Маяковского в тот период его творческого развития значение шага вперед, в жизнь, против буржуазного индивидуализма, которым была заражена большая часть литературной среды, оставшейся от прошлого и активно действовавшей в первые годы советской власти. Однако в «150 000 000» Маяковский еще не мог правильно решить вопрос о взаимоотношениях массы и личности. Возвеличивая роль массы, он не сумел показать роль героических личностей, роль великих людей, которые, правильно понимая исторические условия, идут впереди масс, ведут их за собой. Несовершенны и изобразительные средства, поэмы, страдающей известной вычурностью, избытком гипербол и, употребляя позднейшее выражение самого Маяковского, «виньеточных» образов. Тем не менее поэма при всех своих недочетах имела большое значение, свидетельствуя о становлении социалистического реализма в творчестве Маяковского, о горячей вере поэта в конечную победу великой борьбы, начатой трудящимися массами России в интересах всего человечества. Маяковский хотел своим поэтическим словом непосредственно помогать делу этой борьбы каждый день, каждый час. Работа поэта в 1919—1921 годах в Роста может служить примером самоотверженного служения художника задачам обороны родины. За годы гражданской войны Маяковский сделал несколько тысяч плакатов и подписей к «Окнам сатиры Роста». «Отдыхов Не было,— вспоминал поэт впоследствии об этом периоде своей деятельности.— Работали в огромной, нетопленной, сводящей морозом (впоследствии — выедающая глаза дымом буржуйка) мастерской Роста. Придя домой, рисовал опять, а в случае особой срочности клал под голову, ложась спать, полено вместо подушки с тем расчетом, что на полене особенно не заспишься...» Подписи к окнам Роста, которые делал Маяковский, проникнуты неистощимой верой в победу, презрением к трусам и шептунам, злой издевкой по адресу врага, 1 4 |

И в дальнейшей сВоеН работе Маяковский пользовался каждым поводом, чтобы ответить клеветникам Советской России за рубежом. В то же время голос Маяковского-сатирика звучал не только по всякому «внешнему», но и по «внутренним» поводам, когда поступки людей противоречили новым, высоким общественным отношениям. Маяковский гордился советскими людьми, отстоявшими в гражданской войне завоевания революции И он непримиримо относился к пережиткам капитализма в сознании советских людей. В сатире Маяковского выразился подлинный советский патриотизм, ставящий перед каждым советским человеком задачу быть достойным государства, созданного Лениным и Сталиным. | «Кто живет без печали и гнева, тот не любит отчизны СВоОеЁ», — писал в свое время Некрасов. В сатирах Маяковского любовь к социалистической родине порождала подлинный гнев против тех, кто мешает строить новое государство трудящихся. Очистить советского человека от скверны старых пережитков — вот зачем была создана Маяковским его знаменитая сатирическая галерея: «Служака», «Трус», «Подлиза», «Столп», «Сплетник», «Ханжа» и т. д. Все эти типы, в той или иной форме еще встречающиеся в нашей жизни, оскорбляют гордый, смелый народ, сбросивший угнетение человека человеком. Достоинство человека оплачено кровью наших лучших людей в героической защите родины, утверждено самоотверженным трудом новаторов в «славной смелыми стране». Это достоинство роняет трус, который - | за начальством ходит сзади, чтоб, услышав НХНбе мнение, завтра это же сказать им. Поэт зло высмеивает труса: Подрожит и ляжет житель, дрожью НОЧЬ карежит тело... Товарищ, чего вы дрожите? В чем, собственно, дело? В аквариум, что ли, сажать вас? 9

Этот образ невольно сопоставляется с знаменитым «Премудрым пескарем» Салтыкова-Щедрина, откуда он и пришел в сатиру великого советского поэта: «...Насчет житья своего решил так: ночью, когда люди, звери, птицы и рыбы спят, — он будет моцион делать, а днем — станет в норе сидеть и дрожать... И прожил премудрый пескарь таким родом с лишком сто лет. Все дрожал, все дрожал...» Маяковскому нужны были «слова-бичи» для травли всего негодного, мешающего стройке социалистической родины. Остро сатирическое стихотворение «Прозаседавшиеся» понравилось Ленину за резкость, с какой Маяковский «вдрызг высмеял» горе-руководителей, «прозаседавшихся», не умеющих принять самостоятельного решения — «...давно я не испытывал такого удовольствия с точки зрения политической и административной», — сказал по поводу этого стихотворения Владимир Ильич. Одобрение Ленина окрылило поэта. Он не пропускает ни одного сколько-нибудь значительного события в международном положении и внутренней жизни Советской республики, чтобы не откликнуться на него. Своей железной строкой он пригвозждает к газетному листу лицемерных французских парламентариев, которые устраивают доклады о голоде в Поволжье, организуя в то же время банды белой эмиграции против Советского Союза, разоблачает военные приготовления заграничных «миротворцев», с великолепным презрением отвечает американским «мистерам», сомневающимся в успехах социалистического строительства. | Когда капиталистические государства, убедившись в полной неудаче интервенции, пригласили советское правительство принять участие на конференции в Генуе, Маяковский выступил в «Известиях» со стихотворением «Моя речь на Генуэзской конференции», в котором напоминал о неисчислимых страданиях и жертвах, принесенных русским народом в борьбе с Врангелем, с английскими и французскими интервентами: Долги наши, каждый медный грош, считают «Матзнь», считают «Таймсы». Считаться хотите? Давайте! Что ж! Посчитаемся! О вздернутых Врангелем, о расстрелянном, о заколотом память на каждой крымской горе. Какими пудами какого золота 10 |||| ПЕРРО РР hd Mal Tam <

оплатите это, господин Пуанкаре? О вашем Колчаке -- Урал спросите! Зверством -- аж горь вгонялись в дрожь. Каким золотом -хватит ли в Сити? — оплатите это, господин Ллойд-Джордж? Тему советской родины Маяковский вынашивает как кровную тему всего своего творчества: в законченной в октябре 1924 года поэме «Владимир Ильич Ленин» Ленин предстает как гениальный вождь и человек, в биографии которого воплотилась история борьбы русского народа за освобождение своей родины, история большевистской партии: Коротка и до последних мгновений нам известна жизнь Ульянова. Но долгую жизнь товарища Ленина надо писать и описывать заново. В этом произведении, которое явилось одной из вершин социалистического реализма в советской поэзии, Маяковский с огромной силой выразил то, что еще не было для него ясно в «150 000 000», — единство вождя и масс. Показывая рост пролетариата на заре рабочего движения, поэт писал: Бился об Ленина темный класс, тѣк от него в просветленьи, и, обданный силой и мыслями масс, с классом рос Ленин. В поэме о Ленине Маяковский создал непревзойденный образ вождя, как обобщения народных чаяний и воли трудящихся к борьбе за лучшее будущее. С любовью открывает Маяковский в образе Ленина обаятельные человеческие черты, которые делают вождя близким и родным каждому человеку, простым и понятным и как бы показывающим каждому его собственные возможности в их полном развитии и осуществлении. Трудно назвать другое поэтическое произведение, в котором идеи 11

марксизма о взаимоотношениях массы и личности нашли бы столь вдохновенное воплощение. С гордостью говоря о Ленине который «видел то, что временем закрыто», поэт в то же время называет его «самым земным из всех прошедших по земле людей». Образ истории, матери революционного движения, раскрывает в поэме Маяковского значение Ленина, гения революции, в его единстве с партией: Партия и Ленин — близнецы братья, — кто более матери истории ценен? Мы говорим — Ленин, подразумеваем-партия, мы говорим — партия, подразумеваем — Ленин. Гордость советского патриота за свой народ, за свою страну, давшую миру Ленина, звучит и в поэме «Хорошо!» Маяковский называл поэму «Хорошо!», написанную к десятилетию Октября, своим программным произведением. Оглядываясь на победоносный путь нашего народа и государства, полный лишений и трудностей, Маяковский утверждал в ней с непревзойденной поэтической силой идею советского патриотизма. Первоначально поэма. называлась «Октябрь». Название «Хорошо!» возникло в ходе создания поэмы и прозвучало несколько неожиданно для юбилейного исторического произведения. Это название выражало прежде всего личное отношение поэта к тому, что произошло в жизни родной страны, выражало восхищение, лирическую взволнованность человека, осознавшего себя счастливым. Раскрывая, по своему обыкновению, тему во вступлении, Маяковский с первых же строк подчеркивает слияние общественного и личного в истории «моей революции, моей республики»: Это время гудит телеграфной струной, это сердце с правдой вдвоем. Это было с бойцами или страной, или в сердце было в моем. 12

В поэме «Хорошо! Маяковский продолжил патриотическую Традицию передовой русской литературы. Но если у великих русских поэтов прошлого чувство любви к родине не могло не вызывать страстного протеста против уродливого общественного строя, против гнета царизма и крепостничества, против капитализма, то впервые у великого советского поэта священное чувство любви к родине не было ничем омрачено. В поэме читаем мы строки, полные страстной любви к родной советской земле: Я много в теплых странах плутал, НО ТОЛЬКО в этой зиме ПОНЯТНОЙ стала мне теплота любовью. дружб : и семей. Лишь лежа в такую вот гололедь, зубами вместе проляскав -поймешь: нельзя на людей жалеть ни одеяло, ни ласку. Землю, где воздух, как сладкий морс, бросишь и мчишь, колеся,-но землю, с которою вместе мерз, вовек разлюбить нельзя. Воздавая хвалу Советской республике к десятилетию ее существования, поэт заглядывает далеко вперед: Я с теми, кто вышел строить и месть 13

в сплошной лихорадке буден. Отечество славлю, которое есть, но трижды — которое будет. Любовь советского патриота к родине в поэзии Маяковского — гордая, разделенная любовь. «Читайте, завидуйте, я — гражданин Советского Союза!» Маяковский славит свое отечество, великую партию большевиков, которая ведет нашу родину к высотам коммунизма. С этих позиций Маяковский и взглянул на Америку, когда он очутился там в 1925 году, в одну из своих заграничных лекционных поездок. Поэтому его не только не раздавили «небоскребы», но, напротив, своим взглядом большевика поэт сумел увидеть «небоскреб в разрезе» и показать в нем «совсем дооктябрьский Елец аль Конотоп». Подлинный реалист, стоявший обеими ногами на почве советской действительности и не нуждавшийся в ее «приподнимании», он ясно видел блестящее индустриальное будущее своей социалистической родины и столь же ясно за «блестящим» фасадом американского капитализма различал его загнивание, его бесславный конец. В своих стихах и очерках поэт рисует не только Америку небоскребов и трестовских воротил, но и ту Америку, где «в 15 минутах холу, в 5 минутах езды от блестящей 5-й Авеню и Бродвея... стоят ящики со всевозможными отбросами, из которых нищие выбирают не совсем объединенные кости и куски...» «Мое открытие Америки» — так назвал поэт со свойственным ему глубоким юмором свои очерки, в которых он разоблачал лживую болтовню буржуазии о свободе печати, продажность, ханжество морали господ капиталистов. «Газеты созданы трестами; тресть, воротилы трестов запродались рекламодателям, владельцам универсальных магазинов. Газеты в целом проданы так прочно и: дорого, что американская пресса считается неподкупной. Нет денег, которые могли бы перекупить уже запродавшего журналиста». На каждом шагу поэт сталкивается в американской жизни с поруганным достоинством человека. Особенно его негодование вызвало положение женщины в буржуазном обществе. Об этом он писал в одном из самых скорбных своих стихотворений о негритянке-матери, продающей себя подгнившему мистеру Свифту. Это чувство породило и заме14

чательный цикл лирических стихов. Контраст с родной землей, где женщина давно уже стала равноправным членом социалистического общества, товарищем мужчин в труде и семье, помог поэту создать проникновенный женский образ в стихотворении «Парижанка». В противовес тому приукрашенному представлению об эlegantной парижанке, которое стало привычным в буржуазной литературе, Маяковский рисует скромную женщину, изнуренную тяжелым и унижительным трудом: «...очень трудно в Париже женщине, если женщина не продается, а служит». Стихи Маяковского, клеймящие американских трестовских воротил-человеконенавистников, организаторов новой мировой бойни, хорошо запомнились им. Недаром не так давно американский правитель Западной Германии генерал Клей, сыночек знаменитого «сигарного короля» Энри Клея — циничного колонизатора и насильника, выведенного в стихах Маяковского, — потребовал запрещения издания на немецком языке книг Маяковского. Маяковский чувствовал себя слитым с той громадной созидательной работой, которую развернула уже в те годы Советская страна. Его стихи посвящены труду, пятилетке, ударным бригадам, Кузнецкстрою и людям Кузнецка. В стихотворении «Американцы удивляются» Маяковский с большой сатирической силой противопоставляет два мира — капитализма и социализма — в их отношении к труду: Мистеры, у вас практикуется исстари деньгой окупать строительный норов. Вы не поймете, пухлые мистеры, корни рвения наших коммунаров. Буржуи, дивитесь коммунистическому берегу -на работе, в аэроплане, в вагоне вашу быстроногую знаменитую Америку мы и догоним и перегоним. 15

+ us, P, + Его восхищали наши плань, «размаха шаги саженьи». Его мечть реалиста хватали далеко. Он видел родную землю, превращенную в прекрасный сад, защищенную от суховеев: ...Где пыль вздымалась, ветрами дуема, сахара охрились, жаром лень, — росли из земного из каждого дюйма строения и зелены. Маяковский как бы предвосхищал еще больший размах наших дел, сказавшийся в грандиозном строительстве, которое развернулось теперь по всей советской земле. Вполне закономерно глубочайший патриотизм поэзии Маяковского утверждает волю советских людей к миру и воспринимается сегодня как обвинительный акт против поджигателей новой войны. Нужно ли говорить, как ненавистен был Маяковскому дух низкопоклонства перед буржуазной культурой, как он стремился, говоря словами бессмертной комедии Грибоедова, истребить «нечистый этот дух пустого, «Собственная в стихотворении «Нашему юношеству» убийственно высмеять «жалкую . рабского, слепого подражания». гордость» советских людей заставила Маяковского тошноту по стороне чужой», особенно противоестественную в условиях: советского строя: Когда ж переходят "ох К научной теме, НМ рамки русского узки: с Тифлисской Казанская академия переписывается по-французски... ...нам ли, | шагавшим в огне и воде годами, борьбой прожженными, растить на смену себе бульвардье французистыми пижонами! Безупречный в своем уважении ко всякому народу и его языку, Маяковский восславил в этом стихотворении русский язык, ставший в советскую эпоху языком мира: 16 de ic Tee ee Nee ee) I 2 he a lee + di a A de ans o mi ЛЕ a hit no de >

à та / "без него любви», 623 ns Ъ—=——= BEZZG 083\$ Да
будь я и негром преклонных годов, и то без унынья и лени я русский
бы выучил только за то, что им разговаривал Ленин. Живое чувство
советской национальной гордости выражено в этих словах. Со
свойственной ему замечательной широтой кругозора и огромной
любовью к своему, родному Маяковский советует нашей молодежи
смотреть на жизнь «без очков и шор», брать все, «что у вашей земли
хорошо и что хорошо на Западе», потому что «собственная гордость»
советских людей чужда всякой национальной ограниченности.
Широта, цельность, человечность поэзии Маяковского отражали
превосходство людей нового мира, людей-товарище миром, где
человек человеку волк. ga? | 4 В числе больших вопросов, котарье #165
PARE ое был и «Весенний вопрос». Прекрасно он'еказал о-красо ека,
посочувствовал тем, «которые не бывали в Бі ,вв ? шутке — «Разговор
на Одесском рейде, де у Аа ое сб ыы аменосцем» этой шал любовную
драму. Тема любви\@н назь jan бя 'ной тр чо 5 Muga, темы. «Я ж с
небес поэзии бросаюсь в КО збе « Маяковский боролся против
индивидуалистическо торой поэт переставал быть зхом мира и стано |
Горького, «няней своей души». Лирика Магос, тужес хотя иногда и
горькая, застенчивая, не дающая забыть, что есть дела поважнее, чем
личные горести. И поэтому в лирике Маяковского так часто слышна
ирония сатирика. Маяковский много ездит по городам Советской
страны и, наблюдая происходящие в ней великие изменения,
восхищается размахом социалистической стройки. Он выступает с
чтением своих стихов в переполненных аудиториях клубов, в
институтах, в красноармейских казармах и заводских цехах. В среднем
в год его слушало свыше шестидесяти тысяч человек. Около двадцати
тысяч записок с вопросами получил он во время своих выступлений.
Он хотел побывать в самых отдаленных местах Союза — в Сибири, на
Дальнем Востоке, в Среднеазиатских республиках, называя свой план
«пятилеткой поездок». : Сначала города, потом деревня. Рассматривая
карту Союза, он с особенным интересом намечал для своих поездок
такие пункты, где не было еще в то время ни водных, ни аи рожні
'путей. В bang aes й в. Маяковский, т. 1 } Муниципальное бюджетное
учреж "Центр культудзи "Горнь)) F. Екатфр инбург = NT PE | tras Parme
em

4 по Союзу укреплял Маяковский свои связи с массовым читателем СОВЕТского многонационального государства. Стоило ему только появиться в том или ином городе, как в гостиницу, где он останавливался, начиналось настоящее паломничество, к нему приходили читатели, поэты, переводЧИКИ. И недаром во время пребывания в Казани Маяковский с удовлетворением отметил, как проявление чувства дружбы народов, популярность своего «Левого марша» среди поэтов братских республик: Входит татарин: «Я на татарском вам | прочитаю «Левый марш». Входит второй. Косой в скуле. И говорит, - в карманах порьскав: « — _ — мариец. Твой — левый дай тебе прочту по-марийски». Эти вышли. Шедших этих в низкой двери встретил третий. «Марш ваш — наш марш. L чуваш, послушай, уважь. Марш вашинский так по-чувашски...» Незадолго до смерти Маяковский написал свои знаменитые «Стихи о советском паспорте», которые стали классическим выражением чувства советского патриотизма. Эти стихи стали как бы его завещанием. «Пурпурная книжица» — советский паспорт, который поэт предъявляет заграничным чиновникам, является предметом его великой гордости, «дубликатом бесценного груза» любви к социалистической родине. Поэт-трибун жил чувствами и мыслями передовых людей своей эпохи, великой партии Ленина — Сталина. Выражая в своей поэ18

чета Le SHH эти чувства и мысли, Маяковский как Obl опережал время и в этом видел задачу художника — «тащить понятное время». Защитникам родной земли — бойцам Красной Армии — Маяковский посвятил многие свои вдохновенные стихи. При жизни Маяковского фашизм еще только готовил силы для захвата власти в Германии. Но острым политическим чутьем большого поэта Маяковский чувствовал, какую опасность для нашей страны и для всего человечества представляет рвущаяся к власти фашистская банда. В ответ на разгул фашистской злобы тверже стой на посту, нога! Смотри напряженно! Смотри в оба! Глаз на врага! Рука на наган! Поэзия Маяковского — это поэзия советских людей, вооруженной рукой отстаивающих новое, социалистическое общество. В ее новаторском дерзании выразился русский революционный размах. Поэзия Маяковского особенно созвучна тому, чему всегда учила нас партия и что особенно сильно сказалось в Великую Отечественную войну на фронте и в тылу — воспитанию инициативы, находчивости, дерзанию. В дневниках Зои Космодемьянской среди других литературных выписок есть слова Маяковского: «Быть коммунистом — значит дерзать, думать, хотеть, сметь». Вот образ нашего человека, возникающий в поэзии Маяковского, который поразил воображение юной Зои. Бторгаясь в жизнь, борясь за то, чтобы приблизить будущее, Маяковский выработал свой художественный метод, о котором он говорил: И мы реалисты, но не На подножном корму, ; не с мордой, упершейся ВННЗ,— мы В НОВОМ, грядущем быту, помноженном на электричество и коммунизм. 2* 19

Творчество Маяковского в своем развитии после Октября утвердило с наибольшей силой метод социалистического реализма в поэзии, метод, сущность которого состоит в том, что писатель-художник правдиво изображает действительность в ее революционном развитии. II Маяковский ясно понимал свое место в советской поэзии, свой задачи как поэта социалистического общества. Правильно понимал он и то, что новые формы государственности, производства, быта, общественной и личной морали, порожденные Великой Октябрьской социалистической революцией, диктуют его поэзии новые задачи, новые идеи и образы. Эти новые задачи ему удалось так блистательно решить не только потому, что он твердо стоял на почве реальной действительности и был кровно связан с народом, но и потому, что он опирался на великий опыт русской литературы. Нить преемственности с передовой русской литературой можно проследить, например, в его решении вопроса о назначении поэта в наши дни. К этой теме Маяковский возвращался неоднократно. Уже в первые дни после Октября Маяковский ставит вопрос о «месте поэта в рабочем строю». Его знаменитые «приказы» по армии искусств с их пафосом новаторства были продолжением традиционной русской темы поэта и гражданина, особенно в ее некрасовском выражении. Вспомним стихотворение Некрасова «Поэт и гражданин». Слово не должно расходиться с делом, слово должно прямо переходить в дело — вот в чем пафос этого некрасовского стихотворения: Иди в огонь за честь отчизны, За убежденье, за любовь... Иди и гибни безупречно. Умрешь не даром: дело прочно, Когда под ним струится кровь. Есть вещи, о которых стыдно писать «в годину горя»: ласка милой, краса долин, небес и моря. Недостойно в такое время молчать гражданину, а тем более поэту. Маяковский усовещивал поэтов, сторонников «чистого искусства»: Бросьте! Забудьте, плюньте и на рифмы, и на арии, и на розовый куст, 20 || 1 1 4 1 | 1 i | 1 1 1 | i 1 мы быть а які быы.

и На прочие мерехлюндий из арсеналов искусств. Кому это интересно, что — «Ах, вот бедненький! Как он любил и каким ОН был несчастным...»? Мастера, а не длинноволосые проповедники нужны сейчас нам. Слушайте! Паровозы стонут, дует в щели и в пол: «Дайте уголь с Дону! Слесарей, механиков в депо!» Маяковский вовсе не думал отрицать проповеднической, то есть идейно-воспитательной задачи поэта. Напротив. В другом стихотворении, написанном раньше, он говорил: «...труд поэтов — почтенный паче — людей живых ловить, а не рыб». И если он противопоставлял в данном случае мастеров проповедникам, то только одной их породе — «длинноволосым». Именно «длинноволосый» витийствовал в блоковских «Двенадцати»; А это кто? Длинные волосы И говорит вполголоса: — Предатели! — Погибла Россия! Должно быть, писатель — Вития... В этом же «Приказе по армии искусств» от Маяковского попадало и эстетам, «запутавшимся в паутине рифм». Поэтов-мастеров Маяковский противопоставлял эстетам. Никогда в русской литературе тема мастерства не имела такого звучания, какое она получила у Маяковского. Это было обусловлено тем, что новый класс должен был выдвинуть своих мастеров культуры. Народный слуга — вот кто такой поэт, по мысли Маяковского. Нет бремени, которого Маяковский не взвалил бы на плечи «любимца муз». А для того чтобы поднять это бремя, он должен быть мастером. Великую идею вкладывает Маяковский в понятие мастерства: требовательность художника к самому себе не знает пределов. «Труд мой любому труду родствен»,-- говорит у Маяковского поэт в «Разговоре с фининспектором о поэзии» и вместе с тем создает гимн мастерству, который мог возникнуть только в советскую эпоху, когда всякое достижение мастерства в любой области é

пронизано коммунистической идейностью. Но все-таки поэзия — не «любой труд»: | Приходит страшнейшая из амортизаций -амортизация сердца и души. Не корысть и Не карьера, а идея социализма, борьба за счастье трудящихся заставляют поэта стать мастером: Поэзия — та же добыча радия. В грамм добыча, в год труды. Изводишь, единого слова ради, тысячи тонн словесной руды. Но как испепеляюще слов этих жжение рядом с тлением слова-сырца. Эти слова приводят в движение тысячи лет миллионов сердца. Маяковский хотел вооружить своим стихом рабочий класс в его великой борьбе. Он хотел «размножить бурей восстаний, дел и поэм» величественные события советской эпохи. Вот для чего требовалось мастерство. Он хотел, чтобы его поэзия была целиком связана с рабочим классом. | Взгляд на поэта эпохи социализма как на бойца, готового отдать свою жизнь за народ, выражен с огромной силой в последнем произведении Маяковского, которым явилось начало поэмы «Во весь голос». Очевидна для всякого перекличка Маяковского в этом произведении с пушкинским «Памятником». Это придает поэме Маяковского программное значение. «Слово — полководец человеческой силы», — так определяет Маяковский задачу поэта. Поэт, «революцией мобилизованный и призванный», отдает «планеты пролетарию» свои стихи — «все поверх зубов вооруженные войска». Идея становится материальной силой, когда она овладевает массами — вот мысль, которая лежит в основе отношения Маяковского к слову как к оружию.

22 ИН Аа ана НЕ ct in НН due nt it ДБ ны in se has atc i i né a het фо Й th mt dns. ним ht a 2 lc i lhl А НЕ ИРИНА

RS се За что же поэту должен быть воздвигнут памятник?
Ответ Пуш- | кина бесконечно близок нашей эпохе: за то, «что в мой жестокий век восславил я Свободу». Или еще яснее в черновом варианте: «Вослед Радищеву восславил я Свободу». Этот завет гражданского служения поэта свято чтит и Маяковский. «Велели нам идти под красный флаг года труда и. дни недоеданий». Маяковский заявляет о своем равнодушии к личной славе. Он выдвигает на первый план не себя — автора замечательных стихов, а ту высокую цель, ради которой они были созданы. X Пускай нам ,общим памятником будет построенный в боях социализм — вот девиз его поэзии, который стал уже творческим девизом героического труда и борьбы всех советских людей. «Хай нам загальним пам'ятником буде збудований в боях соціялізм» — гласит надпись на братской могиле в Полтаве двадцати семи красноармейцев и красных партизан, погибших в годы гражданской войны. Величайшим утверждением идейности, героического самопожертвования во имя советской отчизны проникнут образ поэта во вступлении к поэме «Во весь голос». Наследник традиций Пушкина, Некрасова, всей передовой русской литературы, Маяковский-новатор приумножил это наследие поэтическим изображением нашей советской эпохи. Ведь традиции — это не. «повторение пройденного», а критическое усвоение наследия и развитие нового на новой исторической основе. Именно поэтому Маяковский и смог стать великим новатором. Его творчество утверждает неиссякаемую оригинальность русского искусства. В новаторстве Маяковского сказывается идейно-художественная преемственность советского поэта, продолжающего традиции великой русской литературы. III Широко известно замечательное высказывание М. И. Калинина, в котором, характеризуя Маяковского как великого поэта-патриота, он подчеркивает единство содержания и формы его поэзии: «Мне кажется, великолепным образцом служения советскому народу является Маяковский. Он считал себя бойцом революции и был таковым по существу своего творчества. Он стремился слить с революционным народом не только содержание, но и форму своих произведений, так что будущие историки наверняка скажут, что его произведе23

ния принадлежали великой эпохе ломки человеческих отношений. Поэтому я считаю, что Маяковский имел право, обращаясь к будущим поколениям, сказать: Я к вам приду "ов коммунистическое далеко не так, как песенно-есененный провитязь. Мой стих дойдет через хребты веков и через головы поэтов и правительств. Мой стих дойдет, но он дойдет не ТАК,— не как стрела в амурно-лировой охоте, не как доходит к нумизмату стершийся пятак и не как свет умерших звезд доходит. Мой стих трудом громаду лет прорвет и явится весомо, грубо, зримо, как в наши дни вошел водопровод, сработанный | еще рабами Рима. В этом гордом заявлении мы слышим величественный голос нашей эпохи, наших поколений, преобразующих мир на новых началах». Для наиболее полного выражения революционного содержания Маяковский должен был создать свою художественную форму, обновить изобразительные средства, развернуть и умножить ритмическое богатство русской поэзии. С помощью этих новых поэтических средств великие исторические события и переживания миллионов людей нашли свое полноценное художественное выражение в его политической лирике и поэмах «Владимир Ильич Ленин» и «Хорошо!». Необходимо, однако, помнить, что Маяковский не сразу пришел в своем творчестве к тому слиянию с революционным народом не только содержания, но и формы своих произведений, о котором говорил М. И. Калинин. Стремясь приблизить язык поэзии к языку народа, Маяковский вел борьбу с буржуазными поэтами-декадентами, которые еще в 1921 году открыто пытались навязать молодой советской поэзии свои эстетические «нормы». В этой борьбе Маяковский утверждал 24 п жива Бодня НЕ ии 2 абы дей А ада kk Ба, as ша ti ОРАТИ К Даа палас

ONE TITRE PT PORT TE QE ERP TE ут re + в своей поэзии метод социалистического реализма. Большое значение поэт придавал языку своих произведений. Некоторые особенности языка. Маяковского предстают в своем истинном значении как развитие национальных традиций, завещанных русской поэзии Пушкиным. Известно то место, которое в учении И. В. Сталина о языке отведено языку Пушкина. Указывая, что язык, собственно его словарный состав, находится в состоянии почти непрерывного изменения, И. В. Сталин устанавливает, что структура пушкинского языка с его грамматическим строем и основным словарным фондом сохранилась во всем существенном, составляя основу современного русского языка. Как же представлял себе сам Пушкин развитие языка поэзии, и в чем был смысл его собственной творческой эволюции в этой области? Эволюция литературных взглядов Пушкина вела его к реализму, к пониманию «прелести нагой простоты». В одном из своих писем к А. А. Бестужеву Пушкин писал, что он не разрешит печатать «Братьев-разбойников», если цензура не пропустит «простонародные» выражения. С горечью шутил поэт в другом письме к Бестужеву по поводу отрывка из той же поэмы: «...если отечественные звуки — харчевня, кнут, острог — не испугают нежных ушей читательниц Пол(ярной) Зв(езд), то напечатай его». Характерно высказывание Пушкина о языке поэзии в то время, когда он приступал к «Евгению Онегину». «Я не люблю видеть в первобытном нашем языке следы европейского жеманства и фр(анцузской) утонченности. Грубость и простота более ему пристали»,-- писал он в ноябре 1823 года в письме к Вяземскому. Какой смысл вкладывал здесь Пушкин в слово «грубость? Он ориентировал развитие литературного языка на разговорный язык простого народа, приводя в пример Альфиери, изучавшего итальянский язык на флорентинском базаре. Достоинство языка русского народа в противовес жаргону русской аристократии Пушкин считал проистекающим оттого, что народ «слава богу» не выражает «своих мыслей на французском языке». А в чем состоит особенность жаргона русской аристократии? И. В. Сталин говорит о таких жаргонах: «У них есть: набор: некоторых специфических слов, отражающих специфические вкусы аристократии или верхних слоёв буржуазии; некоторое количество выражений и оборотов речи,

отличающихся изысканностью, галантностью и свободных от «грубых» выражений и оборотов национального языка; наконец, некоторое количество иностранных слов». Итак, «грубость» русского языка, которую отстаивал Пушкин против жаргона русской аристократии,— это утверждение норм и традиций национального языка. 25

По всему смыслу эстетического кодекса Маяковского, «грубость» его языка должна быть осмыслена в этой перспективе. Ссылаясь на статью Ленина «О характере наших газет», Маяковский резко критиковал поэтов, перегружающих свои стихи «иностранщиной»: | «Иностранщина из учебников, безобразная безобразность до сих пор портит язык, которым пишем мы. А в это время поэты и писатели, вместо того чтобы руководить языком, забрались в такие заоблачные выси, что их и за хвост не вытащишь. Открываешь какой-нибудь журнал — сплошь испещрен стихами: тут и «жемчужные зубки», и «хитоны», и «Парфенон», и «грезы», и черт его знает, чего тут только нет. Надо бы попросить господ поэтов слезть с неба на землю». Стремясь к утверждению национального языка, Пушкин при своем появлении на поэтическом поприще смог оценить, по слову Белинского, страшную силу «чудовища-привычки». «За исключением Державина, - поэтической натуре которого никакой предмет не казался низким, из поэтов прежнего времени никто не решился бы говорить в стихах о пивной кружке... в стихах тогда говорилось не о кружках, а о фиалах, не о пиве, а об амброзии и других благородных, но не существующих на белом свете напитках... Теперь смешно читать,-- говорит великий криТНК,-- нападки тогдашних аристархов на Пушкина — так они мелки, ничтожны и жалки; но аристархи упрямо считали себя хранителями чистоты русского языка и здорового вкуса, а Пушкина — искажителем русского языка и вводителем всяческого литературного и поэтического безвкусиа...» Белинский восхищался в Пушкине гениальной способностью, с Ка-. кой великий «поэт действительности» делал поэтическими самые прозаические предметы. Но ведь именно эта особенность отличала поэзию Маяковского в эпоху Великой Октябрьской социалистической революции, когда новая, беспримерная действительность, созданная победой рабочего класса, нашла в Маяковском своего поэта. Разве Не естественно, что в той перспективе утверждения в поэзии разговорного языка и реального словаря народа, которая была намечена еще Пушкиным — «поэтом действительности», Маяковский и обратился на новом историческом этапе к «странному просторечию, сначала презренному», каким был весь тот «говор миллионов», который «революция выбросила на

улицу». Он иронизировал над представителями «чистого искусства»: «..поэт Фет сорок шесть раз упомянул в своих стихах слово «конь и ни разу не заметил, что вокруг него бегают и лошади. Конь изысканно, лошадь буднично. Количество слов «поэтических» ничтожно. «Соловей» можно — «форсунка» нельзя». 26

Разве не близки эти замечания Маяковского рассуждениям Велинского о «пивной кружке», «фиале» и «амброзии» в его статьях о Пушкине? Разве не та же самая тенденция к утверждению в языке поэзии реализма и народности проявляется в этих высказываниях, несмотря на качественно новое социальное содержание поэзии Маяковского по сравнению с поэзией Пушкина? Гоголь писал о Пушкине: «В нем, как будто в лексиконе, заключалось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Он более всех, он далее раздвинул границы и более показал все его пространство...» В лучших своих произведениях, освоивших и сделавших поэтическим «грубый» разговорный язык народа, строящего в жестокой классовой борьбе новую жизнь, Маяковский продолжил дело Пушкина, осваивая в русском языке, по выражению Гоголя, «все его пространство». «Народ — языкотворец» услышал в поэзии Маяковского новые слова, которые не сразу были всеми приняты, но образованы были в органическом соответствии с духом и законами русского языка. Новые слова возникали в поэзии Маяковского в ответ на потребности жизни, из осознанного стремления повысить смысловую действенность поэтической речи. Вот пример, каких можно привести множество. В общеизвестных «Стихах о советском паспорте» поэт говорит: С каким наслажденьем жандармской кастой я был бы исхлестан и распят за то, что в руках у меня молоткастый, серпастый советский паспорт. «Молоткастый», «серпастый» — этих слов, образованных по типу горл-астый, зуб-астый, рук-астый, язык-астый, глаз-астый и т. д., нет в словарях. Но они живо передают силу того, что защищает гордого обладателя советского паспорта, — силу и величие государственного герба Советского Союза. Эти новые слова, созданные Маяковским в новую историческую эпоху, утверждают национальные традиции в развитии языка, предуказанные Пушкиным. Всем известна строфа из «Хорошо: Я планов наших люблю громадьб, размаха шаги саженьи. 27

Я радуюсь маршу, которым идем в работу и в сраженья. Не правы некоторые критики, считающие неудачным неологизм «громадьё». Собирательное «громадьё» образовано Маяковским по типу мальё (мелкие предметы, ср. поговорку — «Корьё не мальё, а дуба не стало»); колотьё, суровьё и т. п. Небывалый, беспримерный масштаб наших дел, их громадность потребовали и нового собиравательного, обобщившего и во много раз усилившего значение слова. Богатство литературного языка создается не только включением в его живой строй слов из не освоенного еще нами «запаса» великой русской литературы и разговорной речи народа, но и творчеством новых слов, в котором нельзя не учитывать роли поэта. Художественная практика Маяковского 'в этом смысле показательна. Богатство языка обусловлено тем, что основной словарный фонд, как говорит И. В. Сталин, «дает языку базу для образования новых слов. Словарный состав отражает картину состояния языка: чем богаче и А словарный состав, тем богаче и развитие язык». Есть у Маяковского и неудачные словообразования. Они встречаются иногда и в лучших его произведениях. Например, в замечательном «Левом марше» есть такая строфа: Пусть бандой окружат нанятой, стальной изливаются лбевой, - России не быть под Антантой. Левоу! Левоу! Левоу! Неологизм «леева», повидимому от глагола «лить», не раскрывается в своей смысловой значимости, до корня его не сразу доберешься. У Маяковского были свои неудачи в поисках новых средств выразительности. Но стоит лишь правильно осмыслить их в истории становления нашей советской поэзии, чтобы понять исключительное значение того вклада в развитие национальной формы, которым великий русский поэт советской эпохи обогатил отечественную литературу. «Не должно мешать свободе нашего богатого и прекрасного языка», — говорил Пушкин. Творческий опыт Маяковского подтверждает: не нужно заглушать в нашем словесном искусстве стремление к созданию новых изобразительных средств, отвечающих беспримерному идейному содержанию великой советской эпохи, к раскрытию новых оттенков

Lo eT a ж p ре ер ое i hc al mit li 0 à A ME TRE US OR COCA, ES cae eee ге ков в значении слов, К созданию новых слов сообразно с законами развития родного языка. Недаром А. М. Горький, оценивая подготовленный в Академии наук словарь русского литературного языка, указывал в письме к О. Ю. Шмидту как на существенный недостаток, что в словаре нет «...Маяковского, Д. Бедного — людей весьма чутких к затейливой игре языка, «словотворцев». В период работы над поэмой о Ленине Маяковский призывал учиться у Пушкина «максимально добросовестным творческим приемам, которые дают бесконечное удовлетворение и верную формулировку взятой, диктуемой, чувствуемой мысли». И, однакоже, учась, у Пушкина, Маяковский создал произведение гениально-самобытное и по содержанию и по форме, представляющее шаг вперед в развитии русской поэзии. | Выразительность языка Маяковского сыграла важную роль в воплощении его идейного замысла. В непосредственной связи с языком нужно рассматривать и особенности стиха Маяковского. Для Маяковского поэтическое слово было действием. Поэт делал упор на «слышимое слово, слышимую поэзию», указывая, что: «Рукопись — только начало книги. Трибуну, эстраду — продолжит, расширит радио. Радио — вот дальнейшее... продвижение слова, лозунга, поз»: зии... Счастье небольшого кружка слушавших Пушкина сегодня привалило всему миру». Своеобразие стиха Маяковского отчасти характеризуется тем, что, как говорит поэт, «в каждом стихе сотни тончайших ритмических, размерных и других действующих особенностей, никем, кроме самого мастера, и ничем, кроме голоса, не передаваемых». Конечно, из этого вовсе не надо делать вывода, что стихи Маяковского нужно обязательно слушать и нельзя читать про себя. Это совершенно неправильно. Однако, для того чтобы до конца воспринять всю их красоту и выразительность, нужно не только прочитать их глазами, но суметь их внутренне услышать. Такие особенности стиха, как ритм и рифма, подчеркивают гораздо большую: звуковую упорядоченность в поэзии словесного материала по сравнению с прозой. Стихи в гораздо большей степени, чем проза, рассчитаны на то, что их будут произносить, читать вслух. Стих Маяковского приобретает своеобразное качество, раскрывая эти возможности и особенности поэзии по сравнению с прозой. Рифма

Маяковского отличается необычайной широтой созвучия и неожиданностью. Поэт придавал большое значение рифме как средству выражения и усиления смысла стиха: «...без рифмы (понимая рифму широко) стих рассыплется. 29

~ Рима возвращает Вас к предыдущей строке, заставляет вспомнить ее, заставляет все строки, оформляющие одну мысль, держаться вместе». | Поскольку Маяковский делал упор на «слышимое слово, слышимую поэзию», то и роль рифмы для него необычайно вырастала: «...я всегда ставлю самое характерное слово в конец строки и достаю к нему рифму во что бы то ни стало...» Это обуславливало необычайность рифмовки Маяковского: как правило, поэт избегал рифмовать слова одинаковых грамматических категорий. Неожиданность рифмы заставляет острее воспринимать смысл строки, возвращая память к той, с которой рифмуется. Все свои поэтические средства Маяковский подчинял воплощению идейного замысла и был ярким врагом всякой, хотя бы и новой, догмы. При всем своем внимании к рифме Маяковский в поэме «Владимир Ильич Ленин» оставил незарифмованными несколько строк в знаменитом лирическом отступлении о партии: Партия — | спинной хребет рабочего класса. Партия — бессмертие нашего дела. Партия — единственное, что мне не изменит. Дальше вновь вступает в свои права могучая рифма Маяковского. Однако перерыв в рифмовке как бы выделяет курсивом смысл данных строк *. | Несмотря на всю мощь рифмы Маяковского, главным фактором, определяющим своеобразие его стиха, является ритмика. «Ритм — это основная сила, основная энергия стиха», — говорил сам поэт. И действительно, в его стихах поражает исключительное богатство ритмов, многообразие их в пределах каждого произведения, чрезвычайно гибкий переход от одного размера к другому в рамках даже одной строфы. При этом нельзя не осознать трудность определения конкретного размера в строфе Маяковского, если базироваться на традиционных определениях — ямб, хорей, дактиль и т. д., хотя эти размеры возникают постоянно в строках Маяковского. Практически в своем стихе он продолжал, развивал элементы стиха своих великих предшественников, но так, что, включенные в *

В статье «Как делать стихи» Маяковский ссылается на работы формалистов, думая этим подкрепить свои положения. Поэт ошибался. Его статья, раскрывая самый процесс того, как идея определяла собой форму, поэтические средства, воинствующе заострена против формализма. 30

"tu TORE dite tet Fa alte ak DES ag ---=—систему стиха Маяковского, эти элементы приобретали не только иную индивидуальную окраску, но и. новое действенное значение. Богатство ритмов в стихах Маяковского обусловлено богатством содержания, смена одного размера другим глубоко закономерна. Соседствующие разные ритмы, контрастируя друг с другом, заставляя резче ощущать смысл одной темы в соотношении с другой, играют роль одного из тех изобразительных средств, которые помогали Маяковскому добиваться исключительной экономии, сжатости выражения. В поэме «Хорошо!» не будет и тысячи пятисот строк. Если сопоставить этот объем с огромным содержанием поэмы, представляющей собою по существу историческую эпопею советского народа и государства, то станет ясной необычайная емкость изобразительных средств поэта. В их взаимодействии нельзя недооценивать роли ритма. Поразителен в ритмическом отношении эпизод взятия Зимнего дворца. Вполне понятно, какую политическую нагрузку несет этот эпизод, воплощая идею перехода власти в руки рабочего класса, идею конца российского капитализма и начала новой, социалистической эры. Открывающая эпизод строфа подчеркивает обычность городского пейзажа в момент подготовки и свершения величайшего Революционного действия: й со | ул, А как всегда, въ- ап октябрь о ветрами, а «АС 3 У как дуют при капитализме. «1.» За Троицкий . | > И дули а ih а обычные рельсы вымели. в «Дул... октябрь ветрами», «дули авто и трамваи»” в 3 ном сближении разных слов — литературного и просторечного, в использовании сокращенно-разговорного — «трамваи», выступает обыденность фона: погоды и жизни города. Но сразу же-вслед за этой строфой вторгается песенная строфа, ярко и определенно говорящая о готовящемся событии: Под мостом Нева-река. По Неве плывут кронштадтцы... От винтовок говорка скоро Зимнему шататься. 31 авто и per rss ne 49 <

Частушечно-короткую веселую строфу, с которой входит в поэму голос самой революционной улиц, сменяет длинная патетико-ироническая, с гневной характеристикой самовлюбленного болтуна Керенского: | В бешеном автомобиле, покрышки сбивши, тихий, вроде упакованной трубы, за Гатчину, забившись, улепетывал бывший.— «В рог, в бараний! Взбунтовавшиеся рабы!..» И после еще одной веселой песенной строфы, в которой действуют кексгольмцы, окружающие Зимний, следуют величественные, торжественные строки, в которых появляется человек, держащий в своих руках все нити исторических событий: А в Смольном, в думах о битве и войске, Ильич гримированный мечет шажки... Ритмическое многообразие этих первых пяти строф во взаимодействии с замечательной выразительностью языка и образностью помогло поэту сжато передать огромное историческое содержание. Говоря о роли ритмического рисунка, необходимо подчеркнуть, что ритм у поэта вытекает из содержания, что он рождается вместе с содержанием, а не «накидывается» на него. Маяковский вовсе не стремится менять размеры без надобности, предостерегая и в этой области от «постоянного изречения небывалых истин». На протяжении больших кусков его поэм и в отдельных стихотворениях действуют устойчивые размеры, в особенности там, где нет перемен места и времени. В поэме «Хорошо!» многообразие ритмов задано огромностью исторических событий и переживаний людей в масштабе целой страны и эпохи. Ритмическое богатство, которым владел Маяковский, во взаимодействии со всей суммой изобразительных средств языка и позволило поэту организовать этот огромный материал на сравнительно небольшой «площадке» -- около полутора тысяч строк.

уж ее С7, о а il i el PUP nT «Большинство моих вещей построено на разговорной ННТОНАЛННУ,— указывал Маяковский. Широко используя «простонародные» выражения, осваивая в русском языке «все его пространство», Маяковский сближал поэзию с жизнью, с живой народной речью. Было бы, однако, странно на этом основании упускать из виду особенности поэтического претворения разговорной речи в стихе Маяковского. «Как ввести разговорный язык в поэзию и как вывести поэзию из этих разговоров?» — так ставил вопрос сам поэт. В эпизоде взятия Зимнего высшей точкой является строфа, рисуемая картину, как врываются «бушлаты, шинели, тулупы» в комнату, куда забились тринадцать министров Временного правительства; И в эту тишину раскатившийся всласть бас, окрепший, над реями рея: «Которые тут временные? Слазь! Кончилось ваше время». Можно сказать, что поэт слился с «бушлатами, шинелями, тулупами», создавая этот гениальный каламбур, в котором выразилось торжество восставшего народа. Условное наименование временного правительства российской буржуазии реалистически раскрывается и обобщается здесь как метафора исторической обреченности капитализма. И еще реалистический штрих, «уплотняющий» картину: провозглашает эти слова матрос («бас, окрепший, над реями рея») — один из тех людей, чья передовая роль в Октябрьском восстании — факт исторический, Слово «время», подлежащее рифмовке, характеризующее смысл всей строфы — «Кончилось ваше время», — это слово подготовлено рифмой, нарастающей во второй строке: «бас, окрепший, над реями рея». Смысл последней строки ритмически поднят тем, что она самая короткая в строфе, по слогам почти вдвое более короткая, чем первая строка, которая своей относительной длиной и создает ощущение баса, «раскативе шегося всласть». | После строф, рисующих штурм Зимнего, поэт постепенно ослабляет напряжение, «тушит» краски и подводит к пейзажной концовке, почти повторяющей строфу, открывающую эту главу: Дул, как всегда, октябрь ветрами. 3 в. Маяковский, т. 1 93

Рельсы по мосту вызмеив, гонку | свою продолжали ТРАМЕИ уже — при социализме. Повторяя строфу вступительную, поэт сохраняет ее смысл — обычности, обыденности фона, ни в чем не изменившегося после того, как совершилось величайшее историческое событие, но отказывается от иронического каламбура: вместо: «дули авто и трамы» — теперь читаем: «гонку свою продолжали трамы». Это на первый взгляд небольшое изменение придает строфе серьезность, диктуемую смыслом того, что произошло. | Все элементы стиха Маяковского, при сколько-нибудь вдумчивом подходе к нему, обнаруживают свою глубокую взаимосвязанность и закономерность. Важнейшую роль играет в его стихе установка на «слышимое слово». «Во весь голос» — подчеркнуто назвал поэт свое последнее произведение. Можно сказать, что глубина мысли и чувства поэзии Маяковского воплощена в исключительно богатой художественной форме его стиха, в частности в изумительной ритмике. Повышенная действенность слова в стихе рождает у поэта сравнение стихов с войском: Парадом развернув моих страниц войска, я прохожу по строчечному фронту. Великий поэт — трибун эпохи социализма, был великим мастером стиха. Вот почему поэтическое слово в его руках было подлинным «полководцем человечьей силы». Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи, — сказал Иосиф Виссарионович Сталин. Изображая действительность в ее революционном развитии, Маяковский как бы смотрел из будущего на настоящее. Это давало ему возможность угадывать направление развития действительности — типизировать явления жизни. Маяковский в полной мере владел этой важнейшей особенностью реалистического мастерства. Он широко прибегал к сознательному преувеличению, заострению образа, стремясь выразить сущность данного социального явления. Для него искусство — «Не отображающее зеркало, а — увеличивающее стекло». «Увеличивая» положительное и отрицательное в нашей жизни средствами свое. 34

го искусства, с исключительной силой выявляя типическое, Маяковский тем самым вторгнулся в жизнь, поддерживая ростки нового, выкорчевывая враждебное и обветшалое, что задерживало наше движение вперед, к коммунизму. Величие поэтического подвига Маяковского состоит в том, что, отдав «всю свою звонкую силу поэта» борьбе за коммунизм, он двинул вперед и развитие русской поэзии, сделал новый шаг в художественном развитии человечества. Своим поэтическим словом Маяковский славит «радость жизни, веселье труднейшего марша в коммунизм», помогает партии воспитывать молодое поколение стойким, бодрым, не боящимся препятствий, идущим навстречу всем и всяческим трудностям и умеющим их преодолевать. Образ Советской страны и ее людей, созданный Маяковским в его поэзии, покоряет громадной обобщающей силой утверждения своего, родного, советского: ...день наш тем и хорош, что труден, Эта песня песней будет наших бед, побед, буден. Все творчество Маяковского и было такой великолепной песней, _ которая будет звучать всегда, потому что она зовет наших людей вперед, к творчеству, к подвигу во имя коммунизма. В. Перцов 37

+ че " ade з \$ = со ри М през nm — о оо L y .PSE " 3 A . 2, À в «
д" р +» х” "Su PY P" лк | в. + : ni. + а ыы - У МР а af te i LES fs aa y = #
то о == = "й і ' , LA г fín à ь ` * . . \$ ‘ -ï \ | -« . mn , а. à Lie pi LÉ ad Ie

СТИХОТВОРЕНИЯ 1913--1917 А ВЫ МОГЛИ БЫ? Я сразу
смазал карту будня, плеснувши краску из стакана; я показал на блюде
студня косые скулы океана. На чешуе жестяной рыбы прочел я зовы
новых губ. А вы ноктюрн сыграть могли бы на флейте водосточных
труб? 1913 99

ПОСЛУШАЙТЕ! Послушайте! Ведь, если звезды зажигают, значит — это кому-нибудь нужно? Значит — кто-то хочет, чтобы они были? Значит — кто-то называет эти плевочки жемчужиной? И, надрываясь в метелях полуденной пыли, врывается к богу, боится, что опоздал, плачет, целует ему жилистую руку, просит — чтоб обязательно была звезда!-клянется — не перенесет эту беззвездную муку! А после ходит тревожный, но спокойный наружно. Говорит кому-то: «Ведь теперь тебе ничего? Не страшно? Да?!» Послушайте! Ведь, если звезды зажигают, значит — это кому-нибудь нужно? Значит — это необходимо, чтобы каждый вечер над крышами загоралась хоть одна звезда?! 1913 40

ET Se on RS ані ГИМН СУДЬЕ По Красному морю плывут
каторжане, трудом выгребая галеру, рыком покрыв кандальное ржанье,
орут о родине Перу. О рае Перу орут перуанцы, где птицы, танцы,
бабы и где над венцами цветов померанца были до небес баобабы.
Банан, ананасы! Радостей груды! Вино в запечатанной посуде... Но вот,
неизвестно зачем и откуда, на Перу наперли судьи! И птиц, и танцы, и
их перуанок кругом обложили статьями. | Глаза у судьи — пара
жестянок мерцает в помойной яме. Попал павлин оранжево-синий под
глаз его строгий, как пост,-и вылинял моментально павлиний
великолепный хвост! А возле Перу летали по прерии птички такие —
колибри; судья поймал и пух и перья бедной колибри выбрил. 41

И нет ни в одной долине ныне гор, вулканом горящих. Судья написал на каждой долине: «Долина для некурящих». В бедном Перу стихи мои даже в запрете под страхом пыток. Судья сказал: «Те, что в продаже, тоже спиртной напиток». Экватор дрожит от кандалных звонов. А в Перу бесптичье, безлюдье... Лишь, злобно забившись под своды законсв, живут унылые судьи. А знаете, все-таки жаль перуанца. Зря ему дали галеру. Судьи мешают и птице, и танцу, и мне, и вам, и Перу. 1915

ВОЕННОМОРСКАЯ ЛЮБОВЬ По морям, играя, носится с
миноносцем миноносица. Льнет, как будто к меду осочка, к миноносцу
миноносочка. И конца б не довелось ему, благодушью миноносьему.
Вдруг прожектор, вздев на нос очки, впился в спину
МННОНОСОУКН. Как взревет медноголосина: «Р-р-р-астакая
миноносина!» Прямо ль, влево ль, вправо ль бросится, а сбежала
миноносица. Но ударить удалось ему по ребру по миноносьему. Плач и
вой морями носится: овдовела миноносица. И чего это несносен нам
мир в семействе миноносином? 1915 43

НАДОЕЛО Не высидел дома. Анненский, Тютчев, Фет.

Опять, тоскою к людям ведомый, иду в кинематографы, в трактиры, в кафе. За столиком. Сияние. Надежда сияет сердцу глупому. А если за неделю так изменился россиянин, что щеки сожгу огнями губ ему. Осторожно поднимаю глаза, роюсь в пиджачной куче. «Назад, наз-зад, назад! Страх орет из сердца. Мечется по лицу, безнадежен и скучен. Не слушаюсь. Вижу, вправо немножко, неведомое ни на суше, ни в пучинах вод, старательно работает над телячьей ножкой загадочнейшее существо. Глядишь и не знаешь: ест или не ест он. Глядишь и не знаешь: дышит или не дышит он. Два аршина безлищего розоватого теста: хоть бы метка была, в уголочке вышита. Только колышутся спадающие на плечи 44 an ча al dil dns verre wa 2 file lll 25
вым Вал 4 4 Я 1

мягкие складки лоснящихся щек. Сердце в исступлении, рвет и мечет. «Назад же! Чего еще?» Влево смотрю. Рот разинул. Обернулся к первому, и стало йначе: для увидевшего вторую образину первый -воскресший Леонардо да Винчи. Нет людей. * Понимаете крик тысячедневных мук? Душа не хочет немая идти, а сказать кому? Брошусь на землю, камня корою в кровь лицо изотру, слезами асфальт омывая. Истомившимися по ласке губами тысячью поцелуев | | покрою умную морду трамвая. В дом уйду. Прилипну к обоям. Где роза есть нежнее и чайнее? Хочешь — тебе рябое прочту «Простое, как мычание»? ДЛЯ ИСТОРИИ Когда все расселятся в раю и ваду, земля итогами подведена будет — помните: в 1916 году из Петрограда исчезли красивые люди. 1916

ДЕШЕВАЯ РАСПРОДАЖА Женщину ль опутываю в трогательный роман, просто на прохожего гляжу ли — каждый опасливо придерживает карман. Смешные! С нищих — что с них сжулить? Сколько лет пройдет, узнают пока -кандидат на сажень городского морга — Я бесконечно больше богат, чем любой Пьерпонт Морган. Через столько-то, столько-То лет -- словом, Не выживу — с голода сдохну ль, стану ль под пистолет — меня, сегодняшнего рыжего, профессора разучат до последних иот, как, когда, где явлен. Будет с кафедры лобастый идиот что-то молоть о богодьяволе. Склонится толпа, лебезяща, суетна. Даже не узнаете — я не я: облысевшую голову разрисует она в рога или в сияния. 46

Не б чу —_ в " Р МАТ хаа и иу тг Ук чо Каждая курсистка,
прежде чем лечь, она не забудет над стихами моими замлеть. Я —
пессимист, знаю — вечно будет курсистка жить на земле. Слушайте ж:
все, чем владеет моя и, — а ее богатства пойдите смерьте еѣ!—
великолепие, что в вечность украсит мой шаг, и самое Мое бессмертие,
которое, громыхая по всем векам, коленопреклоненных соберет
мировое вече, — все это — Хотите?-сейчас отдам за одно только слово
ласковое, человечье. Люди! Пыля проспекты, топча рожь, идите со
всего земного лона. Сегодня в Петрограде на Надеждинской ни за
грош продается драгоценнейшая корона. За человечье слово — не
правда ли, дешево? Пойди, попробуй, — как же, найдешь. его! 1916

ПОСЛЕДНЯЯ ПЕТЕРБУРГСКАЯ СКАЗКА Стоит император
Петр Великий, думает: — «Запирую на просторе я!» — а рядом под
пьяные клики строится гостиница «Астория». Сияет гостиница, за
обедом обед она дает. Завистью с гранита снят, слез император. Трое
медных слезят тихо, чтоб не спугнуть Сенат. Прохожие устремились
войти и выйти. Швейцар в поклоне не уменьшил рост. Кто-то
рассеянный бросил: «Извините», наступив нечаянно на змеин хвост.
Император, — лошадь и змей неловко по карточке спросили гренадин.
Шума язык не смолк, немея. Из пивших и евших не обернулся ни один.
48 à eee TE eo STE ee | м né Stet! See wee See ee. Tan ||

И только когда | над пачкой соломинок в коне заговорила
привычка древняя, толпа сорвалась, криком сломана: — «Жуёт! Не
знает, зачем они. Деревня!» Стыдом овихрены шаги коня. Выбелена
грива от уличного газа. Обратно по Набережной гонит гиканье
последнюю из петербургских сказок. И вновь император стоит без
скипетра. Змей. Унынье у лошади на морде, И никто не поймет тоски
Петра — узника, закованного в собственном городе. 1916 4 в.
Маяковский, т. 1

РЕВОЛЮЦИЯ Поэтохроника 26 февраля. Пьяные, смешанные с полицией, солдаты стреляли в народ. 27-е. Разлился по блескам дул и лезвий рассвет. Рдел, багрян и дблог. В промозглой казарме, суровый, трезвый, молился Волынский полк. Жестоким солдатским богом божились роты, бились об пол головой многолобой. Кровь разжигалась, висками жиясь. Руки в железо сжимались злобой. Первому же, приказавшему — «Стрелять за голод!» — заткнули пулей орущий рот. Чье-то — «Смирно!» Не кончил. Заколот. Вырвалась городу буря рот. 50 at ФО cascade à 41 a ll il ll ROW | ti td ati. SS ль Аддон, аб IS Dos Os kettle ete ath D ad Ale à Lans bts й

4* 9 часов. На своем постоянном месте в Военной автомобильной школе СТОНМ, зажать казарм оградой. Рассвет растет, сомненьем колет, предчувствием страха и радуга. Окну! Вижу-оттуда, где режется небо дворцов иззубленной линией, взлетел, простерся орел самодержца, черней, чем раньше, злей, орлинее. Сразу — люди, лошади, фонари, дома и моя казарма толпами по сторуинулись на улицу. Шагами ломаемая, звенит мостовая. Уши крушит невероятная поступь. И вот неведомо, из пенья толпы ль, из рвущейся меди труб гвардейцев нерукотворный, сияньем пробивая пыль, образ возрос. Горит. Рдеется. 51

Шире и шире крыл окружие. Хлеба нужней, воды
изжажданней, вот она: «Граждане, за ружья! К оружию, граждане!» На
крыльях флагов стоглавой лавою из горла города ввысь взлетела.
Штыков зубами вгрызлась в двуглавое орла императорского черное
тело. Граждане! Сегодня рушится тысячелетнее «Прежде». Сегодня
пересматривается миров основа. Сегодня до последней пуговицы в
одежде жизнь переделаем снова. Граждане! Это первый день рабочего
потопа. Идем запутавшемуся миру на выручу! Пусть толпы в небо
вбивают топот! Пусть флоты ярость сиренами вырычат! Горе
двуглавному! Пенится пенье. Пьянит толпу. Площади плещут. На
крохотном форде МЧИМ, обгоняя погони пуль. Взрывом гудков
продираемся в городе. В тумане. Улиц река дымит. Как в бурю дюжина
груженных барж, над баррикадами плывет, громохоча, марсельский
марш. 52

Первого дня огневое ядро жужжа скатилось за купол Думы.
Нового утра новую дрожь встречаем у новых сомнений в бреде мы.
Что будет? Их ли из окон выломим, или на нарах | ждать, чтоб снова
Россию могилами выгорбил монарх? Душу глушу об выстрел резкий.
Дальше, в шинели орыт. Рассыпав дома в пулеметном треске, город
грохочет. Город горит. Везде языки. Взовьются и лягут. Вновь
взвиваются, искры рассея. Это улицы, взяв по красному флагу,
призывом зарев зовут Россию. Еще! О, еще! О, ярче учи, краснаязыкий
оратор! Зажми и солнца и лун лучи мстящими пальцами тысячерукого
Марата! Смерть двуглавному! Каторгам в двери ломись, когтями
ржавые выев. Пучками черных орлиных перьев подбитые падают
городовые. 53

Сдается столицы горящий острв. По чердакам раскинули
поиск. Минута близко. На Троицкий мост вступают толпы войск.
Скрип содрогает устои и скрепы. Стиснулись. Бьемся. Секунда!-и в
лак заката с фортов Петропавловской крепости взвился огнем
революции флаг. Смерть двуглавному! Шеищи глав рубите наотмашь!
Чтоб больше не бжил. Вот он! Падает! В последнего из-за угла! —
вцепился. «Боже, четыре тысячи в лоно твое прими!» Довольно!
Радость трубите всеми голосами! Нам до бога дело какое? Сами со
святъми СВОНХ УПОКОНМ. Что ж не поете? Или души задушень
Сибирей саваном? Мы победили! Слава нам! Сла-а-ав-в-ва нам! Пока
на оружии рук не разжали, повелевается воля иная. Новые несем земле
скрижали с нашего серого Синая. 54

РТЕТ ; Ж Нам, поселянам Земли, каждый Земли поселянин родной. Все по станкам, по конторам, по шахтам братья. Мы все на земле | солдаты одной, жизнь создающей рати. Пробеги планет, держав бытие подвластны нашим волям. Наша земля. Воздух — наш. Наши звезд алмазные копи. И мы никогда, никогда! никому, никому не позволим землю нашу ядрами рвать, воздух наш раздирать остриями отточенных копий. Чья злоба надвое землю сломала? Кто вздыбил дымы над заревом боен? Или солнца одного на всех мало? Или небо над нами малб голубое?! Последние пушки грохочут в кровавых спорах, последний штык заводы гранят. Мы всех заставим рассыпать порох. Мы детям раздарим мячи гранат. Не трусость вопит под шинелью серою, не крики тех, кому есть нечего; это народа огромного громбое: — Верую величию сердца человеческого!-55

Это над взбитой битвами пылью, над всеми, кто грызся, в
любви изверясь, днесь небывалой сбывается былью социалистов
великая ересь! 1917

, СКАЗКА О КРАСНОЙ ШАПОЧКЕ Жил да был на свете кадет. В красную шапочку кадет был одет. Кроме этой шапочки, доставшейся кадету, ни черта в нем красного не было и нету. Услышит кадет — революция где-то, шапочка сейчас же на голове кадета. Жили припеваючи за кадетом кадет, и отец кадета, и кадетов дед. Поднялся однажды преболюшущий ветер, в клочья шапчонку изорвал на кадете. И остался он черный. А видевшие это волки революции сцапали кадета. Известно, какая у волков диета. Вместе с манжетами сожрали кадета. Когда будете делать политику, дети, не забудьте сказочку об этом кадете. 1917 57

К ОТВЕТУ! Гремит и гремит войны барабан. Зовет железо в живых втыкать. Из каждой страны за рабом раба бросают на сталь штыка. За что? Дрожит земля, голодна, раздета. _Выпарили человечество кровавой баней только для того, чтоб кто-то где-то разжился Албанией. | Сцепилась злость человеческих свор, падает на мир за ударом удар только для того, чтоб бесплатно Босфор проходили чьи-то суда. Скоро у мира не останется неполоманного ребра. И душу вытащат. И растопчут там ее только для того, чтоб кто-то к рукам прибрал Месопотамию. \$8

Во имя чего сапог | землю растаптывает, скрипящ и груб? Кто
над небом боев — свобода? бог? Рубль! Когда же встанешь во весь
рост ты, отдающий жизнь свою им? Когда же в лицо им бросишь
вопрос: за что воюем? 1917

СТИХОТВОРЕНИЯ 1918--1920 ХОРОШЕЕ ОТНОШЕНИЕ К
ЛОШАДЯМ Били копыта. Пели будто: — Гриб. Грабь. Гроб. Груб.—
Ветром опита, льдом обута улица скользила. Лошадь на круп
грохнулась, и сразу за зевакой зевака, штаны пришедшие ARE
клёшить, сгрудились, смех зазвенел и зазвякал: — Лошадь упала! — —
Упала лошадь! — Смеялся Кузнецкий. Лишь один я голос свой не
вмешивал в вой ему. Подошел | и вижу глаза лошадиные... 60

Улица опрокинулась, течет по-своему... Подошел и вижу -за
каплищей каплица по морде катится, прячется в шерсти... И какая-то
общая звериная тоска, плеща, влилась из меня и расплылась в
шелесте. «Лошадь, не надо. Лошадь, слушайте — чего вы думаете, что
в НХ плоше? Деточка, все мы немножко лошади, каждый из нас по-
своему лошадь». Может быть — старая — и не нуждалась в няньке,
может быть, и мысль ей моя казалась пошла, только лошадь рванулась,
встала на ноги, ржанула и пошла. Хвостом помахивала. Рыжий
ребенок. Пришла веселая, стала в стойло. И всё ей казалось — она
жеребенок, И СТОИЛО ЖИТЬ, и работать стоило. 1918

ПОЭТ РАБОЧИЙ Орут поэту: «Посмотреть бь тебя у
токарного станка. А что стихи? Пустое это! Небось работать — кишка
тонка». Может быть, нам труд ; всяких занятий роднее. Я тоже
фабрика. А если без труб, то, может, мне без труб труднее. Знаю -не
любите праздных фраз вы. Рубите дуб -- работать дабы. А мы не
деревообделочники разве? Голов людских обделываем дубы. Конечно,
почтенная вещь — рыбачить. Вытащить сеть. В сетях осетры б! Но
труд поэтов — почтенный паче — людей живых ловить, а не рыб.
Огромный труд — гореть над горном, железа шипящие класть в закал.
62 АУУ tt Z И" TP

FOO PN EPS RTT LT "= Но кто же в бездельи бросит укор
нам? Мозги шлифуем рашпилем языка. Кто выше — поэт или техник,
который ведет людей к вещественной выгоде? Оба. Сердца — такие ж
моторы. Душа — такой же хитрый двигатель. Мы равные. Товарищи в
рабочей массе. Пролетарии тела и духа. Лишь вместе вселенную мы
разукрасим и маршами пустим ухать. Отгородимся от бурь словесных
молотом. К делу! Работа жива и нова. А праздных ораторов — на
мельницу! | К мукомолам! Водой речей вертеть жернова. 1918

ЛЕВЫЙ МАРШ (Матросам) Разворачивайтесь в марше!
Словесной не место кляузе. Тише, ораторы! Ваше слово, товарищ,
маузер. Довольно жить законом, данным Адамом и Евой. Клячу
историю загоним, Левой! Левой! Левой! Эй, синемлузые! Рейте! За
океаны! Или у броненосцев на рейде ступлены острые кили?! Пусть,
оскалясь короной, вздымает британский лев вой. Коммуне не быть
покоренной. Левой! Левой! Левой! Там за горами гбря солнечный край
непочатый. 64 dt аміни ERTS D oo ла Влас с TEEN SITET ee съ бай
ЛИЙ DENON ПРОРИВ PE tll PPO dt Й nn А ьо de à i in la a din ads eal
LE > th fonts Па Shen he ‘ ati Li at mm mn ho дым p me te Cd à МА ы. de
ae Shi 3 ЛЬ im à à de

— За голод, за мора море шаг миллионный печатай! Пусть
бандой окружат нанятой, стальной изливаются лбевой,-России не быть
под Антантой. Левой! Левой! Левой! Глаз ли померкнет орлий? В
старое ль станем пялиться? Крепи у мира на горле пролетариата
пальцы! Грудью вперед бравой! Флагами небо оклеивай! Кто там
шагает правой? Левой! Левой! Левой! 1918 5 В, Маяковский, т. \

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ Я знаю — не герои низвергают революций лаву. Сказка о героях — интеллигентская чушь! Но кто ж удержится, чтоб славу нашему не воспеть Ильичу? Ноги без мозга -- вздорны. Без мозга рукам нет дела. Металось во все СТОРОНЕИ мира безголовое тело. Нас продавали на вырез, военный вздымался вой,- когда | над миром вырос Ленин огромной головой. И збмли сели на ООН. Каждый вопрос — прост. И выявилось два в хадсе мира во весь рост. 66

VET ITS PERF MSIE LD à 5* Один — животйще на
животище. Другой -непреклонно скалистый — влил в миллионы
тыщи. Встал горой мускулистой. Теперь не промахнемся мимо. Мы
знаем, кого мети! Ноги знают, чьими трупами ММ НТН. Нет места
сомненьям и воям. Долой улитье -- «пождем»! Руки знают, кого ИМ
кръть смертельным дождем. Пожарами землю дымя, везде, где народ
испленен, взрывается бомбой ИМЯ: Ленин! Ленин! Ленин! И это — не
стихов вееру обмахивать юбиляра уют.— Я в Ленине мира веру славлю
и веру мою. 67

. ee te emt ml gg бо і ры г т т м не. 6 2 D3TOA ли Не это пел —
Й" й Тк . м, й а 9 -» р". М я» à ` >. “ef » жене TR безмерного свода РКП.
М 1920 и Р зе - tS y =} р З _в звездах пятиконечных не зр "72. я я = ws
А к Ж , 2

НЕОБЫЧАЙНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ, БЫВШЕЕ С
ВЛАДИМИРОМ МАЯКОВСКИМ ЛЕТОМ НА ДАЧЕ (Пушкино,
Акулова гора, дача Румянцева, 27 верст от Ярославской жел. дор.) В
сто сорок солнц закат пылал, в июль катилось лето, была жара, жара
плыла — на даче было это. Пригорок Пушкино горбил Акуловой
горою, а низ горы — деревней был, кривился крыш корою. А за
деревнею — дыра, и в ту дыру, наверно, спускалось солнце каждый
раз, медленно и верно. А завтра снова мир залить вставало солнце ало,
И день за днем ужасно злить меня ВОТ ЭТО стало. И так однажды
разозлясь, что в страхе все поблекло, 69

в упор я крикнул солнцу: «Слазь! ДОВОЛЬНО ШЛЯТЬСЯ В
алібі Я крикнул солнцу: «Дармояд! занежен в облака ты, а тут — не
знай ни зим, ни лет, сиди, рисуй плакаты!» Я крикнул солнцу:
«Погоди! послушай, златолобо, чем так, без дела заходить, ко мне на
чай зашло бы!» Что я наделал! Я погиб! Ко мне, по доброй воле, само,
раскинув луч-шаги, шагает солнце в поле. Хочу испуг не показать — и
ретируюсь задом. Уже в саду его глаза. Уже проходит садом. В окошки,
в двери, в шель .войдя, валилась солнца масса; ввалилось; дух
переведа, заговорило басом: «Гоню обратно я огни впервые є
сотворенья. Ть звал меня? Чай гони, гони, позт, варенье!» Слеза из глаз
у самого -жара с ума сводила, но я ему — на самовар: 70 ai i a РИН РР
РАНИ УР ЧАТИ ns dé si nse

«Ну что ж, садись, светило!» Черт дернул дерзости мои орать ему,— сконфужен, | я сел на уголок скамьи, боюсь — не вышло б хуже! Но странная из солнца ясь струилась,-и степенность забъв, сию, разговорясь с светилем постепенно. Про то, про зто говорю, что-де заела Роста, а солнце: «Ладно, не горюй, смотри на вещи просто! А мне, ты думаешь, светить легко? — Поди, попробуй! — А вот идешь — взялось идти, идешь — и светишь в оба!» Болтали так до темноты — до бывшей ночи то есть. Какая тьма уж тут? На «ть» мы с ним, совсем освоясь. И скоро, дружбы не тая, бью по плечу его я. А солнце тоже: «Ты да я, нас, товарищ, двое! Пойдем поэт, взорлим, вспоем у мира в сером хламе. 71

Я буду солнце лить свое, а ты — свое, стихами». Стена теней,
ночей тюрьма под солнц двустволкой пала. Стихов и света кутерьма,
сияй во что попало! Устанет то, и хочет ночь прилечь, тупая сонница.
Вдруг — я во всю светаю мочь — и снова день трезвонится. Светить
всегда, светить везде, до дней последних донца, светить — и никаких
гвоздей! Вот лозунг мой — и солнца! 1920

ГЕЙНЕОБРАЗНОЕ Молнию метнула глазами: «Я видела -с
тобой другая. Ты самый низкий, ты подлый самый...» — И пошла, и
пошла, и пошла, ругая. Я ученый малый, милая, громыханья оставьте
ваши. Если молния меня не убила — то гром мне ей-богу не страшен.
1920 73

СКАЗКА О ДЕЗЕРТИРЕ, УСТРОИВШЕМСЯ
НЕДУРНЕНЬКО, И О ТОМ, КАКАЯ УЧАСТЬ ПОСТИГЛА ЕГО
САМОГО И СЕМЬЮ ШКУРНИКА Хотя пока победила крестьянская
рать, хоть пока на границах мир, но не время еще в землю штык
втыкать, красных армий ряды крепи! Чтоб вовеки не смел никакой
Керзон брать на-пушку, | горланить ноты,— даже землю паша,
ПОМНИ сабельный звон, ПОМНИ марш атакующей роты. Молодцом
на коня боевого влазь, по земле пехотинься пеший. 74

DISET IT С неба землю всю глазами оглазь, на железного
коршуна севши. Мир пока, но на страже красных годов стой на нашей
красной вышке. Будь смел. Будь умел. Будь всегда. готов первым
ринуться в первой вспышке. Кто из вас не крещен военным огнем, кто
считает, что шкурнику лучше? Прочитай про это, | подумай о нем,
ВНИКНИ В этот сказочный случай. 75

Защищая рабоче-крестьянскую Русь, встали фронтами
красноармейцы. Но — как в стаде овца паршивая — Трус и меж их
рядами имеется. \. (Жил в одном во полку Силеверст Рябой. Голова у
Рябого — пробкова. Чуть пойдет наш полк против белых в бой, а его и
не видно, робкого. 76

Дело ясное: бьется рать, горяча, против барско-буржуйского
ига. у Рябого ж слово ОДНО: «Для ча буду я на рожон прыгать?» ^
Встал стеною полк > фронт раскинул свой. Силеверст стоит в карауле.

Lani ahaa Ns с аз і зл 762 Подьмаєт пуля за пулей о ВОН.
Силеверст испугался пули. Дома печь да щи. Замечтал Силеверст.
Бабья рожа встала из воздуха. = духа. 78

Да как дернет Рябой! || Чуть не тыщу верст пробежал без
единого , роздыха. Вот и холм, а там и дом за холмом, будет дома | в
скором времечке. Вот и холм пробежал, Sas BOT плетень и дом, BOT |
жена его лускает семечки. Прибежал, пошел лобызаться с женой, 79

чаю выдул — стаканов до тыщи, задремал, заснул и храпит,
как Ной,-ery, | и то не сыщешь. А на фронте враг ВИДИТ: полк с
дырой, враг пролазит щелью этою. А за ним и золотозадый | рой лезет
в дырку, | блестит эполетою. 80 | j | |

Поп, урядник -сивуха течет по усам, с ним — петля и прочие вещи. Между ними — царь самодержец сам. За царем — кулак да помещик. Лезут, в радости, аж не чуют ног, где и сколько занято мест ими?! Пролетария гнут в бараний рог, 6 В. Маяковский, т. 1 81

СЫНАТ в спину крестьян манифестами. Отошла земля к
живоглотам назад, наложили наложища тяжкие. Лишь свистит в
урядничьей ручке лоза — знай, сыпает и в спину И в ЛАХККН.
Улизнувшие бары едут в дом. 82 tt tt С ыш

Мчит буржуй. Не видали три года, никак. Снова школьника
поп обучает крестом — уважать заставляет угодников. В то село
пришли, где храпел Силеверст. Видят — выглядит ДОМ
аккуратненько.

Тычет в хату Рябого исправничий посылает занять урядника.
Дурню снится сон: де в раю живет вру и галушки лопают тыщами.
Вдруг как хватит его крокодил за живот! м. ый has лы me ol tt o по ее
ее Nene eet

То урядник хватил сапожищами. «Как ть смеешь спать, такой-рассякой, мать твою растак да раззтак! Я тебя заporю, я тебя засеку и повешу тебя напоследок!» — wу) я тм «Барин! — взвыл Силеверст, а его кнутом хватъ помещик по сытой роже. 85

«Подавай и себя, и поля, И ДОМ, и жену помещику тоже!» И пошел прошибать Силеверста пот, ВНОВЬ припомнил барщину муку, а жена его на дворе у господ грудью кормит Сей истории прост и ясен сказ, -86 1 |

посмотри, как наказань дурни. Чтобь то же не стряслось и у вас, да не будет меж вами шкурник. Нынче сына даем не царям на ЗареЗ,— за себя этот ббище начат. Провожая рекрутов молодолес, провожай поя, а не плача. Чтоб помещики ВНОВЬ не взнуздали вас, не в пример Силеверсту бедняге,-провожая СЫНОВ, давайте наказ: будьте верными красной присяге. 1920— 1923

ОКНА САТИРЫ РОСТА ПРОШУ СЛОВА* Это — не только стихи. Эти иллюстрации не для графических украшений. Это протокольная запись труднейшего трехлетия революционной борьбы, переданная пятнами красок и звоном лозунгов. Это — моя часть огромнейшей агитработы окон сатиры Роста. Пусть вспоминают лирики стишки, под которые влюблялись. Мы рады вспомнить и строки, под которые Деникин бежал от Орла. Любителям высокотарифных описаний задним числом романтики гражданской войны в стиле «конструктивист» неплохо поучиться на действительном материале боевых лет, на действительной словесной работе этого времени. Есть такие новые русские древние греки, которые все умеют засахарить и заэстетизировать. Вот В. Полонский в книге о революционном плакате, вырвав из середины кусок, набредя на агитсатиру Роста времен боев с панами, агитку, весь смысл которой доказать: Так кормите ж красных рать, хлеб неси без вою, чтобы хлеб не потерять вместе с головою, — * Предисловие к сборнику «Грозный смех». 68 1 еее woe

этот самый Полонский вырывает из агитки случайный клочок и пишет «фрагмент». Не угодно ли?! Так же может поступить историк литературы, приводящий слово «соединяйтесь» с подписью «фрагмент», чтоб все догадывались и радовались, что сие «фрагмент» лозунга «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Полонский не только не старается понять и систематизировать цель и направленность плакатных ударов, но просто вдохновенно парит над низменностью агитационного текста. Сейчас, с десятилетием ростинской работы, Третьяковская галерея, газеты, журналы любопытно и восторженно подбирают, клеят и смотрят клочки вручную крашенных листов, этих предков всех многотысячных сегодняшних сатирических журналов. Первые окна сатиры делались в одном экземпляре и вывешивались в немедленно обступаемых народом витринах и окнах пустующих магазинов, дальнейшие размножались трафаретом, иногда до 100—150 экземпляров, расходившихся по окнам агитпунктов. Всего около девятисот названий по одной Москве. Ленинград, Баку, Саратов стали заводить свои окна. Диапазон тем огромен. Агитация за Коминтерн и за сбор грибов для голодающих, борьба с Врангелем и с тифозной вошью, плакаты о сохранении старых газет и об электрификации. Я рылся в Третьяковке, в Музее революции, в архивах участников. Едва ли от всей массы окон осталось сейчас более ста целых листов. Мы работали без установки на историю и славу. Вчерашний плакат безжалостно топтался в десятках переездов. Надо сохранить и напечатать оставшееся — пока не поздно. Только случайно найденный у М. Черемных альбом фотографий дал возможность разыскать тексты и снимки с исчезнувшего. Моя работа в Роста началась так: я увидел на углу Кузнецкого и Петровки, где теперь Моссельпром, первый вывешенный двухметровый плакат. Немедленно обратился к заву Ростой, тов. Керженцеву, который свел меня с М. М. Черемных, одним из лучших работников этого дела. Второе окно мы делали вместе. Дальше пришел и Малютин, а потом художники: Лавинский, Левин, Брик, Моор, Нюренберг и др. Трафаретчики: Шиман, Михайлов и многие еще, фот. Никитин. 89

Первое время над текстом работал тов. Грамен, дальше почти все темы и тексты мои; работали еще над текстом О. Брик, Р. Райт, Вольпин. В двух случаях, отмеченных в книге звездочками, я нетвердо помню свое авторство текста. Сейчас, просматривая фотоальбом, я нашел около четырехсот одних своих окон. В окне от 4 до 12 отдельных плакатов, значит в среднем этих самых плакатов не менее 3200. Подписей — второе собрание сочинений. (В этой книге-малая часть.) Как можно было столько сделать? Вспоминаю — отдыхов не было. Работали в огромной, нетопленной, сводящей морозом (впоследствии — выедающая глаза дымом буржуйка) мастерской Роста. Придя домой, рисовал опять, а в случае особой срочности клал под голову, ложась спать, полено вместо подушки с тем расчетом, что на полене особенно не заспишься и, Проспав ровно столько, сколько необходимо, вскочишь работать снова. С течением времени мы до того изоштрили руку, что могли рисовать сложный рабочий силуэт от пятки с закрытыми глазами, и линия, обрисовав, сливалась с линией. По часам Сухаревки, видневшимся из окна, мы вдруг втроем бросались на бумагу, состязались в быстроте наброска, вызывая удивление Джона Рида, Голичера и др. заезжих осматривающих нас иностранных товарищей и путешественников. От нас требовалась машинная быстрота, — бывало, телеграфное известие о фронтовой победе через 40 минут — час уже висело по улице красочным плакатом. «Красочным» — сказано чересчур шикарно, красок почти не было, брали любую, чуть не размешивая на слюне. Этого темпа, этой быстроты требовал характер работы, и от этой быстроты вывешивания вестей об опасности или о победе зависело количество новых бойцов. И эта часть общей агитации подымала на фронт. Вне телеграфной, пулеметной быстроты — этой работы быть не могло. Но мы делали ее не только в полную силу и серьезность наших умений, но и революционизировали вкус, подымали квалификацию плакатного искусства, искусства агитации. Если есть вещь, именуемая в рисунке «революционный стиль» — это стиль наших окон. 90 || 1

Не случайно, что многие из этих работ, рассчитанные на день, пройдя Третьяковскую галерею, выставки Берлина и Парижа, стали через 10 лет вещами настоящего т. н. искусства. Я привожу в этой книге только незначительную часть материала, только то, что сохранилось в днях. Кроме двух, приводимых раньше по памяти, а теперь полностью текстов — «Азбуки» и «Бубликов», — все остальное не публиковалось и публиковаться, кроме этой книги, не будет. Для меня эта книга большого словесного значения, работа, очищавшая наш язык от поэтической шелухи на темах, не допускающих многословия. Это не столько чтение, сколько пособие для времен, когда опять придется крикнуть: Голой рукой | нас не возьмешь! Деникина день сосчитан. Красная армия -красный еж-верная наша защита. Голой рукой нас не возьмешь! Час Колчака сосчитан. Красная армия — красный еж — лучшая наша защита. Голой рукою нас не возьмешь! Товарищи, все за оружие! Красная армия — красный еж — железная сила содружия.

Рабочий! Глупость беспартийную вькинь! Если хочешь жить с другими вразброд,— всех по очереди словит Деникин, всех сожрет генеральский рот. Если ж на зов партийной недели придут миллионы с фабрик и с пашен,— рабочий быстро докажет на деле, что коммунистам никто не страшен. 1919, октябрь ds даа вв ль НН РР dé tm + 97

ЧИТАЙТЕ! СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ УЗБЕКОВ И КИРГИЗОВ
БУДЕТ ЭТА СКАЗКА ОБ ОДНОМ ВЕРБЛЮДЕ Таскал верблюдище с
дынями короб. За день, бедняга, натрудил свой горб. Устал верблюд в
тяжелых переходах. В сад залез и лег на огдых. Случайно хан
проходил по саду, думает: «Дай на горбатого сяду». Вскоре подошел
толстопузый кадий, пудов на двадцать прибавил клади. Мулла
проходил, и думает мулла: «Сяду и я, а то куча мала». Росла на
верблюде дармоедов куча, до самого неба горб навьюча. Проснулся
верблюд от тяжести лишней, и все посыпались, как гнилые вишни.
Растоптал и пошел работать верблюд. Бери пример с верблюда,
рабочий люд! 1919, 27 декабря 94

УТЕШЕНИЕ БУРЖУЮ Буржуазия нас за год скрутить
думала. Да видите ли, цифра месяцев, оказывается, в году мала.
Радуйтесь, буржуи,— хорошие вести — в этом году ожидается
месяцев двести. 1919, 28 декабря 95

Оружие Антанты — деньги. Белогвардейцев оружие — ложь.
Меньшевиков оружие — в спину нож. Правда, глаза открытые и ружья
— вот коммунистов оружие. 1920, июль ve |

7 В. Маяковский, т. 1

НОРМАЛИЗОВАННАЯ ГАЙКА Подходи, рабочий! Обсудим, дай-ка, что это за вещь такая гайка? Что гайка? Ерунда! Малость! А попробуй-ка езжай, ежели сломалась. Без этой вещи, без гайки той-ни взад, ни вперед. Становись и стой! Наконец отьскали гайку зту... Прилаживают... Никакой возможности нету!.. Зта мала, та велика, — словом, не приладишь ее никак. И пошли пешком, как гуляки праздные. Отчего? Оттого, что гайки разные. А если гайки одинаковые ввесть, сломалась — новая сейчас же есть. И нечего долго разыскивать тут: бери любую — хоть эту, хоть ту! 98 фа д. і сл, dt un tr à

7* И не только в гайке наше счастье. Надо всем машинам одинаковые части, а не то, как теперь — паровоз и паровоз, — один паровозом, а другой, как воз. Если это поймет рабочего разум — к Коммуне на паровозах ринемся разом. 1920, июль

Рабочий, не смотри Антанте в рот. Ртом Антанта, наверное, только врет. Върви язык, чтоб не лила елей. Посмотри на руки лучше ей. Нанесет тебе зтими руками смерть, если будешь без дел Антанте верить. Ть пану покажи, каков ть в драке. Врангелю покажи, где зимуют раки. Расправься со всеми буржуазными псами, да так, чтоб и хозяева попрятались сами. И если так к Антанте придем мы, то уж наверное получим мир. 1920, июль 100

Если жить вразброд, как махновцы ХОТАТ, буржуазия
передушит нас, как котят. Что единица? Ерунда единица! Надо . в
партию коммунистическую объединиться. И буржуи, какими б ни
были ярыми, побегут ОТ МОЩИ миллионных армий. 1920, цюль 102

ИСТОРИЯ ПРО БУБЛИКИ И ПРО БАБУ, НЕ
ПРИЗНАЮЩУЮ РЕСПУБЛИКИ Съя история бьла в некоей
республике,-баба на базар плыла, а у бабь бублики. Сльшит, топот близ
её музыкою веется: бить на фронте пановье мчат красноармейцы.
Кушать хоца одному, говорит ей: «Тетя, бублик дай голодному,-вь ж на
фронт нейдете?! Коль без дела будет рот, буду слаб, как мощи. Пан
республику сожрет, если будем тощи». Баба молвила: «Ни в жисть не
отдам я бублики! Прочь, служивый, отвяжись! Черта ль мне в
республике?!» Шел наш полк, и худ и тощ, паны ж все саженные. Нас
смела панова мощь в первом же сражении. Мчится пан, и лют и яр,
смерть неся рабочим, к глупой бабе на базар влез он между прочим.

Видит пан — бела, жирна баба между публики. Миг — и съедена она, и она и бублики. Посмотри, на площадь выйди: ни крестьян, ни ситника. Надо во-время кормить красного защитника. Так кормите ж красных рать! Хлеб неси без вою, чтобы хлеб не потерять вместе с головою! 1920, август

Врангель — фон, Врангеля вон! Врангель — враг. Врангеля в
овраг! 1920, октябрь — ноябрь 108

Антанта признавала Юденича, Антанта признавала
Деникина, Антанта признавала Врангеля. Теперь ничего не осталось,
зпать, кроме как душой себя признать. 1920, ноябрь 105

Враг последний готові Постепенно будут отпускать
призывных старших годов. Вернутся солдаты К себе в дом. Займутся
для расцвета России трудом. Одно не забудь — жив капитализм в трех
четвертях света. Готов будь! 1920, декабрь 107

béton ne en 0 БУДУТ ОТПУСКАТЬ { СТАРШИХ ГОДОВ. |
РУ АЕ dan РАЗА | 4 зинмтся для РАСІВЕТА

СТИХОТВОРЕНИЯ 1921—1930 ПОСЛЕДНЯЯ СТРАНИЧКА
ГРАЖДАНСКОЙ ВОИНЫ Слава тебе, красноезвездный герой! Землю
кровью вымыв, во славу коммуны, к горе за горой шедший
твердынями Крыма. Они проползали танками рвы, выпятив пушек
шеи, — телами рвы заполняли вы, по трупам пройдя перешеек. Они за
окопами взрыли ОКОН, хлестали свинцовой рекою,— а вы отобрали у
них Перекоп чуть не голой рукою. Не только тобой завоеван Крым и
белых разбита ОраВа,— удар твой двойной: | завоевано им трудиться
великое право. И если в солнце жизнь суждена за этими днями
хмурыми, мы знаем вашей отвагой она взята в перекопском штурме.
109

В одну благодарность сливаем слова тебе, краснoзвeздная
лава. Во веки веков, товарищи, вам — слава, слава, слава! 1921

О ДРЯНИ Слава, Слава, Слава героям!!! Впрочем, ИМ довольно воздали дани. Теперь поговорим о дряни. Утихомирились бури революционных лон. Подернулась тиной советская мешанина. И вылезло из-за спины РСФСР мурло мещанина. (Меня не поймайте на слове, я вовсе не против мещанского сословия. Мещанам без различия классов и сословий мое славословие.) Со всех необъятных российских нив, с первого дня советского рождения стеклись они, наскоро оперенья переменив, и засели во все учреждения. Намозолив от пятилетнего сидения зады, крепкие, как умывальники, живут и поныне — тише воды. Свили уютные кабинеты и спальни. 111

И вечером та или иная мразь, на жену, | за пианином обучающуюся, глядя, говорит, ОТ самовара разморясь: «Товарищ Надя! К празднику прибавка-24 тыщи. Тариф. Эх, и заведу я себе тихоокеанские галифища, чтоб из штанов выглядывать, как коралловый риф!» А Надя: «И мне с эмблемами платья. Без серпа и молота не покажешься в свете! В чем сегодня буду фигурировать я на балу в Реввоенсовете?!» На стенке Маркс. Рамочка ала. На «Известиях» лежа, котенок греется. А из-под потолочка верещала оголтелая канареица. Маркс со стенки смотрел, смотрел... И вдруг разинул рот да как заорет: «Опутали революцию обывательщины нити. Страшнее Врангеля обывательский быт. Скорее головы канарейкам сверните-чтоб коммунизм канарейками не был побит!» 1921

СКАЗКА ДЛЯ ШАХТЕРА-ДРУГА, ПРО ШАХТЕРКИ, ЧУНИ
И КАМЕННЬЮИ УГОЛЬ Раз шахтеры шахты близ распустили нюни:
мол, шахтерки продрались, обносились чуни. Мимо шахты шел
шептун. Втерся тихим вбром. Нищету увидев ту, речь повел к
шахтерам: «Большевистский этот рай хуже, дескать, ада. Нет сапог, а
уголь дай. Бастовать бы надо! Что за жизнь, — не жизнь, а гроб...»
Вдруг забойщик ловкий шептуна с помоста сгреб, вниз спустил
головкой. «Слово мне позвольте взять! Брось, шахтер, надежды! Если
будем так стоять — будем без одежды. Не сошьет сапожки бог, не
обует ноженьки. Настоишься без сапог, помощь ждя от боженьки. Чтоб
одеди голяков, фабрик нужен ряд нам. 8 В. Маяковский, т. 1 113

Дашь для фабрик угольков — Будешь жить нарядным. Эй, шахтер, куда ни глянь, от тепла до света, даже пища ОТ угля, — от угля все это. Даже с хлебом будет туго, «если нету угля. Нету угля— нету плуга. Пальцем вспашешь луг ли? Что без угля будешь есть? Чем еду посолишь? Чем хлеба и соль привезть без угля изволишь? Вся страна разорена. Где ж работать было, если силой всей она вражьей силы была? Биты белые в боях. Все за труд! За пользу! Эй, рабочий, Русь твоя! Возроди и пользуй! Все добудь своей рукой — сапоги, рубаху! Так махни ж, шахтер, киркой — бей по углю смаху!..» И призыв горячий мой не дослушав даже, забивать пошли забой, что ни день — то сажень. Сгреб отгребщик уголь вон, вбил крепилицы клетки, а по штрекам КОНОТОН гонит вагонетки. 114

83 В труд ушедши с головой, вагонетки эти принимает
стволовой, нагружает клетки. Вырвав тыщей дружных сил из
подземных сводов, мчали уголь по Руси, черный хлеб заводов. Встал
от сна России труп — ожила громада, дым дымит с фабричных труб,
все творим, что надо. Сапоги для всех, кто бос, куртки всем, кто голы,
развозил электровоз чрез леса и доли. И шахтер одет, обут, носом в
табачишке. А еды! — Бери хоть пуд-ВСАКОН снеси лишки. Жизнь
привольна и легка. Светит уголь, | греется. Всё у нас — до молока
птичьего — имеется. Я, конечно, сказку сплел, но скажу для друга:
будет вправду это все, если будет уголь! 1921

СТИХОТВОРЕНИЕ О МЯСНИЦКОЙ, О ВАВЕ И О
ВСЕРОССИЙСКОМ МАСШТАБЕ Сапоги почистить 1 000 000. -
Состояние! Раньше б дом купил -и даже неплохой. Привыкли к
миллионам. Даже до луны расстояние советскому жителю кажется
чепухой. Дернул меня черт писать один отчет. «Что это такое?» —
спрашивает с тоскою машинистка. Ну что отвечу ей?! Черт его знает,
что это такое, если сзади у него тридцать семь нулей. Недавно уверяла
одна дура, что у нее тридцать девять тысяч семь сотых температура.
Так привыкли к таким числам, что меньше сажени число и не
мыслим. И нам, если мы на митинге ревом, рамки арифметики,
разумеется, узки — 116

все разрешаем в масштабе мировом. В крайнем случае -- масштаб общерусский. «Электрификация?!» — масштаб всероссийский. «Чистка!» — во всероссийском масштабе. Кто-то даже, чтоб избежать переписки, предлагал — сквозь землю до Вашингтона кабель. Иду. Мясницкая. Ночь глуха. Скачу трясогузкой с ухаба на ухаб. Сзади с тележкой баба, с вещами на Ярославский хлюпает по ухабам. Сбивают ставшие в хвост на галоши: то грузовик обдаст, то лошадь. Балансируя — четырехлетний навык!ы — тащусь меж канавищ, канав, канавок. И то — на лету вспоминая маму — с размаху у почтамта плюхаюсь в яму. На меня тележка. На тележку баба. В грязи ворочаемся с боку на бок. Что бабе масштаб грандиозный наш? Бабе грязью обдало рыло, и баба, взбираясь с этажа на этаж, сверху и меня и власти крыла. 117

Правдив и свободен мой вещий язык и с волей советскою
дружен, но натолкнувшись на эти низы, даже я запнулся, сконфужен.
на сложных агитвопросах рос, а вот не могу объяснить бабе, почему
это о грязи на Мясницкой вопрос никто не решает в общемясницком
масштабе! 1921 | 1 1 ea ОНР ци Ады dt dt. мочь mie ии ОЕ ры дым а
дыбы ль лы ый ma. to à 8 амаль démo Ve РОИА PPP «ЕР

ПРИКАЗ № 2 АРМИИ ИСКУССТВ Это вам — упитанные баритоны — от Адама до наших лет, потрясающие — театрами именуемые — притоны ариями Ромео и Джульетт. Это вам — пентры, раздобревшие как кони, жрущая и ржущая России краса, прячущаяся мастерскими, по-старому драконя цветочки и телеса. Это вам — прикрывшиеся листиками мистики, лбы морщинками изрыв — футуристики, имажинистики, акмеистики, запутавшиеся в паутине рифм. Это вам — на растрепанные сменившим гладкие прически, на лапти — лак, пролеткультцы, кладущие заплатки на вылинявший пушкинский фрак. . 119

Зго вам-пляшущие, в дуду дующие и открыто предающиеся и грешащие тайком, рисующие себе грядущее огромным академическим пайком. Вам говорю гениален я или не гениален, бросивший безделушки и работающий в Росте, говорю вам — пока вас прикладами не прогнали: Бросьте! Бросьте! Забудьте, плюньте и на рифмы, и на арии, и на розовый куст, и на прочие мерехлюндии из арсеналов искусств. Кому это интересно, что — «Ах, вот бедненький! Как он любил и каким он был несчастным...»? Мастера, а не длинноволосые проповедники нужны сейчас нам. Слушайте! Паровозы стонут, дует в щели и в пол: «Дайте уголь с Дону! Слесарей, механиков в депо!» У каждой реки на истоке, лежа с дырой в боку, пароходы провыли доки: «Дайте нефть из Баку!» 120 mé

Пока канителю, спорю, снюс сокровенный ищю, «Дайте нам новые формы!» — несется вопль по вещам. Нет дураков, ждя, что выйде из уст его, стоять перед «маэстрами» толпой разинь. Товарищи, дайте новое искусство-такое, чтобы выволочь республику из грязи.

1921

ПРОЗАСЕДАВШИЕСЯ Чуть ночь превратится в рассвет,
вижу каждый день я: кто в глав, кто в КОМ, кто в полит, кто в просвет,
— расходится народ в учрежденья. Обдают дождем дела бумажные,
чуть войдешь в здание: отобрав с полсотни — самые важные!—
служащие расходятся на заседания. Заявишься: «Не могут ли
аудиенцию дать? Хожу со времени бна». — «Товарищ Иван Ваныч
ушли заседать — Объединение Тео и Гукона». Исколесишь сто
лестниц. Свет не мил. Опять: «Через час велели прийти вам. Заседают:
Покупка склянки чернил Губкооперативом». Через час ни секретаря ни
секретарши нет — голо! Nes

теоре Все до 22-х лет на заседании комсомола. Снова взбираюсь, глядя на ночь, на верхний этаж семиэтажного дома. «Пришел товарищ Иван Ваныч?» — «На заседании А-бе-ве-ге-де-е-же-зе-кома». Взъяренный, на заседание. врываюсь лавиной, дикие проклятья дорбгой изрыгая. И вижу: сидят людей половины. О, дьявольщина! Где же половина другая? «Зарезали! Убили!» Мечусь, оря. От страшной картины свихнулся разум. И слышу спокойнейший голосок секретаря: «Они на двух заседаниях сразу. В день заседаний на двадцать надо поспеть нам. Поневоле приходится разорваться! До пояса здесь, а остальное там». С волнения не уснешь. Утро раннее. Мечтой встречаю рассвет ранний: «О, хотя бы еще одно заседание относительно искоренения всех заседаний!» 1922

МОЯ РЕЧЬ НА ГЕНУЭЗСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ Не мне
российская делегация вверена. самозванец на конференции
Генуэзской. Дипломатическую вежливость товарища Чичерина
дополню по-моему — просто и резко. Слушай! Министерская
компанийка! Нечего заплывшими глазками мерцать. Сквозь фракки
спокойные вижу — паника трясет 'лихорадкой ваши сердца. Неужели
без смеха думать в силе, ЧТО вы на конференцию нас пригласили? В
штыки бросаясь на Перекоп идти, мятежных склоняя под красное
знамя, трудом сгибаясь в фабричной копоти, — мы знали — заставим
разговаривать с нами. Не просьбой просителей язык замер, не нищие,
жмурящиеся от господского света, — мы ехали, осматривая
хозяйскими глазами грядущую Мировую Федерацию Советов. 124

Болтают язычишки газетных строк: _«Испытать их сначала...» Хватили лишку! Не вы на испытание даете срок — а мы на время даем передышку. Лишь первая фабрика взвила дым — враждой к вам в рабочих вспыхнули души. Слюной ли речей пожары вражды на конференции нынче затушим?! Долги наши, каждый медный грош, считают «Матэны», считают «Таймсы». Считаться хотите? Давайте! Что ж! Посчитаемся! О вздернутых Врангелем, о расстрелянном, о заколотом память на каждой крымской горе. Какими пудами какого золота оплатите это, господин Пуанкаре? О вашем Колчаке — Урал спросите! Зверством — аж горы вгонялись в дрожь. Каким золотом — хватит ли в Сити?! — оплатите это, господин Ллойд-Джордж? Вонзите в Волгу ваше зрение: разве этот голодный ад, разве это мужицкое разорение — не хвост от ваших войн и блокад? Пусть | кладбищами голодной смерти, каждый из вас протащится сам! 125

На каком — На железном, что ли, зксперте не встанут дьбом
волоса? Не защититесь пунктами резолюций-плотин. Мировая -ночи
пальбой веселя -революция будет — и велит: «Плати и по этим
российским векселям!» И розовые краснеют мало-помалу. Тише! Не
дыша! Слышите из Берлина первый шаг Трех Интернационалов? Растя
единство при каждом ударе, идем. Прислушайтесь — вздрагивает
здание. Я кончил. | Милостивые государи, можете продолжать
заседание. 1922

PMT GEN ри == огео жо стю Sp тж еТ ПАРИЖ

(Разговорчики с Эйфелевой башней) Обшаркан миллионом ног.

Исшелестен тыщей шин. Я борозжу Париж — до жути одинок, до жути ни лица, до жути ни души. Вокруг меня — авто фантастят танец, вокруг меня — из зверорыбьих морд — еще с Людовиков свистит вода, фонтанясь, Я выхожу на Place de la Concorde. Я жду, пока, подняв резную главку, домовьей слежкой умаяна, ко мне, к большевику, на явку выходит Эйфелева из тумана. — Т-ш-ш-ш, башня, тише шлепайте!-увидят! Луна — гильотинная уз Я вот что скажу (пришипился в шепоте, 127

ей в радиоуху шепчу, жужжу). — Я разагитировал вещи и здания. Мы — только согласия вашего ждем, башня — хотите возглавить восстание? Башня — МЫ вас выбираем вождем! Не вам — образцу машинного гения — здесь таять ОТ аполлинеровских вирш |. (Для вас Пи не место -- место гниения— à Париж проституток, поэтов, бирж. Метро согласились * метро со мною, — ОНН ИЗ СВОИХ облицованных нутр публику выплюют — кровью смоют со стен плакаты духов и пудр. Они убедились — не ими литься вьюнам богатых. Они не рабы! Они убедились: ИМ более к лицам наши афиши, плакаты борьбы. Башня — улиц не бойтесь! Если метро не выпустит уличный. грунт — 128 Alla II ОУН

re PRET OR I У ит отл т FIRE гниє грунт исполосуют рельсы.
Я поднимаю рельсовый бунт. Бойтесь? Трактиры заступятся стаями.
Бойтесь? На помощь придет Рив-гош 3 Не бойтесь! Я уговорился с
мостами. Вплавь реку переплыть не легко ж! Мосты, распалясь от
движения злого, подымутся враз с парижских боков. Мосты забунтуют
по первому 30Бу— прохожих ссыпят на камень быков. Все вещи
вздыбятся. Вещам невмоготу. Пройдет пятнадцать лет иль двадцать,
обдрябнет сталь, и сами вещи тут пойдут Монмартрами* на ночи
продаваться. Идемте, башня! К нам! Вы — там, у нас, нужней! Идемте
к нам! В блестеньи стали, в дымах — мы встретим вас, мы встретим
вас нежней, чем первые любимые любимых. В. Маяковский, т. 1 129

Идем в Москву! У нас в Москве простор. Вы — каждой! — будете по улице иметь. Мы будем холить вас: раз сто ‘за день до солнц расчистим вашу сталь и медь. Пусть город ваш, Париж франтих и дур, Париж бульварных ротозеев, кончается один, в сплошной складбищась Луво?, в старье лесов Булонских? и музеев. Вперед! Шагни четверкой мощных лап, прибитых чертежами Эйфеля, чтоб в нашем небе твой израдиило лоб, чтоб наши звезды пред тобою сдрейфили! Решайтесь, башня, — нынче же вставайте все, разворотив Париж с верхушки и до низу! Идемте! К нам! К нам, в СССР! Идемте к нам — Я вам достану визу! 1922—1923 1 Аполлинер — французский поэт. ? Метро — метрополитен, подземная железная дорога. 3 Рив-гош — левый берег, демократическая часть Парижа. * Монмартр — квартал в Париже, где находится большинство кабаков и шантанов. 5 Лувр — музей в Париже. в Булонский лес — парк в Париже.

eg i de tt al TE 9* О «ФИАСКАХ», «АПОГЕЯХ» И ДРУГИХ
НЕВЕДОМЫХ ВЕЩАХ На съезде печати у товарища Калинина
великолепнейшая мысль в речь вклинена: «Газетчики, Думайте о
форме!» До сих пор мы не подумали об усовершенствовании
статейной формы. Товарищи газетчики, СССР оглазейте,— как
понимается описываемое в газете. Акуловкой получена газет связка.
Читают. В буквы глаза втыкают. Прочли: — «Пуанкаре терпит
фиаско». Задумались. Что это за «фиаска» за такая? Из-за этой
«фиаски» грамотей Ванюха чуть не разодрался: — Слушай, Петь, с
«фиаской» остро держи ухо: даже Пуанкаре приходится его терпеть.
Пуанкаре не потерпит какой-нибудь клячи, даже Стипиеса — и То! —
| прогнал из Рура. 131

А этого терпит. Значит -- богаче. Американец, должно. Понимаешь, дура?!— С тех пор, когда самогонщик, местный туз, проезжал по Акуловке, гремя коляской, в уважение к богатству, скидывая картуз, его называли: — Господином Фиаской. Последние известия получили красноармейцы. Сели. Читают, газетиной вея. — О французском наступлении в Руре имеется? — Да, вот написано: «Дошли до своего апогея». — Товарищ Иванов! ты ближе. Ой! На карту глянь! Что за место такое: А-п-о-г-е-Й? — Иванов ищет. Дело дрянь. У парня аж скулу от напряжения свело, Каждый город просмотрел, каждое село. «Эссен есть,-Апогея нету! Деревушка махонькая должно быть это. Верчусь,-аж дыру провертел в сапоге я,-не могу найти никакого Апогея». Казарма малость посовещалась. 132

Наконец товарищ Петров взял слово: — Сказано: до своего дошли — ведь не до чужого. Пусть рассеется сомнений дым. Будь он селом или градом, своего «апогея» никому не отдадим, а чужих «апогеев» нам не надо.— Чтоб мне не писать, впустую оря, мораль вывожу тоже: то, что годится для иностранного словаря, газете — не гоже. 1923

МЬ НЕ ВЕРИМІ Тенью истемня весенний день, выклеен
правительственный бюллетень. Нет! Не надо! Разве молнии велишь не
литься? Нет! не оковать язык грозы! Вечно будет | тысячестраницый
грохотать набатный ленинский язык. Разве гром бывает немотою
болен?! Разве сдержишь смерч, чтоб вихрем не кипел?! Нет! не
ослабеет ленинская воля в миллионносильной воле РКП. Разве жар
такой термометрами меряется? Разве пульс такой секундами гудит?!

оF EET TEN POP LE TP oo FEO ITT SEE EI eye Вечно будет
ленинское сердце kloкoтaть у революции в груди. Нет! нет! не-е-т... Не
хотим, не верим в белый бюллетень. С глаз весенних сгинь, навязчивая
тень! 1923

ВОРОВСКИЙ Сегодня, пролетариат, гром голосов раскуй,
забуди о всепрощеньи-воске. Приконченный фашистской шайкой
воровской, в последний раз Москвой пройдет Воровский. Сколько не
станет... Сколько не стало... Скольких в клочья... Скольких в дым... Где
б ни сдали, чья б ни сдала, — мы не сдали! Мы не сдадим! Сегодня
гнев скругли в огромный бомбы мяч. Сегодня голоса размолний
штучным блеском. В глазах в капиталистов маячь. Чертись | по
королевским занавескам. 135

Ответ в мильон шагов пошли на наглость нот. Мильонную толпу у стен кремлевских вызмей. Пусть смерть товарища сегодня подчеркнет бессмертье дела коммунизма. 1923

ВЕСЕННИЙ ВОПРОС Страшное у меня горе. Вероятно
-лишусь сна. Вы понимаете, вскоре В РСФСР придет весна. Сегодня и
завтра и веков испокон шатается комната — солнца пропойца.
Невозможно работать. Определенно беспокоен. А ведь откровенно
говоря — совершенно не из-за чего беспокоиться. Если подойти
серьезно — так-то оно так. Солнце посветит — и пройдет мимо. А вот
попробуй — | от окна оттяни кота. А если и животное интересуется
улицей, то мне это — | просто необходимо. На улицу вышел и встал в
лени я, не в силах... не сдвинуть с места тело. 138 ah поса tt At ці Ла нь
eal a ne NONE NT Wie dm CRT зіниць a 2 река © D ll ЧИ PRET à à à UN
й M Ta + ec su à à md nie м

=> core mure PS CS dl LG TP EOI p TT RMS. octo COMME
UE, DEN ET TS Нет совершенно ни малейшего представления, что ж
теперь, собственно говоря, делать?! И за шиворот и по носу каплет
безбожно. Слушаешь. Не смахиваешь. Будто стих. Юридически —
куда хочешь идти можно, но фактически — сдвинуться никакой
возможности. Я, например, считаюсь хорошим поэтом. Ну, скажем,
могу доказать: «самогон — большое зло». А что про это? Чем про это?
Ну, нет совершенно никаких слов. Например: город советские
служащие искрапили, приветствуй весну, | ответь салютно! Разучились
— нечем ответить на капли. Ну, не могут сказать — ни слова.
Абсолютно! Стали вот так вот — || смотрят рассеянно. Наблюдают —
скалывают дворники лед. Под башмаками вода. Бассейны... Сбоку
брызжет. Сверху льет. 139

Надо принять какие-то меры. Ну, не знаю что, — например: выбрать день самый синий, и чтоб на улицах улыбающиеся милиционеры всем в этот день раздавали апельсины. Если это дорого — можно выбрать дешевле, проще. Например: чтоб старики, безработные, неучащаяся детвора в 12 часов ежедневно собирались на Советской площади, троекратно кричали б: ура! ура! ура! Ведь все другие вопросы более или менее ясны. И относительно хлеба ясно и относительно мира ведь. Но этот кардинальный вопрос относительно весны нужно | во что бы то ни стало теперь же урегулировать. 1923

КЕРЗОН Многие слышали звон, да не знают, что такое — Керзон. В редком селе, у редкого города имеется карточка | знаменитого лорда. Гордого лорда запечатлеть рад. Но я, разумеется, не фотографический аппарат. Что толку в лордовой морде нам?! Лорда рисую по делам по лординым. У Керзона замечательный вид. Сразу видно — Керзон родовит. Лысина двумя волосенками припомажена. Лица не имеется: деталь, не важно. 141

Лицо принимает, | какое модно, какое английским купцам
угодно. Керзон красив — хоть на выставку. выставь. Во-первых, у
Керзона, как и необходимо для империалистов, вместо мелочей на
лице один рот: то ест, то орет. Самое удивительное - в Керзоне —
аппетит. Во что умудряется столько идти?! Заправляет одних только
мурманских осетров по тралеру ежедневно в желудок-ров. Бойся
Керзону в зубы даваться,-аппетит его за обедом склонен разрастаться. И
глотка хороша. | Из этой глотки голос — это не голос, а медь. 142

ОЕ еер ES РИ С ——— им Но иногда испускает фальшивые нотки, если на ухо наш наступает медведь. Хоть голос бочкин, за версты дно там, НО толк ОТ НОТ ОТ этих мал. Рабочие в ответ по этим нотам распевают «Интернационал». Керзон одеждой надает очок! Разглаженнейшие брючки и изящнейший фрак; духами душится, — не помню имя, — предпочел бы бакинскими душиться, нефтяными. На ручках перчатки вечно таскает, — общеизвестная манера шулерская. Во всяких разговорах | Керзонья тактика — передернуть парочку фактиков. У Керзона влечение и к развлечениям. Одно из любимых керзоновских занятий — 143

ходить к задравшейся английской знати. Хлебом Керзона не корми, лай ему задравшихся супругов. Моментально водворит мир, рассказав им друг про друга. Мужу скажет: -- Не слушайте сплетни, пе старик к ней ходит, а несовершеннослетний.— А жене: — Не верьте, сплетни о шансонетке. Не от нее, от другой у мужа детки.— Вцепится жена мужу в бороду и тянет книзу, — лафа Керзону лордумаркизу. Говорит, похихикивая подобающе сану: -- Ну, и устроил я им : Лозанну!— " Многим выяснится в этой миниатюрке, из-за кого задрались греки и турки. | 1 144

~~ -В нотах Керзон удал, | в гневе — яр, НО можно
умилостивить, | показав доллар. Нет обидь, кою было бь невозможно
смыть деньгою. Давайте доллары, гоните шиллинги, и снова Керзон —
добрый и миленький. Был бы полной чашей керзоний дом, да
зловредная организация у Керзона бельмом. Снится за ночь Керзону
раз сто, как поднимают Восток, и от гордой Британской империи летят
по ветру пух и перья. Вскочит ОТ ЗЛОСТИ бегемотово-сер, да
кулаками на карту СССР. 10 в. Маяковский, т, 1 145

Пока кулак не расшибет о камень, бьет по карте стенной кулаками. Примечание. Можно еще пописать | ЛНК-ТО, да не люблю я этих международных конфликтов. 1923

10° ГОМПЕРС Из вас ННКТО — ни с компасом, ни без компаса — никак и никогда, не сыщется Гомперса. Многие даже не знают, что это: фрукт, фамилия или принадлежность туалета? А в Америке это ИМЯ | гремит, как гром. Знает каждый человек, и лошадь, и тес: — А! как же, знаем, знаем — знаменитейший, уважаемый Гомперс!— Чтоб вам МОЗГИ не сворачивало от боли, чтоб вас не разрывало недоумение, — 147

сообщаю: Гомперс — человек, более или менее. Самое неожиданное, как в солнце дождь, что Гомперс величается — «рабочий вождь! Но Гомперсу гимны слагать рановато. Советую осмотреться, ждя,-больно уж вид странноватый у зтого величественного американского вождя. Дактилоскопией снимать бы подобных выжиг, чтоб каждый троевидно видеть мог. Но... по причинам, приводимым ниже, приходится фотографировать только профилек. Окидывая ~ Гомперса | умственным оком, удивляешься, чего он ходит боком? Думаешь -первое впечатление ложное, разбираешься в вопросе — 148

и снова убеждаешься: стороны противоположной нет вовсе. Как ни думай, как ни ковыряй, никому, | не исключая и господ-громовержца, непонятно, на чем, собственно говоря, этот человек держится. Нога одна, хотя и длинная. Грудь одна, хотя и бравая, Льсина — половинная, всего — половина, и то — правая. Но где же левая, левая где же?! Открою — проще нет ларчика: куплена миллиардерами Рокфеллерами, Корнеджи. Дыра — и слегка прикрыта долларчиком. Ходить на двух ногах старо. Но себя на одной трудно нести. 149

Гомперс прихрамывает от односторонности. Плетется он у рабочего движения в хвосте. Меж министрами треплется полуборода полуседая. Раскланиваясь разлюбезно то с этим, то с тем, к ихнему полу | реверансами полуприседает. Чуть | рабочий за ум берется,-чтоб рабочего обратно впредь, миллиардеры | выпускают | своего уродца, и уродец держит такую речь: -- Мистерь рабочие! Я стар, я сед и советую: бросьте вы революции эти! Ссориться с папашей никогда не след. А мы все — рокфеллеровы дети. Скажите, ну зачем справлять маевки?! 150 А hé ой ый 2 РРСРР д. ль + mms

PT Di mul dE ide dé cit tnt BO ———= т EE — Папаша
Рокфеллер не любит бездельников. Работать будете — погладит по
головке. Для гуляний разве | мало понедельников?] Я сам — рабочий
бывший, лишь теперь | у меня буржуазная родня. Я, по понедельникам
много пивший, утверждаю: пет превосходнее дня. А главное —
помните: большевики —буки, собственность отменили! | Аж курам
смех! Словом, если к горлу к большевичьему протянем руки,-помогите
Рокфеллерам С НОТ СО ВСЕХ.— Позволяют ему, если речь чересчур
гаденька, даже к ручке приложиться президента Гардинга. ВЫВОД —
© вслепую не беги за вождем. 151

Сначала посмотрим, | сначала подождем. Чтоб после не
пришлось солоно, говорунов сильнее школь. Иного вождя — за ушко
да на солнышко. 1923

КИЕВ Лапы елок, лапки, лапушки... Все в снегу, а теплые какие! Будто в гости к старой, старой бабушке я вчера приехал в Киев. Вот стою на горке на Владимирской. Ширь вовсю — не вымчать и перу! Так когда-то, рассиявшись в выморозки, киевскую Русь оглядывал Перун. А потом — когда И кто, не помню толком, только знаю, что сюда вот по льду, 153

да и по воде, в порогах, волоком — шли с дарами к Диру и Аскольду. Дальше било солнце куполам в литавры. — На колени, Русь! Согнись и стой.— До сегодня нас Владимир гонит в лавры. Плеть креста сжимает каменный святой. Шли из мест таких, которых нету глуше, — прадеды, | прапрадеды и пра пра пра!.. М / Много всяческих кровавых безделушек здесь у бабушки моей по берегам Днепра. Был убит и снова встал Столыпин, памятником встал, вложивши пальцы в китель. Снова был убит, И ВНОВЬ дрожали липы от пальбы двенадцати правительств. 154

ее ро А теперь встают с Подола дымы, киевская грудь гудит,
котлами грета. Не святой уже — другой, У земной Владимир крестит
нас железом и огнем декретов. Даже чуть зарусофильствовал от этой
шири! Русофильство, да другого сорта. Вот моя рабочая страна, одна в
огромном мире. — Он! Пуанкаре! возьми Нас?!. Черта! Пусть еще
последний, старый батя содрогают плачем лавры звонницы, Пусть
еще врезается с Крепчатика ВОЛЧИЙ ВОЙ: «Даю-беру червонцы!»
Наша сила — | правда, ваша — лавры звоны. 155

Вата — дым кадильный, наша — фабрик дым. Ваша мощь
— червонец, наша — | стяг червонный. Мы возьмем, займем и
победим. Здравствуй we и прощай, седая бабушка! Уходи с пути!
скорее! ну-ка! Умирай, старуха, спекулянтка, | набожка! Мы идем —
ватага юных внуков! 1924

КОМСОМОЛЬСКАЯ Смерть -не сметь! Строит, рушит, кроит
и рвет, ТНХНЕТ, | КАТНТ и пенится, гудит, говорит, молчит и ревет —
юная армия: ленинцы. Мы новая кровь городских жил, тело нив,
ткацкой идеи НИТЬ. Ленин — жил. Ленин — ЖИВ. Ленин — будет
жить. Залили горем. Свезли в мавзолей 157

частицу Ленина — тело. Но тленью не взять -пи земле, НИ
первейшее в Ленине — дело. «Смерть, косу положи! Приговор лжив. С
таким небесам не блажить. Ленин — жил. Ленин — ЖИВ. Ленин —
будет жить. Ленин — жив шаганьем Кремля -вожля капиталовых
пленников. Будет жить, и будет земля гордиться именем Ленина. Еще
по миру пройдут мятежи — сквозь все межи коммуне путь проложить,
Ленин — жил. Ленин — ЖИВ. Ленин — будет жить. (158 золе — И,
NS

К сведению смерти, гіес | старой карги, гонящей в могилу и старящей: «Ленин» и «Смерть» — слова-враги. «Ленин» и «Жизнь» — | товарищи. Тверже печаль держи. Грудью в горе прилив. Нам — не нить. Ленин — жил. Ленин -жив. Ленин -будет жить. Ленин рядом. | Вот ОН. Идет и умрет с нами. И снова в каждом рожденном рожден — как сила, | как знанье, как знамя. Земля, под ногами дрожи. За все рубежи слова -взвивайтесь кружить. Ленин -жил. Ленин -ЖИВ. Ленин — будет жить. 159

Ленин ведь тоже начал с 430В,— жизнь — мастерская
геньина. С низа лет, с класса низов — рвись разгромдиться в Ленина.
Дрожите, дворцов этажи! Биржа нажив, будешь битая ВЫТЬ. Ленин —
жил. Ленин — жив. Ленин — будет жить. Ленин — | больше самых
больших, но даже И это ЛМВО создали всех времен малыши -мы,
малыши коллектива. Мускул узлом вяжи. Зубы — ножи в знание.
Вонзай крошить. Ленин — жил. Ленин — ЖИВ. Ленин — будет жить.

Строит, рушит, кроит и рвет, тихнет, КИПИТ и пенится,
гудит, МОЛЮНТ, говорит и ревет — юная армия: ленинцы. Мы новая
кровь городских жил, тело нив, ткацкой идеи НИТЬ. Ленин — жил.
Ленин — ЖИВ. Ленин — будет жить. 31 марта 1924 11 в. Маяковский,
т. 1

СЕЛЬКОР Город растет, а в далекой деревне, в тихой глуши
медвежья угла все еще стынет в дикости древней старый, косматый,
звериный уклад. Дико в деревне, и только селькоры, ЖИЗНЬ
подставляя смертельным рискам, смело долбят непорядков горы
куцом СВОИМ карандашным огрызком. Ходит деревнею слух ухатый:
-- «Ванька писатель!» — Банда кулацкая, камни запрятав, таится у
хаты, бродит, зубами по-волчьи лацкает. 162

1 eg В темном лесу настигнут к ночи... — «Ванька идет! Православные, тише!» Раз топором! | А после гогочут: — «Што? Теперь, небойсь, не напишет!» Труден и тяжек путь селькора. Но славят | и чтут вас каждый день все, кто беден, все, кто в горе, все, кто в обиде, все, кто в нужде! Враг богат, изворотлив и ЛОВОК, но Не носить нам его оков. Ваш карандаш вернее винтовок, бьет и пронзает лучше птыков. 1924

ЮБИЛЕЙНОЕ Александр Сергеевич, разрешите
представиться. | Маяковский. Дайте руку! Вот грудная клетка.
Слушайте, уже не стук, а стон; тревожусь я о нем, | в щенка
смирѐнном львенке. Я никогда не знал, что столько тысяч тонн в моей
позорно легкомыслой головенке. Я тащу вас. Удивляетесь, конечно?
Стиснул? Больно? Извините, дорогой. У меня, да и у вас | в запасе
вечность. Что нам 'потерять часок-другой?! Будто бы вода — давайте
мчать, болтая, будто бы весна — свободно и раскованно! 164

В небе вон луна такая молодая, что ее без спутников и выпускать рискованно. Я теперь свободен от любви и от плакатов. Шкурой | ревности медведь лежит когтист. Можно убедиться, что земля поката,-сядь на собственные ягодицы и катись! Нет, не навязусь в меланхолишке черной, да и разговаривать не хочется ни с кем. Только жабры рифм топырит учащенно у таких, как мы, на поэтическом песке. Вред — мечта, и бесполезно грезить, надо вести служебную нуду. Но бывает — ЖИЗНЬ встает в другом разрезе, и большое понимаешь — через ерунду. 165

Нами лирика в штывы неоднократно атакована, ищем речи
точной и нагой. Но поэзия — пресволочнейшая штуковина:
существует — и ни в зуб ногой. Например, ВОТ это — говорится или
блеется? Синемордое, в оранжевых усах, Навуходоносом библейцем
-«Коопсах». Дайте нам стаканы! Знаю в горе способ старый дуть
винище, но смотрите — ИЗ выплывают Red и White Заг'ы с ворохом
разнообразных виз. Мне приятно с вами, — рад, что вы У столика.
Муза это ловко за язык вас тянет. Как это у вас говаривала Ольга?.. Да
не Ольга! из письма Онегина к Татьяне. 166 ee eee Poe Ee ROOD dd
ASS multi hdd te LM Sn Léon D di Le add lit A i ates a ' an

а — Дескать, муж у вас дурак р и старый мерин, я люблю вас,
| будьте обязательно моя, я сейчас же, утром, должен быть уверен, что
с вами днем увижусь я.— Было всякое: и под окном стояние, письма,
тряски нервное желе. Вот когда и горевать не в состоянии — это,
Александр Сергеич, много тяжелей. Айда, Маяковский! Маячь на юг!
Сердце рифмами вымучь — ВОТ и любви пришел каюк, дорогой
Владим Владимъч. Нет, | не старость этому имя! Тушу вперед стремя, я
с удовольствием справлюсь с двоими, а разозлить — и с тремя.
Говорят — я темой и-н-д-и-в-и-д-у-а-л-е-н! Entre nous... чтоб цензор не
нацикал. Передам вам -говорят — видали 167

даже двух влюбленных членов ВЦИКа. Вот — пустили
сплетню, тешат душу ею. Александр Сергеич, да не слушайте ж вы их!
Может, а ОНН | действительно жалею, что сегодня нету вас в живых.
Мне | при жизни с вами сговориться б надо. Скоро вот ия умру и буду
нем. После смерти нам стоять почти что рядом: вы на Пе, ая на эМ.
Кто меж нами? С кем велите знаться?! Чересчур страна моя поэтами
нища. Между нами — ВОТ беда — позатесался Надсон. Мь попросим,
чтоб его куда-нибудь на Ща! 168

А Некрасов Коля, сын покойного Алеши — он и в карты, ||
ОН и в стих, и так неплох на вид. Знаете его? ВОТ ОН мужик
хороший. Этот нам компания — пускай стоит. Что ж о
современниках?! Не просчитались бы, за вас полсотни бтдав. От
зевоты скулы разворачивает аж! Дорогойченко, Герасимов, Кириллов,
Родов — какой одноробразный пейзаж! Ну, Есенин, мужиковствующих
свора. Смех! Коровою в перчатках лаечных. Раз послушаешь... но это
ведь из хора! Балалаечник! Надо, чтоб поэт и в жизни был мастак. Мы
крепки, как спирт в полтавском штофе. 169

Ну, а что вот Безыменский?! Так... ничего... морковный кофе. Правда, | есть у нас Асеев Колька. Этот может. | Хватка у него моя. Но ведь надо заработать сколько! Маленькая, но семья. Были б живы — стали бы по Лефу соредактор. Я бы и агитки вам доверить мог. Раз бы показал: — вот так-то, мол, и так-то... Вы б смогли — у вас хороший слог. Я дал бы вам | жиркость и сукна, в рекламу б выдал гумских дам. (Я даже ямбом подсюсюкнул, чтоб только быть приятней вам.) Вам теперь пришлось бы бросить ямб картавый. 170

Пре Нынче наши перья — ШТЫК да зубья вил, — битвы революций посерьезнее «Полтавы», и любовь пограндиознее онегинской любви. Бойтесь пушкинистов. | Старомозгий Плюшкин, перышко держа, полезет с перержавленным. -- Тоже, мол, у лефов появился Пушкин. Вот арап! А состязается — с Державиным...— Я люблю вас, НО живого, а не мумию. Навели à хрестоматийный глянец. VI по-моему при жизни | — думаю — тоже бушевали. Африканец! Сукин сын Дантес! Великосветский шкода. Мы б его спросили: — А ваши- кто родители? Чем вы занимались до 17-го года?— Только зтого Дантеса бь и видели. Впрочем, что ж болтанье! Спиритизма вроде. 171

Так сказать, невольник чести... пулею сражен... Их и по
сегодня МНОГО ХОДИТ — всяческих ОХОТНИКОВ до наших жен.
Хорошо у нас в Стране Советов. Можно жить, работать можно дружно.
Только вот поэтов, к сожалению, НеТу,— впрочем, может, это и не
нужно. Ну, пора: рассвет лучища выкалил. Как бы милиционер
разыскивать не стал. На Тверском бульваре очень к вам привыкли. Ну,
давайте, посажу на пьедестал. Мне бы памятник при жизни
полагается по чину. Заложил бы динамит — а ну-ка дрызнь! Ненавижу
всяческую мертвечину! Обожаю всяческую жизнь! 1924

ПРОЛЕТАРИЙ, 4 В ЗАРОДЫШЕ ЗАДУШИ ВОЙНУ!
(Будущие) ДИПЛОМАТИЯ. — Мистер министр? How do you do?
Ультиматум истек. Уступки? Не иду. Фирме Морган должен Крупп
ровно | три миллиарда и руп. Обложить облака! | Начать бои! Будет
добыча — вам пай. Люди — ваши, расходы — МОН. Good bye!
МОБИЛИЗАЦИЯ «Смит и сын. Самоговорящий ящик». Ящик
министр придвинул быстр. 173

В раструб трубь, мембране говорящей, сорок секунд бубнил министр. Сотое авеню. | Отец семейства. Дочь играет цепочкой на отце. Записал с граммофона время и место. Фармацевт — как фармацевт. Пять сортировщиков. Вид водолаза. Серых масок немигающий глаз устави́ли в триста баллонов газа. Блок минуту повизгивал, лазя, грузя в кузова «чумной газ». Клубь Нью-Йорка раскрылись в сроки, раз не разпи́лся от других разов. Фармацевт сиял, убивши в покер флеш-роялем — четырех тузов. 174 i 1 1 P PУ kt ass

QI TIE LTTE ПР НАСТУПЛЕНИЕ Штаб воздушных гаваней
и доков. Возд-воен-электрик Джим Уост ВКЛЮЧИЛ в трансформатор
заатлантических токов триста линий — зюд-ост. Авиатор в карте к
цели полета вграфил по линейке, в линию линия. Ровно В пять без
механиков и пилотов ВЗВНЛНСь триста чудовищ алюминия.
Треугольник — летящая фабрика ветра — в воздух | триста винтов
всвистал. Скорость — шестьсот пятьдесят километров. Девять тысяч
метров — высота. Грозой не кривясь, ни от ветра резкого, только будто
гигантский колыт — над каждым аэро сухо потрескивал ТОК в 15
тысяч вольт. Встали стражей неба вражьего. 175

Кто умер — і счастье тому. Знайте, буржуями сжигаемые
заживо, последнее изобретение: «крематорий на дому». БОИ Город
дышал что было мочи, спал, никак не готовясь к смертям. Выползло
триста, к дымочку дымочек. Пошли спиралью снижаться, смердя.
Какая-то птица — пустяк, воробушки — падала в камень, горохом
ребрышки. Крыша рейхстага, сиявшая лаково, в две секунды стала
седая. Бесцветный дух дома обволакивал, НИК к земле, с этажей
оседая. «Спасайся, кто может, с десятого — прыга...» > 176 act a, ід и Й :
o oC > its à' À ah A moin es am da Da ч

Слово свело в холодеющем нёбе; ножки, еще минуту
подрыгав, рядом легли — успокоились обе. Безумные думали:
«Сжалим, умолим». Когда растаял газ, ТЮВАСА, — ни человека, ни
зверя, ни моли! Жизнь была и вышла вся. Четыре аэро снизились
искоса, лучи скрестя огромнейшим иксом. Был труп — и нет. Был дом
Жег свет фиолетовый. Обделали чисто. Ни дыма, ни мрака. — Н нет
его. Взорвали, взрыли, смыли, взмели. 14, в Маяковский, т. 1 177

И город лежит погашенной маркой на грязном, рваном пакете земли. ПОБЕДА Морган. | Жена. В корсетах. Не двинется. Глядя, как шампанское пенится, Морган сказал: -- Дарю имениннице немного разрушенное, но хорошее имение! ТОВАРИЩИ, НЕ ДОПУСТИМ! Сейчас подытожена великая война. Пишут мемуары истории писцы. Но боль близких, - любимых, нам еще кричит из сухих цифр. я фр МИЛЛИОНОВ взяли на мушку, В СОТНЯХ : МИЛЛИОНОВ стенанье и вой. 178 Fee Wir. PP ТРЕКЛИСТ УР РРО

12* Но и этот ад 'покажется погремушкой рядом : с
грядущей, готовящейся войной. Всеми спинами, по пленам драными,
руками, брошенными на операционном столе, всеми в осень ноющими
ранами, всей трескотней всех костылей, дырами ртов, — выбил бой!-
голосом, визгом газовой боли — сегодня, мир, крикни — Долой!!! Не
будет! Не хотим! Не позволим! Нациям нет врагов наций. Нацию
выдумал мира враг. Выходи не с нацией драться, рабочий мира, мира
батрак! Иди, пролетарской армией топая, штыки последние атакой
выставь! 179

«Фразь о мире-| пустая утопия, пока не экспроприирован
класс капиталистов». Сегодня... завтра...-а справимся все-таки!
Виновным -- смерть. Невиновным -- вдвойне. Сбейте жирных дюжины
и десятки. Миру — мир, война — войне. 1924

ПРОЧЬ РУКИ ОТ КИТАЯ Война, империализма дочь,
призраком над миром витает. Ръчи, рабочий: -- Прочь руки от Китая!—
Эй, Макдональд, не морочь, в лигах речами тая. Назад, дредноуты! —
Прочь руки от Китая!— В посольском квартале, цари точь-в-точь,
расселись, интригу сплетая. Сметем паутину. — Прочь руки от Kutaa!
— Кули, чем их кулй волочь, рикшами | их катая — спину выпрями! —
Прочь руки от Китая!-181

Колонией вас ХОТЯТ НСТОЛЮВ. 400 миллионов -не стая.
Громче, китайцы: — Прочь руки от Китая!— Пора эту свблочь
сволочь, со стен Китая кидая. — Пираты мира, прочь руки от Китая!—
Мы всем рабам рады. помочь, сражаясь, уча и питая. Мы с вами,
китайцы! — Прочь руки от Китая! — Рабочий, разбойничью ночь
громи, | ракетой кидая горящий лозунг: | — Прочь руки от Китая! 1924
И КУ aN ЧЕРИ ЧИ ИР à st a

а іад ВЛАДИКАВКАЗ-ТИФЛИС. Только нога ступила в Кавказ, я вспомнил, что я — грузин. Эльбрус, Казбек. И еще — как вас?! На гору горы грузи! Уже на мне никаких рубях. Бродягой,-один архалух. уже”. МОО МНОЙ такой карабах, что Ройльсу — | и то б в похвалу. Было: с ордой, загорел и носат, старее всего старья, я влез, веков девятнадцать назад, ВОТ В ЭТОТ самый в Дарьял. 183

Лезгинщик и гитарист душой, в многовековом поту, я землю
прошел и возделал мушой отсюда по самый Батум. От этих дел не
вспомнят ни зги. История — врун даровитый, бубнит лишь, что были
царьки да князьки: Ираклии, Нины, Давиды. Стена — и ТО знакомая
что-то. В тахтах вот этой вот башни — я помню: я вел Руставели
Шотой с царицей с Тамарою шашни. А после катился, костями хрустя,
чтоб в пену Тереку врыться. Да зто что! Любовный пустяк! И лучше
резвилась царица. А дальше я видел — в пробоину скал 184 св ль швы
а ПБ аш аи Бана 20 Add aii ni à

Et Oh, ser co array Py i вот С этих тропиночек узких на сакли,
звения, опускались войска золотопогонников русских. Лениво ОТ жизни
взбираясь ввысь, гитарой душу отверз — «Мхолот шен эртс рац, ром
чемтвис Моуция маглидган гмертс...» И утро свободы в кровавой росе
сегодня встает поодаль. И вот я мечу, я, мститель Арсен, бомбы 5-го
года. Живились в пажах княжёвы сынки, ая, ежедневно и наново, опять
вспоминаю все синяки от плеток всех Алихановых. И дальше история
наша хмура. Я вижу правящих кучку. Какие-то люди, мутней, чем
Кура, Французов чмокают в ручку. 185

\ Двадцать, а может больше, веков ВОЛЮК угнетателей узы я,
чтоб только под знаменем большевиков воскресла | свободная Грузия.
Да, я грузин, | но не старенькой нации, забитой в ущелье в это. Я 4 е |
равный товарищ одной Федерации грядущего мира Советов. Еще
омрачается день иной ужасом ,крови и яри. Мы бродим, МЫ еще не
вино, ведь мы еще только мадчари. Я знаю: глупость — эдемы и рай!
Но если пелось про это, должно быть Грузию, радостный край,
подразумевали поэты. _ Я жду, | чтоб аэро в горы взвились. 186

Как женщина, . МНОЮ лелеема надежда, что в хвост со
словом «Тифлис» вобьем | фабричные клейма. Грузин я, | НО не кинто
озорной, острящий и пьющий после. Я жду, чтоб гудки взревели
зурной, где шли лишь КННТО да ослик. Я чту поэтов грузинских дар,
но ближе всех песен в мире, мне ближе всех и зурн и гитар лебедек и
кранов шайри. Строй во всю трудовую прыть, для стройки не жаль
ломаний! Если даже Казбек помешает,— скрыты Все равно не видать в
тумане. 1924

ТАМАРА И ДЕМОН От этого Терека в поэтах истерика. Я
Терек не видел. Большая потеряшка. Из омнибуса вразвалку сошел,
поплеывал в Терек с берега, совал ему в пену палку. Чего же
хорошего? Полный развал! Шумит, как Есенин в участке. Как будто бы
Терек организовал, проездом в Боржом, | Луначарский. Хочу
отвернуть заносчивый НОС и чувствую: стыну на грани я, овладевает
— мною гипноз, ВОДЫ и пены играющие. 188 1 Å | 1 |

Вот башня, револьвером небу к виску, разит || красотою
нетроганой. Поди, подчини ее преду искусств — Петру Семенычу
Когану. Стою, и злоба взяла меня, что эту дикость и выступления с такой
бездарностью я променял на славу, рецензий, диспутъ. Мне место не в
«Красных нивах», а здесь, и не построчно, а даром реветь | стараться в
голос во весь, срывая струнь гитарам. Я знаю мой голос: паршивый
тон, но страшен силою ярой. Кто видывал, не усомнится, что А был бь
услышан Тамарой. Царица крепится, взвинчена хоть, величественно |
делает пальчиком. 189

Но я ей сразу: -- А мне начхать, царица вь или прачка! Тем более с песен-какой гонорар?! А стирка — в семью копейка. А даром немного дарит гора: лишь воду — поди, попей-ка!-Взъярилась царица, к кинжалу рука. Козой, из берданки ударенной. Но я ей по-своему, вы ж знаете как — под-ручку... любезно... — Сударыня! Чего кипятитесь, как паровоз? Мы общей лирики лента. Я знаю давно вас, мне много про вас говаривал некий Лермонтов. Он клялся, что страстью и равных нет. Таким мне мерещился образ твой. 190 | sun Eat he ae mé ew ne Die à:

Любви я заждался, мне 30 лет. Полюбим друг друга!
Попросту. Да так, чтоб скала распостелилась в пух. От черта скраду и от бога я! Ну что тебе Демон? Фантазия! Дух! К тому ж староват — мифология. Не кинь меня в пропасть, будь добра. От этой ли струшу боли я? Мне даже | пиджак не жаль ободрать, а грудь и бока — тем более. Отсюда дашь хороший удар — и в Терек замертво треснется. В Москве больнее спускают... куда! ступеньки считаешь — лестница. Я кончил, и дело мое сторона. И пусть, озверев от помарок, про это пишет себе Пастернак. А мы... соглашайся, Тамара! 191

История дальше уже не для книг. Я скромный, ия бастую.
Сам Демон слетел, подслушал и сник, и скрылся, смердя _ впустую. К
нам Лермонтов сходит, презрев времена Сияет — «Счастливая
парочка!» Люблю я гостей. Бутылку вина! Налей гусару, Тamarочка!
1924

ВЫВОЛАКИВАЙТЕ БУДУЩЕЕ! Будущее не придет само, если не примем мер. За жабры его,— комсомол! За хвост его,— пионер! Коммуна не сказочная принцесса, чтоб о ней мечтать по ночам. Рассчитай, обдумай, нацелься — И ИДИ хоть по мелочам. Коммунизм не только у земли, у фабрик в поту. Они дома за столиком, в отношениях, в семье, в быту. Кто скрипит матершиной смачной целый день, как немазанный воз, 33. № Маяковский, т. 1 193

ТОТ, кто млеет под визг балалаечный, тот до будущего не дорос. По фронтам — пулеметами такать — не в этом ОДНОМ война! И семей и квартир атака угрожает не меньше нам. Кто не выдержал натиск домашний, спит в уюте бумажных роз,-до грядущей ЖИЗНИ МОЩНОЙ тот пока еще не дорос. Как и шуба и время тоже — проедает | быта моль ее. Наших дней залежалых одежду перетряхни, комсомолия! 1925 1 | 1 1 | 1 | i ПРИРО PPS ERT ИУ we ПЕРУН УРНИ

SE ee er me 13° ЕДУ Билет — щелк. Щека -чмок. Свисток,-и
рванулись туда мы, куда, как сельди в сети чулок, плывут
кругосветные дамы. Сегодня приедет — уродом-урод, а завтра —
узнать посмейте-ка: в одно разубран и город и рот — помады, огней
косметика. Веселых тянет в эту вот даль. В Париже грустить? Едва ли!
В Париже — площадь, и та — Этуаль 1, 195

а звездь -так сплошь этуали! Засвистывай, трись, врежайся и
режь сквозь Льежи и об Брюссели. Но нож и Париж, и Брюссель, и
Льеж тому, кто, как я, обрусели. Сейчас бы в сани с ногами — в снегу,
как в газетном листе б... Свисти, заноси снегами меня, прихерсонская
степь... — Вечер, поле, ОгОНьКН, дальняя дорога, сердце рвется от
тоски, а в груди тревога. Ух, раз, еще раз, стих в пляс. Эх, раз, еще раз,
рифм хряск. Эх, раз, еще раз, еще много, много раз... 195

|| Люди разных стран и рас, копая порядков грядки, увидев,
как я себя протряс, скажут: в лихорадке. 1925 * Этуаль.— В Париже
есть площадь Этуаль. Этуаль — По» французски звезда. Зтуаль--
первоклассная шантанная певица,

ГОРОД Один Париж -адвокатов, казарм, другой — без казарм и без Эррио. Не оторвать от второго глаза — _ОТ этого города серого. Со стен обещают: «Un verre de Koto donne de l'énergie» 1. Вином любви каким и кто мою взбудоражит жизнь? Может, критики знают лучше, может, НХ и слушать надо. Но кому я, к черту, попутчик?! Ни души не шагает рядом. Как раньше, свой раскачивай горб впереди позтовых арб — 198 |

Does ei) aaa À неси ОДИН и радость, и скорбь, и прочий
людской скарб. Мне скучно здесь одному впереди — поэту не надо
многого, — пусть только время скорей родит такого, как я,
быстроногого. Мь рядом пойдем дорожной пылью. Одно желанье
пучит: мне скучно, желаю видеть в лицо, кому это А попутчик?! «Je
suis un chameau» 2, в плакате СТОАТ литерь -каждая фут. Совершенно
верно, -«je suis» это — «Я», а «chameau» это — «я верблюд». Лиловая
туча, | скорей нагнись, 199

меня и Париж полей, чтоб только скорей зацвели огни
ДЛИНОЙ Елисейских полей 3. Во всё огонь — и небу в темь, и в
чернь промокшей пыли. В огне, жуками всех систем, жужжат
автомобили. Горит вода, земля горит, горит асфальт до жжения, как
будто зубрят фонари таблицу умножения. Площадь красивей и тысяч |
дам-болонок. Эта площадь оправдала 6 каждый город. Если 6 был я |
Вандомская колонна 7, я б женился на Place de la Concorde 5. 1925 / - Т
Оo verre de Koto donne de l'énergie—рехнама напитка: «Стакан Кото
укрепляет энергию». 2Je suis ип chateau — я верблюды. 3 Елисейские
поля — улица в Париже. 4 Вандомская колонна — памятник в Париже.
- 5 Place de la Concorde — площадь Согласия.

NOTRE-DAME! Другие здания . лежат, как грязная кора, в воспоминаний о Notre-Dame'е. Прошедшего возвышенный корабль, о время зацепившийся и севший на мель. Раскрыли дверь — тоски тяжелей, желе из железа — нелепее. Прошли сквозь монаший | служилый елей в соборное великолепие. Читал письма, украшавшие храм, про боговы блага на небе. Спускался в партер, подымался к хорам, смотрел удобства | и мебель. Я вышел — СО МНОЙ переводчица-дура, 201

щебечет | бантиком-ротиком: — Ну, как вам нравится архитектура? Какая небесная готика! — Я взвесил все и обдумал: — Ну, вот: сон лучше Блаженного Васьки 3. Конечно, под клуб не пойдет — темноват, — об этом не думали — классики... Не стиль... Я в этих делах. не мастак. Не дался старью на съедение. Но то хорошо, что уже места готовы тебе | для сидения. Его ни к чему перестраивать заново, — приладим с грехом пополам, а в наших — ни стульев нет, ни органов. Копнёшь — одни купола. И лучше б оркестр, да игра дорога, -сначала не будет финансов, — а то ли дело, когда орган — играй хоть пять сеансов. - | 202

причи им течи Зву Ре Ясно -репертуар иной — фокстроты, а не сопенье.— Нельзя же французскому госкино духовные песнопения! А для рекламы — не храм, а краса! — Старайся во все тяжкие. Электрорекламе — лучший фасад: меж башен | пустить перетяжки да буквами разными: «Signe de Zogo» 3, чтоб букв бежали, как мышь. Такая реклама | так заорет, что видно во весь Boulmiche 7. А если и лампочки вставить в глаза химерам в углах собора, тогда — никто не уйдет назад: подряд — битковые сборы! Да надо быть бережливым тут, ядром | чего не попортив. 203

В особенности, если пойдут громить префектуру напротив.
1925 1Notre-Dame—Собор парижской богородицы. 2? Блаженный
Васька — церковь Василия Блаженного в Москве. 3 Signe de Zoro —
«Знак Зоро». 4 Voie Michelin — бульвар в Париже.

ВЕРСАЛЬ По зтой дороге, | спеша во дворец, бесчисленные
Людовики трясли в шелках золоченых каретц телес | десятипудовики.
И, ляжек своих отмахав шатуны, по ней, марсельезой пропет, плюя на
корону, теряя штаны, бежал из Парижа Капет. Теперь по ней веселый
Париж гоняет, авто рассияв... Кокотки, рантье, подсчитавший барыш,
американцы | и я. Версаль. Возглас первый: 205

«Хорошо жили стервы!» Дворцы На тыщи спален и зал — и в каждой и стол и кровать. Таких вторых и построить нельзя, — хоть целую жизнь воровать! А за дворцом, и сюды и туды, чтоб жизнь им была свежа, пруды, фонтаны, и снова пруды с фонтаном из медных жаб. Вокруг, в поощрение. жантильных манер, дорожки полны статуями — везде Аполлоны, а этих Венер безруких, — так целые уймы. А дальше — Жилья для их Помпадурш — Большой Трианон и Маленький. Вот тут Помпадуршу | водили под душ, вот тут помпадуршинь спаленки. 206

и: al RENT т" периметр US, т г и ее ET Смотрю на жизнь -ах,
как не нова! Красивость -аж дух выматывает! Как будто | ВІН в
акварель Бенуа !, к каким-то стишкам Ахматовой. Я все осмотрел,
поощупал вещи. Из всей красотищи этой мне больше всего
понравилась трещина на столике Антуанетты 2, В него штыка
революции КЛИН вогнали, пляша под распевку, „когда санкюлоты
НОВОЛОКІН На зшафот королевку. Смотрю, а все же-завидные
видики! Сады завидные — в розах! Скорей бы культуру такой же
выделки, НО В НОВЫЙ машинный рбзмах! В музеи ВОТ ЭТИ лачуги
6 выместит! 207

Сюда бы — стальной и стекольный рабочий дворец
миллионной вместимости, — такой, | чтоб и глазу больно. Всем, еще
имеющим купоны и монеты, всем царям, еще имеющимся, в
назидание — с гильотины неба, головой Антуанетты, солнце
покатилось умирать на зданиях. Гасплась И Лип и каштанов толпа,
слегка листочки ворся. Прозрачный вечерний небесный колпак закрыл
музейный Версаль. 1925 1 Бенуа — русский художник. 3 Антуанетта
— Мария-Антуанетта, французская королева, казненная во время
революции.

КАФЕ Обыкновенно мы говорим: все дороги | приводят в Рим. Не так у монпарнасца 1. Готов поклясться — и Рем, и Ромул, и Ремул и Ром в «Ротонду» придут или в «Дом» 2, В кафе идут по сотням дорог, плывут по бульварной реке. Вплываю и я: «Garçon, un grog américain!» 3 Сначала слова и губы и скулы кофейный гомон сливал. Но вот пошли вылупляться из гула 14 в. маяковский, т. I 209

и лепятся фразой слова: — Тут проходил Маяковский давеча, хромой — не видали рази? — А с кем он шел? — С Николай Николаичем. — С каким? — Да с великим князем... — С великим князем? Будет врать! Он кругл и ЛВІС, как ладонь... Чекист он, — послан сюда взорвать... — Кого? — Буа де Булонь... Езжай, мол, Мишка... — Другой поправил: — Вы врете, противно слушать — совсем и не Мишка он, а Павел. Бывало, сядем: Павлуша, — а тут же его супруга, княжна, брюнетка, лет под тридцать... — Чья? Маяковского? Он не женат. — Женат, и на императрице. 210 ПР tt bi 1h its à 3 #12 à à cui du

LPN LO ETRE PY те оч NIL PTT Wor et dE OR PE EPP
ENTER ET тт Ее UP" PAHE K ET ИHET 14* — На ком? | Ее ж
расстреляли!., — Й он поверил... сделайте милость! Ее ж Маяковский
спас за триллион! Она же ж омолодилась! — Благоразумный голос: --
Да нет, вы врете — Маяковский -- поэт. = Ну да, Юа вмешалось двое
саврасов, — в конце семнадцатого года в Москве чекой конфискован
Некрасов и весь Маяковскому отдан. Вы думаете — сам ОН? Сбондил
до иот — весь стих, с запятыми, скраден. Достанет Некрасова и
продает червонцев по десять на день. — Где вы, свахи? Подьмись,
Агафья! Предлагается жених невиданный. Видано ль, чтоб человек с
такою биографией 211

был бы холост и старел невыданный?! Париж, тебе ль, столице столетий, к лицу эмигрантская нудь? Смахни за ушами эмигрантские сплетни — провинция — не продохнуть! Я вышел в раздумьи: черт его знает! Отплюнулся — тьфу, напасть! — Дыра в ушах не у всех сквозная — другому может запасть! Слушайте, читатели, когда прочтете, что с Черчиллем Маяковский дружбу вертит или что женился я на Кулиджевской тете, то, покорнейше прошу, не верьте! 1925 1 Монпарнас — квартал художников в Париже. «Дом», «Ротонда» — кафе. 3 «Garçon, un grog атегісаїпі» — «Человек, американского грога!»

ЖОРЕС Ноябрь, а народ зажат до жары. Стою и смотрю
долго: на шинах машинных мимо — шары катаются в треуголках.
Войной обогранные руки | умыв и красные шансы взвесив, коммерцию
новую вбили в умы — хотят спекульнуть на Жоресе. Покажут рабочим
— «Смотрите, и ОН с великими нашими | _ тоже. 213

Жорес — настоящий француз. Пантеон ! не станет же || ОН тревожить». Готовы потоки слезливых фраз. Эскорт, колесница — эффект! Ни с места! | Скажите, кем из вас в окне пристрелен _ Жорес? Теперь пришли панихидами выть. Зорче, рабочий класс! Товарищ Жорес, не дай убить себя во второй раз. Не даст. Подняв знамен мачтовый лес, спаяв людей В ОДИН плывущий флот, громовый и живой, попрежнему Жорес проходит в Пантеон по улице Суфло. Он в этих криках, | несущихся вверх, 214

а зді often ee вд el és. Tee ee ee us в знаменах, в шагах, _ в горбах: «Vivent les Soviets!.. A bas la guerre!.. Capitalisme à bas!..» ? И вот — взбегает огонь, и горит, и песня краснеет у рта. И кажется — снова в дыму пушкарки идут к парижским фортам. Спиною к винтринам отжали, И ВОТ из книжек въжались тени. И снова 71-й год встает у страниц в шелестении. Гора на груди могла б подняться. Там гневный окрик орет: «Кто смел сказать, ЧТО мы в семнадцатом предали французский народ?! Неправда, мы с вами, французские блузники. 215

Забудьте этот поклеп дрянной. На всех баррикадах | мы ваши союзники, рабочий Крезо и рабочий Рено» 3. 1925 1 Пантеон — места знаменитых французов. 3 Да здравствуют Советы! Долой войну! Долой капитализм, 3 Крезо, Рено — фабриканты.

ПРОЩАНИЕ В авто, последний франк разменяв. — В
котором часу на Марсель? — Париж бежит, провожая меня, во всей
невозможной красе. Подступай к глазам, разлуки жижя, сердце мне
сентиментальностью расквась! Я хотел бы жить и умереть в Париже,
если б не было такой земли -Москва. 1925 217

6 МОНАХИНЬ Воздев печеные | картошки личек, черней,
чем негр, не выдавший бань, шестеро благочестивейших католичек
влезло на борт парохода «Эспань». И сзади и спереди | ровней, чем
веревка. Шали, как с гвоздика, с плеч висят, а лица обвила белейшая
гофрировка, как в пасху гофрируют ножки поросят. Пусть заполнится
годами жизни квота | — стоит только вспомнить это ДИВО, 218

ИИ ПЕРЕ РЕ ЕЕ РЕ SO ри и яти пути п РТ I еТ TR TROT ere
Lt of arcs let res раздирает рот зевота шире Мексиканского залива.
Трезвые, чистые, как раствор борной, вместе, эскадроном, садятся
есть, Пообедав, сообща скрываются в уборной. Одна зевнула — зевают
шесть. Вместо известных симметричных мест, где у женщин
выпуклость — у этих выем: в одной выемке — серебряный крест, в
другой — медали со Львом и с Пием. Продрав глазенки раньше, чем
можно, — в раю (ужо!) отоспятся лишек, — оркестром без дирижера
шесть дорожных вынимают евангелишек. Придешь ночью — сидят и
бормочут. Рассвет в розы — бормочут, стервозы! 219

И днем, и ночью, и в утра, и В ПОЛДНИ сидят и бормочут дуры господни. Если ж день чуть-чуть помрачнеет с виду, сойдут в кабину, | 12 галош наденут вместе и снова выйдут, и снова идет елейный скулёж. Мне б язык испанский! Ж Я б спросил, взъяренный: — Ангелйцы, попросту ответ поэту дайте — если ЛЮДИ ВЫ, то кто ж тогда ВОРОНБИ? А если вы ворбны, то почему вы не летаете?— Агитпропщики, не лезьте вон из кожи! Весь земной обревизуйте шар,- самый замечательный безбожник не придумает кощунственнее шарж!

220

—Радуйся, распятый Иисусе, не слезай с гвоздей своей
доски, а вторично явишься — сюда не суйся — всё равно: повесишься
с тоски! 26/УТ — Атлантический океан 1925 1 Квота — норма впуска
эмигрантов в Америку.

АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН Испанский камень слепящ и
бел, а стены — зубьями пил. Пароход до двенадцати уголь ел и
пресную воду пил. Повел пароход окованным носом и в час, сопя,
вобрал якоря и понесся. Европа скрылась, мельчась. Бегут по бортам
водяные глыбы, огромные, как года. Надо мною птицы, подо мною
рыбы, а кругом — вода. Недели грудью своей атлетической — то
работяга, | то в стельку пьян — вздыхает и гремит | Атлантический
океан. 222

id f PU OAR PE ORE пит вит а РИТМ аia гетри у ор € ей !
€б6)внтт(С-ЬФФВюеС)€нтЯ нес «Мне бы, братцы, к Сахаре
подобраться... Развернись и плюнь — пароход внизу. Хочу топлю, хочу
везу. Выходи сухой — сварю ухой. Людей не надо нам — малы к
обеду. Не трону, ладно, пускай едут...» Волны будоражить мастера: —
детство выплеснут; другому — голос милой. Ну, а мне 6 ОПЯТЬ
знамена простирать. Вон пошлоб, затарахтело, загромилло. И снова
вода присмирела сквозная, и нет никаких сомнений ни в ком. И вдруг |
откуда-то — черт его знает! — встает из глубин воднячий Ревком. И
гвардия капель — воды партизаны — взбираются ВВЫСЬ с океанского
рва, до неба метнутся и падают заново, 223

порфиру пень в клочки изодрав. И снова спаялись воды в одно, волне повелев разбурлиться вождем, и прет волнища с-под тучи на дно — приказы и лозунги сыплет дождем. И волны клянутся всеводному Цику оружие бурь до победы не класть. И вот победили — экватору в циркуль Советов капель бескрайняя власть. Последних волн небольшие митинги шумят о чем-то в возвышенном стиле, И ВОТ океан улыбнулся умытенький и замер на время в покое и в штиле. Смотрю за перила. Старайтесь, приятели! Под трапом, | нависшим ажурным МОСТКОМ, при океанском предприятии потеет над чем-то ВОЛНОВНН местком. И под водой деловито и тихо 224

дворцом растёт кораллов плетенка, чтоб легче жилось
трудоу китихе с рабочим китом и дошкольным китенком, Уже и луну
положили дорожкой, хоть прямо на пузе, как посуху, лазь. Но враг не
сунется — в небо сторожко Глядит, не сморгнув, Атлантический глаз.
То стынешь в блеске лунного лака, то стонешь, облитый пеною ран.
Смотрю, смотрю — и всегда одинаков, любим, близок мне океан.
Вовек твой грохот удержит ухо. В глаза тебя опрокинуть рад. По шири,
| по делу, по крови, по духу — моей революции старший брат. 1925 15
В, Маяковский, т. 1

БЛЕК ЭНД УАЙТ: Если Гаванну окинуть мигом — рай-
страна, страна что надо. Под пальмой на ножке стоят фламинго.
Цветет колларио ? по всей Ведадо 3. В Гаванне все разграничено
четко: У белых доллары, | у черных — нет. Поэтому Вилли стоит со
щеткой у «Энри Клей энд Бок, лимитейд». Много за жизнь повымел
Вилли — одних пылинок целый лес, — поэтому волос у Вилли вылез,
поэтому живот у Вилли влез. 226

“ТЭЕ 15” Лал его радостей тусклый спектр: шесть часов
поспать на боку, да разве что вор, портовой инспектор, кинет | негру
цент на бегу. От этой грязи скроешься разве? Разве что стали б ходить
на голове. И то намели бы больше грязи: волосьев тыщи, а ног — две.
Рядом шла нарядная Прадо 7. То звякнет, то вспыхнет | трехверстный
джаз. Дурню покажется, что и взаправду бывший рай в Гаванне как
раз. В мозгу у Вилли мало извилин, мало всходов, мало посева. , Одно
единственное вызубрил Вилли тверже, чем камень | памятника Масео:
«Белый ест ананас спелый, 227

черный — гнилью моченый. Белую работу делает белый черную работу — | черный». Мало вопросов Вилли сверлили. Но один был закорюка из закорюк. И когда вопрос этот влезал в Вилли, щетка падала из Виллиных рук. И надо же случиться, чтоб как раз тогда к королю сигарному Энри Клей , пришел, белей, чем облаков стада, величественнейший их сахарных королей. Негр Подходит к туше дебели: «Ай бэг ёр пардон 5, мистер Брэгг! Почему и сахар, белый-белый, должен делать черный негр? Черная сигара не идет в усах ВаМ, — она для негра с черными усами. А если вы любите кофий с сахаром, то сахар извольте делать сами». Такой вопрос не проходит даром. 228

Король из белого становится желт. Вьвернулся король
сообразно с ударом, вьбросил обе перчатки и ушел. Цвели кругом
чудеса ботаники. Банань сплетали сплошной кров. Вытер негр || о
белые подштанники руку, с носа утершую кровь. Негр посопел
подбитым носом, поднял щетку, держась за скулу. Откуда знать ему,
что с таким вопросом надо обращаться в Коминтерн, в Москву? SIVIT
— Гаванна 1925 1 Блек энд уайт — черное и белое. 3 Колларио —
гаванские цветы. 3 Ведадо — загородный квартал богачей. “ Прадо —
главная улица Гаванны. 5 АЙ бэг бер пардон — прошу прощения.

МЕЛКАЯ ФИЛОСОФИЯ НА ГЛУБОКИХ МЕСТАХ

Превращусь не в Толстого, так в толстого, — ем, пищу, от жары балда. Кто над морем не философствовал? Вода. Вчера. океан был злой, | как черт, сегодня . смиренней голубицы на яйцах. Какая разница! Все течет... Все меняется. Есть у воды своя пора: часы прилива, часы отлива. А у Стеклова вода не сходила с пера. Несправедливо. 230

TORT ING Дохлая рѣбка плывет одна. Висят плавнички, как подбитые крылышки. Плывет недели, и нет ей — ни дна, ни покрышки. Навстречу, медленней, чем тело тюленья, пароход из Мексики, а мы — туда. Иначе и нельзя. Разделение труда. Это кит — говорят. Возможно и так. Вроде рыбьего Бедного — обхвата в три. Только у Демьяна усы наружу, а у кита внутри. Годы — чайки. Вылетят в ряд — и в воду — брюшко рыбешкой пичкать. Скрылись чайки. В сущности говоря, где птички? Я родился, рос, кормили соскою,— 231

жил, работал, стал староват...: Вот и жизнь пройдет, как
прошли Азорские острова. S/VII — Атлантический океан 1925

БРОДВЕЙ Асфальт -- стекло. Иду и звеню. Леса и травинки
-сбриты. На север с юга идут авеню, на запад с востока — стриты. А
между — | (куда их строитель завез!) — дома невозможной длины.
Одни дома длиною до звезд, другие — длиной до луны. Янки
подошвами шлепать ленив: | простой и курьерский лифт. В 7 часов
человечий прилив, в 17 часов — отлив. Скрежещет механика, звон Н
гам, а люди немые в звоне. 233

И лишь замедляют | ‘ жевать чуингвам }, чтоб бросить: «Мек
моней?» ? Мамаша | грудь ребенку дала. Ребенок, с каплями йз носу,
сосет как будто не грудь, а доллар — занят Le: серьезным бизнесом 3.
Работа окончена. Тело обвей в сплошной электрический ветер. Хочешь
под землю — бери собвей 7, на небо — бери элевейтер 5. Вагоны едут
и дымам под рост, и в пятках домовьих трутся, и вынесут ХВОСТ на
Бруклинский мост, и спрячут в норы под Гудзон. Тебя ослепило, ТЫ
осовел. Но, | как барабанная дробь, | 234

м serres «тую ИЗ ТЬМЫ ты опо темени: «Кофе Максвёл о гуд
ту ди ласт дроп» 6. А лампы как станут ночь копать, ну, я доложу вам
— пламечко! Налево посмотришь — ; мамочка мать! Направо -мать
моя мамочка! Есть что поглядеть московской братве. И за день в конец
не дойдут. Это Нью-Йорк. Это Бродвей. Тау ду ю ду! Я в восторге от
Нью-Йорка города. Но кепчонку не сдеру с виска. У советских
собственная гордость: на буржуев смотрим свысока. 6 августа — Нью-
Йорк 1925 1 Чуингвам — жвачка, которую жуёт вся Америка, 3 Мек
моней — делаешь деньги — вместо привета. 8 Бизнес — дело. 4
Собвей — подземная городская железная дорога. 5 Элевейтер —
воздушная городская железная дорога. 6 Реклама Нью-Йорка: «Кофе
Максвел хорош до последней капли». 1 Гау ду © ду — американское
приветствие.

БАРЫШНЯ И ВУЛЬВОРТ Бродвей сдурел. Бегня и гуллево.
Дома | с небес обрываются и висят. Но даже меж ними заметишь
Вульворт. Корсетная коробка | зтажей под шестьдесят. Сверху |
разведывают звезд взводы, в средних тайпистки 1 стрекочут бешено. А
в самом нижнем — | «Дрогс сода, грет энд фёймус кбомпани—
нёйшенал» *. А в окошке мисс семнадцати лет сидит для рекламы и
точит ножи. Ржавые лезвия фирмы «Жиллет» кладет в патентованный
железный зажим. И гладит ‘МН водит кожей ремня. 236

Хотя усов и Не полагается ей, НО ВОДИТ по губке, усы возомня, — дескать — ТОТОВО, наточил и Opell. Наточит один до сияния лучика и новый ржавый берет для возни. Наточит, вынет и сделает ручкой. Дескать — зайди, купи, ВОЗЬМИ. Буржуем не сделаешься с бритвенной точки. Бегут без бород и без выражений на лице. Богатств буржуйских особые источники: работай на доллар, а выдадут цент. У меня ни усов, ни долларов, ни шевелюр,-и в горле застревают английского огрызки. Но я подхожу и губми шевелю — как будто через стекло разговариваю по-английски; «Сидишь, глазами буржуев охлопана. Чем обнадежена? | Дура из дур». 237

А девушке слышится: «Опен, бпен ди дор» 3. «Что тебе заботиться о чужих усах? Вот... посадили... как дуру еловую». А у девушки фантазия раздувает паруса, и слышится девушке: «Ай лов 10» 4, Я злею: «Выйдь, окно разломай, — а бритвы раздай для жирных горл». Девушке мнится: «Май, май гбрл» 5. Выходит фантазия из рамок и МетроК,— ия кажусь красивый и толстый. И чудится девушке — влюбленный клерк на ней жениться приходит с Волстрит 5. И верит мисс, | От счастья дрожа, что я — долларовой воротила, что ей уже в других этажах готовы бесплатно и стол и квартира. 238

CRT TPT TSI PO FELL ET RI INE EOS BE OTE GT FE arr ey

Как врезать ей Le в голову мьсли-ножи, что русским известно другое средство, как влезть рабочим | во все этажи без грез, без свадеб, без жданий наследства. 1925 1 Тайпистки — машинистки 2 «Великая и знаменитая национальная компания шипучих напитков»-- название парфюмерного магазина, при котором всегда имеется | стойка для питья вод и еды мороженого. 3 Опен, опен ди дор — откройте, откройте дверь. «Ай лов 10— я люблю вас. | 5 Май гбрл — моя девочка. в Волстрит — улица банков в Нью-Йорке.

НЕБОСКРЕБ В РАЗРЕЗЕ Возьми разбольшущий 3 дом в Нью-Йорке, ВЗГЛЯНИ насквозь на зданье на то. Увидишь старейшие норки да каморки — совсем дооктябрьский Елец аль Конотоп. Первый — ювелиры, | караул бессменный, замок зацепился ставням о бровь. В сером герои кино, полисмены, лягут собаками за чужое добро. Третий — спят бюро-конторы. Ест промакашки рабий пот. Чтоб мир не забыл, хозяин который, 240

на вывесках золотом «Вильям Шпрот». Пятый. Подсчитав приданные сорочки, МНСС перезрелая в мечте о женихах. Вздывая грудью ажурные строчки, почесывает пышных подмышек меха. Седьмой. Над очагом домашним BbICASh, силы сберегши спортом смолоду, сэр своей законной миссис, узнав об измене, кровавит морду. Десятый. Медовый. Пара легла. Счастливей, чем Ева с Адамом были. Читают в «Гаймсе» отдел реклам: «Продажа в рассрочку автомобилей». Тридцатый. Акционеры сидят увлечены, делят миллиарды, жадны и озабочены. Прибыль треста «Изготовление ветчины 16 в. маяковский, т. 1 241

из лучшей дохлой чикагской собачиных». Сороковой. У спальни опереточной дивы. В скважину замочную, сосредоточив пруть, чтоб Кулидж дал развод, детективы мужа ДОЛЖНЫ в кровати накрыть. Свободный художник, рисующий задочки, дремлет в девяностом, | думает одно: как бы ухажнуть за хозяйской дочкой — да так, чтоб хозяину всучить полотно. А с крыши стоял о | скатертный снег. Лишь ест в ресторанной выси большие крохи уборщик негр, а маленькие крошки — крысы. Я смотрю, и злость меня берет на укрывшихся за каменный фасад. Я стремился за 7 000 верст вперед, А приехал на 7 лет назад. 1925 À | À i a q | 1 i 3 > | 1

| Е || i || | АРУ зи теч ето я" "> яти ии пери —=— Ру УТУ
РГУ РЕК ит ту wr 16+ БРУКЛИНСКИЙ МОСТ Издай, Кулидж,
радостный клич! На хорошее и мне не жалко слов. От похвал красней,
как флага нашего материйка, хоть ВЕІ и разьюнайтед стетс сф
Америка. Как в церковь идет помешавшийся верующий, как в скит
удаляется, строг и прост,-так я в вечерней сереющей мерещи вхожу,
смиранный, на Бруклинский мост. Как в город в сломанный | прет
победитель на пушках — жерлом | жирафу под рост — так, пьяный
славой, так жить в аппетите, 243

влезаю, гордый, 7 на Бруклинский мост. Как глупый художник в мадонну музея вонзает глаз свой, влюблен и остр, так я, с поднебесья, в звезды усеян, смотрю на Нью-Йорк сквозь Бруклинский мост. Нью-Йорк до вечера тяжек и душен, забыл, что тяжело ему и высоко, и только одни домовьи души встают ; в прозрачном свечении окон. Здесь еле зудит элевейтеров зуд. И только по этому тихому зуду поймешь — поезда с дребезжаньем ползут, как будто в буфет убирают посуду. Когда ж, і , казалось, с-под речки начатой развозит с фабрики сахар лавочник,-244 | |

ТО под мостом проходящие мачты размером | не больше
размеров булавочных. Я горд и ВОТ ЭТОЙ стальнойю милей, живьем в
ней мой видения встали -борьба | за конструкции вместо стилей,
расчет суровый гаек и стали. Если придет окончание света — планету
хаос разделяет в лоск, и только | один останется этот под пылью
гибели вздыбленный мост, то, как из косточек тоньше иголок, тучнеют
в музеях стоящие ящеры, так с этим мостом столетий геолог сумел
воссоздать бы дни настоящие. Он скажет: — Вот эта стальная лапа
соединяла моря и прерии, 245

отсюда Европа рвалась на Запад, пустив | по ветру индейские
перья. Напомнит машину | ребро вот это — сообразите, хватит рук ли,
чтоб, став стальной ногой на Мангёттен, к себе за губу | притягивать
Бруклин? По проводам электрической пряди — я знаю — эпоха после
пара. Здесь ЛЮДИ уже орал по радно, здесь Люди уже взлетели по
азро. Здесь жизнь была | одним -- беззаботная, другим -ГОЛОДНЫЙ
протяжный вой. Отсюда | безработные в Гудзон кидались ВНИЗ
ГОЛОВОЙ. 246

=% гра cé En, > а г > A = La а г > - 3 3 я "Ан з / жи й а 3 ме 5 г
У тів» "ж о ее RE КОЖУХ Бо + ç " = pt 4% à т = ete і є 7 й Ке Cr 2S; =
ое > ое > Bees то \$" а А - "а 7" за bit RE MG PA 3 звездам к ногам, = В
А а вижу — ; HS PART ее Le SR Bes стоял Маяковский, — Ж \$ То
іструнам-канатам, te Re о и стихи слагал по слогам. | ,Смотрю, PA RC 5
| СД ра как в Вова глядит эскимос, | = ае | впиваюсь, 5 ns ое _ как в ухо
виявється клещ. Fe Бруклинский мост — | Ж: да... SE 7. -\$ к” ¥ < ! ау Й
ое \$, © E і | p < в r = * > є. - . ы 3 qe я» | © EZ I. Î є se а з - , ` ~ а ї Р Р й
з р = - - — 7 * d г О « ” ~ Pa \ г | #2 wre - à „ — - . + . а Р - = - а з "чек # 7
з № - - - у à DRE de ее і ру РМ = і р + а 4 тіж, = 7 À зе “ - ом - ; Re 5 ase
== к - wh wo ж еY і ае Paice AG 2 (6 Es ож SBOE ERE. Sage” Ft eg EE а
ое

ПОРЯДОЧНЫЙ ГРАЖДАНИН Если глаз твой | врага не
видит, ПЫЛ ТВОЙ ВЫПИЛИ Non и торг, если ты отвык ненавидеть,
— приезжай сюда, в Нью-Йорк. Чтобы, в мили улиц опутан, в боли игл
фонарных ежей, ты прошел бы со мной лилипутом у подножия их
этажей. Видишь — ВОН выгребают мусор — на обедках с детьми
пронянчиться, чтоб в авто, обгоняя «бусы» 1, ко дворцам неслись
бриллиантщицы. || 4 | i | с ж о а нн Й но Й а + on но Загляни в окошки в
эти — здесь наряд им вышили княжий. 248 ВНИИНС ЧР Dis is ant mis
nt И ИР de Le bd 2 0 à

Только сталью глушит злеейтер хрип и кашель чахотки
портняжей. А хозяин — липкий студень — с мордой, вспухшей на
радость чирю, у работницы щупает груди: «Кто понравится, —
удочерю! Двести дам (если сотни мало), грусть сгоню ‘навсегда с очей!
Будет жизнь твоя — Куни-Айланд * луна-парк в миллиард свечей».
Уведет — а назавтра зверья, волчья банда бесполох старух
проститутку — | в смолу и в перья, И ОПЯТЬ в смолу и в пух. А
хозяин в отеле Плаза, через рюмку | и с богом сблизясь, закатил в
поднебесье глазки: «Сенк'ю 3 за хороший бизнес!» Успокойтесь, вне
опасения 249

ваша трезвость, нравственность, дети, барабань «армий спасения» вашу в мир трубят добродетель. Бог на вас не разукоризнится: с вас и маме их —. на платок и ему соберет для ризницы божий менаджер 4 поп Платон. Клоб? полиций на вас не свалится. Чтобы ты добрел, как кулич, смотрит сквозь холеные пальцы на тебя демократ Кулидж. И, елозя по небьим сводам, стражем ханжества, центов и сала, пялит руку ваша свобода над тюрьмою Элис-Айланд. 1925 Бусы — автобусы. Куни -Айланд — луна-парк. Сенк'ю — благодарю. енаджер — представитель, организатор. 1 2 8 4М 5 Клоб — палка полицейского.

FTF пути от ego rE — КЕМП «НИТ ГЕДАЙГЕ»: Запретить совсем бы ночи-негодяйке выпускать из пасти столько звездных жал. Я лежу, — палатка в Кемпе «Нит гедайге». Не по мне все это. Некчему... и жаль... Взвоют и замрут сирень над Гудзоном, будто бы решают: | выть или Не выть? Лучше бы не выли. Пассажирам сонным надо просыпаться, | думать, есть, любить... Прямо перед мордой пролетает вечность — бесконечночасый распустила хвост. Были б все одеты, и в бельё, конечно, если б время ткало не часы, а холст. 251

Впречь бы это время в приводной бы ремень, спустят с холостого — и чеши и сыпь! Чтобы не часы показывали время, а чтоб время || честно двигало часы. Ну, американец... ‘ тоже... чем гордится. Втер очки Нью-Йорком. _ Видели его. Сотня этажишек в небо городится. Этажи и крыши. Только и всего. Нами через пропасть прямо к коммунизму перекинут мост, длиною — во сто лет. Что ж, с мостищи с этого глядим с презреньем вниз мы? Кверху нос задрали? загордились? Нет. Мы ничьей башки мостами не морочим. Что такое мост? Приспособление для простуд. 252

Тоже... без домов не проживете очень на одном | таком
возвышенном мосту. В мире социальном те же непорядки: три доллара
за день, на -И ОТТВЯЖИСЬ. А у Форда сколько? Что играть в прятки!
Ну, скажите, Кулидж,-разве зто жизнь? Много ль человеку (даже
Форду) надо? Форд в миллионах фордов, сам же Форд — в аршин.
Мистер Форд, для вашего, для высохшего зада разве мало двух
просторнейших машин? Лишек — в М. К. Х. Повесим ваш портретик.
Монумент и то бы вылепили с вас. Кланялись бы детки, вас случайно
встретив. Мистер Форд — отдайте! Даст он... Черта с два! 253

За палаткой мир лежит, угрюм и темен. Вдруг ракетой сон
звенит в унынье в это: «Мы смело в бой пойдем за власть Советов...»
Ну, и сон приснит вам полночь-негодяйка! Только сон ли это?
Слишком громок сон. Это КОМСОМОЛЫИ Кемпа «Нут гедайге»
песней заставляют плыть в Москву Гудзон. 20/1X — Нью-Йорк 1925 1
Кемп — лагерь (англ.). “Нут гедайге — «Не унывай» (еврейск.).
Название летнего рабочего поселка, организованного под Нью-Йорком
еврейской комгазетой «Фрайгайт».

жи Гурт о VE ее УБОРИ ит == 7 ДОМОЙ! Уходите, мысли, восвояси. Обнимись, души и моря глубь. Тот, кто постоянно ясен,-ТОТ, по-моему, просто глуп. Я в худшей каюте из всех кают — всю ночь надо мною ногами куют. Всю ночь, покой потолка возмутив, несется танец, стонет мотив: «Маркита, Маркита, Маркита моя, зачем ты, Маркита, не любишь меня...» А зачем любить меня Марките?! У меня и франков даже нет. А Маркиту (толечко моргните!) за сто франков | препроводят в кабинет. 255

Небольшие деньги — поживи для шику — нет, интеллигент, взбивая грязь вихров, будешь всучивать ей швейную машинку, по стежкам строчащую шелка стихов. Пролетарии приходят к коммунизму ННЗ0М — низом шахт, серпов и ВИЛ,-я ж с небес поэзии | бросаюсь в коммунизм, потому что нет мне без него любви. Все равно — сослался сам я или послан к маме — слов ржавеет сталь, чернеет баса медь. Почему под иностранными дождями вымокать мне, гнить мне и ржаветь? Вот лежу, уехавший за воды, ленью еле двигаю моей машины части. Я себя советским чувствую вырабатывающим счастье.

6 ged K para | 2 z yee be д + Страница пз записной книжки В.
Маяковского с черновой записью стихотворения „Домой!“

EI CE SIN AYPA P A IIT IE IT TT Fe ra абных PETITE У ИИ и
+ вн mois hoteles, tube, à ES SC D Sd LU US ii Й RM hi ak GT à He хоуу,
чтоб меня, как цветочек с полян, рвали после служебных тягот. Я хочу,
чтоб в дебатах потел Госплан, мне давая задания на год. Я хочу, чтоб
над мыслью времен комиссар с приказанием нависал. Я хочу, чтоб
сверх-ставками спеца получало любвищу сердце. Я хочу, чтоб в конце
работы завком запирали мои губы замком. Я хочу, чтоб к штыку
приравняли перо. С чугуном чтоб и с выделкой стали о работе стихов,
от Политбюро, чтобы делал | доклады Сталин. «Так, мол, и так... И до
самых верхов прошли из рабочих нор мы: в Союзе Республик
пониманье стихов выше довоенной нормы...» 1925 17 В. Маяковский,
т. 1

РАЗГОВОР С ФИНИНСПЕКТОРОМ О ПОЭЗИИ Гражданин
фининспектор! Простите за беспокойство. Спасибо... не тревожьтесь...
я постою... У меня к вам , дело деликатного свойства: о месте поэта в
рабочем строю. В ряду имеющих лабазы и уголья и я обложен и
должен караться. Вы требуете с меня пятьсот в полугодие и двадцать
пять за неподачу деклараций. Труд мой любому труду родствен.
Взгляните — | сколько я потерял, какие издержки в моем производстве

SIT ' б ee Ce SE RS RS ne IR GORE CO OS re pe sen ou ere
пою БАЛАНС АЕН А 179 и сколько тратится на материал. Вам, .
конечно, известно явление «рифмы». Скажем, | строчка окончилась
словом «отца», и тогда через строчку, слога повторив, мы ставим
какие-нибудь «ламцадрица-ц à». Говоря по-вашему, рифма — _
вексель. Учесть через строчку! — вот распоряжение. И ищешь
мелочишку суффиксов и флексий в пустующей кассе склонений и
спряжений. Начнешь это СЛОВО в строчку всовывать, а оно не лезет
— нажал и сломал. Гражданин фининспектор, честное слово, поэту в
копеечку влетают слова. Говоря по-нашему, рифма — бочка. Бочка с
динамитом. Строчка — фитиль. Строка додымит, | взрывается строчка,
— 259

и город на воздух строфой летит. Где найдешь, на какой
тариф, рифмы, чтоб враз убивали, нацелясь? Может, || пяток
небывалых рифм только и остался | что в Венецуэле. И тянет меня в
холода и в зной. Бросаюсь, опутан в авансы и в займы я. Гражданин,
учтите билет проездной! — Поэзия — вся! — езда в незнаемое.
Поэзия — та же добыча радия. В грамм добыча, в год труды.
Изводишь, единого слова ради, тысячи тонн словесной руды. Но как
испепеляюще слов этих жжение рядом с тлением слова-сырца. Эти
слова приводят в движение тысячи лет миллионов сердца. 260

Конечно, различны поэтов сорта. У скольких поэтов легкость руки! Тянет, как фокусник, строчку изо рта и у себя и у других. . Что говорить о лирических кастратах? Строчку чужую вставит и рад. Это обычное воровство и растрата среди охвативших страну растрат. Эти сегодня стихи и оды, в аплодисментах ревомые ревмя, войдут в историю как накладные расходы на сделанное нами — двумя или тремя. Пуд, как говорится, соли столовой съешь и сотней папирос клуби, чтобы добыть драгоценное слово из артезианских людских глубин. И сразу ниже налога рост. 261

Скиньте с обложенья prt нуля колесо! Рубль девяносто сотня папирос, рубль шестьдесят столовая соль. В вашей анкете вопросов масса: — Были выезды? Или выездов нет? — А что, если я десяток пегасов загнал за последние 15 лет?! У вас — в мое положение войдите — про слуг и имущество с этого угла. А что, если я народа водитель и одновременно — народный слуга? Класс гласит из слова из нашего, а мы, пролетарии, | двигатели пера. Машину души с годами изнашиваешь. Говорят: — в архив, | исписался, пора! — 262

ре tere ee ee о Р тб SE, — у ae ж LP EE М УР eR, IT ET Все
меньше любит, все меньше дерзается, и лоб мой время с разбега
крушит. Приходит | страшной из амортизаций — амортизация
сердца и души. И когда это солнце, разжиревшим боровом, взойдет над
грядущим без нищих и KasleK, — я уже сгнию, умерший под забором,
рядом с десятком моих коллег. Подведите МОЙ посмертный баланс! Я
утверждаю и — знаю — не налгу: на фоне сегодняшних дельцов и
пролаз я буду | — один! — в непролазном долгу. Долг наш — реветь
медногорлой сиреной в тумане мещанья, у бурь в кипеньи. Поэт всегда
должник вселенной, 263

платящий на горе | проценты и пени. Я | в долгу перед
бродвейской лампионией, перед вами, багдадские небеса, перед
Красной Армией, перед вишнями Японии — перед всем, про что не
успел написать. А зачем вообще эта шапка Сене? Чтобы — целься
рифмой | и ритмом яришь? Слово поэта -ваше воскресенье, ваше
бессмертие, гражданин канцелярист. Через столетия в бумажной раме
возьми строку и время верни! И встанет день этот с фининспекторами,
с блеском чудес и с вонью чернил. Сегодняшних дней убежденный
житель, выправьте в Энкапез на бессмертье билет и, высчитав
действие стихов, разложите заработок мой на триста лет. 264

Но сила поэта | не только в этом, что, вас | вспоминая, в
грядущем икнут. Нет! И сегодня рифма поэта — ласка, | и лозунг, и
штык, и кнут. Гражданин фининспектор, я выплачу пять, все | нули у
цифры скрестя! по праву требую пядь в ряду | беднейших рабочих и
крестьян. А если вам кажется, что всего делов --. Это пользоваться
чужими словесами, то вот вам, товарищи, мое стило, и можете писать
сами! 1926

СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ Въ ушли, как говорится, | В МНР ННОЃ.
Пустота... Летите, в звездъ врезываясь. Ни тебе аванса, ни пивной. °
Трезвость. Нет, Есенин, это | не насмешка,-в горле горе комом, не
смешок. Вижу — взрезанной рукой помешкав, собственных костей
качаете мешок. _ Прекратите, бросьте! Вы в своем уме ли? Дать, чтоб
щеки' заливал смертельный мел? Вы ж такое загигать умели, 266

DIR PP NT EP ие DE EE D PTE I CT OV ит пп ж Р р т ж ен Ру
rer зачоюто / А А саl ee что другой на свете | Не умел. Почему, зачем?
Недоуменье смяло. à Критики бормочут: — Этому вина то да св, а
главное, что смычки мало, в результате много пива и вина.— Дескать,
заменить бы вам богему классом, класс влиял на вас, и было б не до
драк. Ну, а класс-то жажду заливает квасом? Класс — он тоже выпить
не дурак. Дескать, к вам приставить бы кого из напостбв,— стали б
содержанием премного одаренней: вы бы в день писали строк по сто,
утомительно и ЛУІІІНО, как Доронин. А по-моему, осуществись
такая бредь, на себя бы | раньше наложили руки. 267

Лучше уж от водки умереть, ,чем от скуки! Не откроют нам причин потери ни петля, ни ножик перочинный. Может, окажись чернила в «Англетере», вены резать не было б причины. Подражатели обрадовались: бис! Над собою чуть не взвод расправу учинил. Почему же увеличивать число самоубийств? Лучше увеличь изготовление чернил! Навсегда теперь язык в зубах затворится. Тяжело и неуместно разводить мистерии. У народа, у языкотворца, умер ЗВОНКИЙ забулдыга подмастерье. И несут стихов заупокойный лом, 268

с прошлых с похорон не переделавши почти. В холм | тупые
рифмы загонять КОЛОМ,— разве так поэта надо бы почтить? Вам и
памятник еще не слит,-где ОН, бронзы звон или гранита грань? — а к
решеткам памяти уже понанесли посвящений и воспоминаний дрянь.
Ваше имя в платочки рассоплено, ваше слово слюнявит Собинов и
выводит под березкой дохлой — «Ни слова, о друг мой, Ух, поговорить
бь йначе с этим самым с Леонидом Лоэнгринычем! Встать бы здесь
НИ ВЗДО-О-0-Ха». гремящим скандалистом: — Не позволю мямлить
стих и мять! — Оглушить бы НХ трехпальм свистом в бабушку и в
бога душу мать! 269

Чтобь разнеслась | бездарнейшая погань, раздувая темь
пиджачных парусов, чтобы врассыпную разбежался Коган,
встреченных увеча пиками усов. Дрянь пока что мало поредела. Дела
много — только поспевать. Надо ЖИЗНЬ сначала переделать,
переделав — | можно воспевать. Это время трудновато для пера: но
скажите, ВНИ, калеки и калекши, где, когда, | какой великий выбирал
путь, чтобы протоптанней и легче? Слово — полководец человеческой
силы. Марш! Чтоб время сзади ядрами рвалось. _ 270

т à ок 2. RS el 3 bo , ф — "5 «аг р Pare _ только м \$ car es ees в
М и а + à <a ES ans © ro ок Ve ФУ Dr à + a d 4 -. Й ж 2 у Макса PANO:
ВЕНЬ о я «іч 7 | і ge вырвать : > . » =) а 3 > . ае ры == | радость Sa es
традущих эм. ИЕ he | _ помереть в не , трудно. а > ^^^ Сделать жизнь < .
= He She | значительно het Ж > > > і _ 1926 к "р | з. а = | я C4 p " à op - |
) ; -, = . = "Чь th ь + ? и а | У 1 зе” # у я . ча 4 4 Р ч Ш < * > > - Pa # 2 ^ Ч М
" - p 7 = ws = : , ¢ А ці Р у , р се ' Пе > — ‘ ро D ‘ = у і \$ -, || у ; \$ т» dé
Ye > , - 2 : L on rq - @ 2 - = = т - - Ро 2 À і я А + = 4 2 : 1 3 = + - p) pes є
и : Fu ч ы - > “ » ч 1 і " - ee 4 Б \$ з шалі as = м г = . 4 г - à = № = # * - 2 о
Е

МАРКСИЗМ-ОРУЖИЕ, : ОГНЕСТРЕЛЬНЫЙ МЕТОД.
ПРИМЕНЯЙ УМЕЮЧИ МЕТОД ШТЪКАМИ двух столетий
ШТЫК закрепляет рабочая рать. А некоторые употребляют штык, чтоб
им в зубах ковырять. Все хорошо: поэт поет, критик занимается
критикой. У стихотворца — корытце свое, у критика-свое корытико.
Но есть не имеющие ничего, окромя красивого почерка. А лезут в
книгу, хваля и громя из пушки критического очерка. 272

А чтоб имелось научное лицо у этого вздора злопыханного,—
всегда на столе покрытый пылью неразрезанный том | Плеханова.
Зазубрит фразу (ишь, ребята!) и ходит за ней, как за няней. Бътье — а
у этого — еда и питье определяет сознание. Перелистывая авторов на
букву «эл», фамилию Лермонтова встретя, критик выясняет, чтб он ел
на первое и иТО — на третье. — Шампанское пил? Выпивал,
допустим. Налет буржуазный густ. А его любовь к маринованной
капусте доказывает помещичий вкус. В Лермонтове, например, | чтоб
далеко не идти, смысла не больше, чем ‘огурцов в акации. 18 В.
маяковский, т, 1 273

Целье | хоры небесных светил, и ни слова Но, очищая ядро от фразерских корок, об электрификации. бобы — от шелухи лиризма, признаю, что Лермонтов близок и дорог как первый обличитель либерализма. Массам ясно, как ни хитри, ЧТО, МИЛЮКОВСКИ ЮЛЯ, светила | у Лермонтова ходят без ветрил, а некоторые — и без руля. Но так ли разрабатывать важнейшую из тем? Индивидуализмом пичкать? Демонь в ад, а духи — в эдем? А где, я вас сатана, смычка? Довольно этих божественных легенд! Любою строчкой вырванной Лермонтов доказывает, что он — интеллигент, к тому же деклассированный! 274 = at Ааа аіа thé Дб ль nt й ль В ВА сь ni tt ti ль ль Ебты Сth і ль і lh li

18° То ли дело наш Степа, — забыл, || к сожалению,
фамилию и отчество,-у него в стихах | Коминтерна ТопоТ!.. Вот это —
настоящее творчество! Степа кирпич какого-то здания, не ему
разговаривать вкось и вкривь. Степа творит, не затемняя сознания, без
волокиты аллитераций и рифм. У Степы незнание точек и запятых
заменяет ИНСТИНКТИВНЫЙ массовый разум, потому что батрачка
— мамаша их, а папаша — рабочий и крестьянин сразу.— В результате
вещь ясней помидора обволакивается туманом сизым, и эти горы
нехитрого вздора некоторые называют марксизмом. 275

Не говорят о веревке в журнале повешенного, не изменить шаблона прилежного. Лежнев зарадуется — «он про Вешнева», Вешнев — йон про Лежнева», 1926

ПОСЛАНИЕ ПРОЛЕТАРСКИМ ПОЗТАМ Товарищи,
позвольте без позы, без маски, как старший товарищ, неглупый и
чуткий, поразговариваю с вами, товарищ Безыменский, товарищ,
Светлов, товарищ Уткин. Мы спорим, аж глотки просят лужения, МЫ .
задыхаемся от эстрадных побед, а у меня к вам, товарищи, деловое
предложение— давайте | устроим веселый обед! Расстелим внизу
комплименты ковровые, если зуб на кого — отпилим зуб; розданные
Луначарским венки лавровые сложим | в общий товарищеский суп. 277

Решим, что все по-своему правы. Каждый поет по своему голоску! Разрежем общую курицу славы и каждому выдадим по равному куску. Бросим друг другу | шпильки подсовывать, разведем изысканный | словесный ажур. А когда мне товарищи предоставят слово — я это слово возьму и скажу: — Я кажусь вам | академиком с большим задом, один, мол, я жрец поэзий непролазных. А мне в действительности единственное надо — чтоб больше поэтов хороших и разных. Многие пользуются напостовской тряскою; с тем чтоб себя обозвать получше. 278

ЕСЕ | " " i | лет — Mes pe tone т i б б Я "ТР ТОМУ iй été нь
ВЕ + à — Мы, мол, единственные, fo мы пролетарские...—А я, по-
вашему, что — валютчик? Я по существу мастеровой, братцы, не
люблю я ЭТОЙ философии нудовой. Засучу рукавички: работать?
драться? Сделай одолжение, а ну, давай! Есть перед нами огромная
работа, — каждому человеку нужное стихачество. Давайте работать до
седьмого пота над поднятием количества, над улучшением качества. Я
меряю по коммуне стихов сорта, в коммуну душа потому влюблена,
что коммуна, по-моему, огромная высота, что коммуна, по-моему,
глубочайшая глубина. А в поэзии нет ни друзей, - ни родных,— 279

по протекции не свяжешь рифм лычкй. Оставим
распределение орденов и наградных, бросим, товарищи, наклеивать
ярлычки. Не хочу похвастать мыслью новенькой, но по-моему — |
утверждаю без авторской спеси — коммуна — это место, где исчезнут
чиновники и где будет много СТНХОВ и песен. Стоит изумиться
рифмочек парой нам — мы почитаем поэта гением, одного
называют | красным Байроном, другого -самым красным Гейнем.
Одного боюсь — за вас, и сам,-чтоб не обмелели наши души, чтоб мы
не возвели в коммунистический сан плоскость раешников и ерунду
частушек. Мы духом одно, понимаете сами: по линии сердца нет
раздела. 280

OP ee are TO ee Ltd 2 tetes à Le У од ti. Ila інь св Abe à Если въ
не за нас, а мы не с вами, то черта ль нам остается делать? А если я вас
когда-нибудь крою и на вас замахивается перо-рука, то я, как
говорится, добыл это кровью, А больше вашего рифмы строгал.
Товарищи, бросим замашки торгашьи — моя, мол, поэзия — мой
лабаз! — все, что я сделал, все это ваше — рифмы, темы, дикция, бас!
Что может быть капризней славы и пепельней? В гроб, что ли, братъ,
когда умру? Наплевать мне, товарищи, в высшей степени на деньги, на
славу и на прочую муру! 281

Уем Нам _ . делить поэтическую власть, сгрудим нежность
слов и слова-бичи, и давайте без завистей и без фамилий класть в
коммунову стройку слова-кирпичи. Давайте, товарищи, шагать в ногу.
Нам не надо брюзжащего лысого парика! А ругаться захочется —
врагов много по другую сторону красных баррикад. 1926

т“ "=> _==_==____=___=____С НУ У РАНО РЕ РИ РАМИ
РОТА а о на. ча ру : . АНГЛИЙСКОМУ РАБОЧЕМУ Вокзал оцепенел,
онемевает док. Посты полиции заводчикам в угоду. От каждой буквы
замиранья холодок, как в первый день семнадцатого года. Радио
стальные шеи своротили. Слушают. Слушают, что из-за Ламанша.
Слбмят. Сдадут. Предадут. Или красным флагом нам замашут. Слыщу.
Слышу грузовозов храп, лязг оружия, цоканье шпор. Это в док идут
штрейкбрехера. Море, им в морду выплесни шторм! 283

Слышу, шлепает дворцовая челядь. К Болдуину, не вяжущему
лык, сэр Макдональд пошел церетелить. Молния, прибей
соглашательский язык! Слышу — плач промелькнул мелькбм. Нечего
есть. И нечего хлебать. Туман, к забастовщикам теки молоком! Камни,
обратитесь в румяные хлеба! Радио стало. Забастовала высь. Пусто —
ни слова — тишь да гладь. Земля, не гони! Земля,-- остановись! Дай
удержаться, дай устоять. Чтоб выйти | вам из соглашательской опеки,
чтоб вам гореть, а не мерцать,— вам наш привет и наши копейки,
наши руки и наши сердца. Нам чужды политиков шарады —
большевикам не надо аллегорий. 284

— это наша боль м hes ete 3 | Or Й, и горе. | у ie Cases a Obl |
RTE en 56 ва: ел = й сейчас the ra те “ ate | у да птичью должность. ||
SES _Я бы в Лондон. i _ ie eee й Целье пять, ее” у пять миллионов р г
— простите за овосторженности _ взял бы, обня = oe ot LR" die ne и
стал целовать. Lee 1926 a | Ки - | й r б 2 | ~ — я, de | Са Ф. - — | — 7 у >
2 || й Р > - ç г р Fr. . - + щі 4 ae я. = à (le -- >. | > ам - 4 À й 4 + _ , у о» 3 ,
4 б т aid ‘А < . | Fa у" В om № . * - 3 an a i Й : р ; - \ з - . L "я ry ' "и LA L
q 7 7 4 чи ~ а а а 4 - ва і ,, » ‘ я . à & ad м 7 1 7 > ? ~ + 4 = “ у "ці а є ” --
‘5 > = й p ele à Р Й ву et - а Р > » р р 4 т | * р > ч. що - і м | у |» о ы > 3 +
С +e wee | - p b à Ve М г. й ds (хек ee с Ко мы - ri й і \$ L й * LE > Ъ “as p
і 7 й ых г і Le « . і Га тя - — ‘ ae é й а! жь ct de. 41 - тет « "й - і * й tan.
0-27 Le че «РТ Ди 3.Є А" | ae а, 7 | L af | РІД Р Re NE М eee monet +4 si

МОСКОВСКИЙ КИТАЙ Чжан Цзо-лин да У Пей-фу да Суй
да Фуй-разбирайся, от усилий в миле! Натощак попробуй расшифруй
путаницу раскитаенных фамилий! Эта жизнь отплыла сновиденьем,
здесь же — | только звезды поутру УТРУТ — Дым , уже встает над
заведением «Китайский труд». Китаец не рыбка, не воробей на
воротах, надо «шибака» ему работать. Что несет их к синькам и
крахмалам, за 6 тысяч верст сюда кидает? 286

же ноу тии (СЕС: ув у р ЕТТ ТТ lt РЧР НИ РР РО РУ НИ in,
Там земля плохая? Рису, что ли, мало? Или грязи мало ДЛЯ МЫТЬЯ в
Китае? Длинен всегда день труда. Утюг сюда, утюг туда. Тихо здесь,
КОТЬ лежат и жмурятся. И любой рабочий защищен. А на родине
мукденць да манчжурны... Снимут голову -не отрастишь еще. Тяжело
езде, да не надо домой, лучше весь день гладь да мой! У людей
единственная фраза на губах, все одно и то же, АВb ЛИ, или сон! -- В
пятницу к двенадцати пять рубак! — — В среду к обеду семь кальсон!
— 287

Не лучший труд — бумажные розы. Мальчишки орут: чт У У!
Китаёзы! — Повернется, взглядом подарив, от которого зажглось лицо
осеннее... Я хотя совсем не мандарин, а шарахаюсь от их косения.
Знаю, что — когда в Китай придут | октябрьские повторы и сшибется
класс о класс — он покажет им, | народ, который косоглаз. 1926

ТОВАРИЩУ НЕТТЕ ПАРОХОДУ И ЧЕЛОВЕНУ Я не даром
вздрагнул. | Не за гробный вздор. В порт, горящий, как расплавленное
лето, разворачивался И ВХОДИЛ товарищ. «Теодор Нетте». | Это —
он. Я узнаю его. В блюдечках-очках спасательных кругов. —
Здравствуй, Нетте! Как я рад, что ты живой дымной жизнью труб,
канатов и крюков. Подойди сюда! Тебе не мелко? От Батума, чай,
котлами покипел... Помнишь, Нетте, — в бытность человеком ты пивал
чай со мною в дип-купе? Медлил ты. Захрапывали сони. Глаз КОСА в
печати сургуча, 19 в. маяковский, т, 1 289

напролет болтал о Ромке Яковсоне и смешно потел, стихи
уча. Засыпал к утру. Курок аж палец свел... Суньтеся — кому охота!
Думал ли, что через год всего встречусь я с тобою — с пароходом. За
кормой луница. Ну и здорово! Залегла, просторы надвое порвав. Будто
навек за собой из битвы коридоровой тянешь след героя, светел и
кровав. В коммунизм из книжки верят средне. «Мало ли что можно в
книжке намолоть!» А такое -оживит внезапно «бредни» и покажет
коммунизма естество й плоть. Мы живем, зажатые железной клятвой.
За нее — на крест, и пулею чешите: 290

SEIT ORNE тож ре у tp rT Ее ут ie et 19* это — чтобь в мире
без Россий, без Латвий жить единым человечьим общежитьем. В
наших жилах — кровь, а не водица. Мы идем | сквозь револьверный
лай, чтобы, умирая, воплотиться в пароходь, ов строчки и в другие
долгие дела. Мне бь жить и жить, сквозь годы мчась. Но в конце хочу
— других желаний НЕТУ— встретить я хочу мой смертный час так,
как встретил смерть товарищ Нетте. 15 июля, Ялта 1926

РАЗГОВОР НА ОДЕССКОМ РЕЙДЕ ДЕСАНТНЫХ СУДОВ:
«СОВЕТСКИЙ ДАГЕСТАН» И «КРАСНАЯ АБХАЗИЯ»
Перья-облака,
закат расканарейте! Опускайся, южной ночи гнет! Пара пароходов |
говорит на рейде: то один моргнет, а то другой моргнет. Что сигналият?
Напрягаю я морщины лба. Красный раз... о угаснет, и зеленый...
Может быть, | любовная мольба. Может быть, ревнует разозленный.
Может, просит: — «Красная Абхазия»! Говорит «Советский Дагестан».
Я устал, один по морю лазая, подойди сюда и рядом стань.— 292

зику — Но в ответ коварная она: — Как-нибудь ОДИН живи и грейся. Я теперь по мачты влюблена в серый «Коминтерн», трехтрубный крейсер. — Все вы, бабы, трясогузки и каналы... Что ей крейсер, дылда и пачкун? — Поскулил и снова засигналил: — Кто-нибудь, пришлите табачку!.. Скучно здесь, нехорошо и мокро. Здесь от скуки отсыреет и броня...— Дремлет мир, | На Черноморский округ синь-слезищу морем оброня. 1926

КРАСНОДАР Северяне вам наврали о свирепости февральей:
про метели, про заносы, про мороз розовоносый. Солнце жжет
Краснодар, словно щек краснота. Красота! Вымыл все февраль и
вымел — не февраль, а прачка, и гуляет МОСТОВЫМН разная
собачка. Подпрыгивают фоксы — показывают фокусы. Кроме лапок, |
вся, как вакса, низко пузом стелется, ВОЛЮАТ вразвалку такса
длинненькое тельце. Бегут, трусят дворняжечки. мохнатенькие
ляжечки. Лайка лает, ВЗВНВІІН НОС, 294 | 1 4 1 i

+” Даже | + | если : Р ж орі = < - пара зуж, о. кос BRIERE о _
сотня we полится.. bast owe 2То ж 4 > ео | о хойінції capes,’ ex: 2 _a
собачкина столица, Ся 1926 ;

ПРАЗДНИК УРОЖАЯ Раньше праздновался разный Кирилл да Мефодий. Питье, фонарное освещение рыл и прочее в этом роде. И сейчас еще село самогоном весело. На Союзе великане тень фигуры хулиганьей. Но мы по дням и по ночам работаем, тьме угрожая. Одно из наших больших начал — «Праздник урожая». Праздников много,-но отродясь ни в России, НИ ОКОЛО не было, чтоб люди трубили, гордясь, что рожь уродилась | и свекла. 296

NT CEE PETER TEE =—— rR er Республика многим бельмо
в глазу, И МНОГИМ охота сломать ее. Нас Штык от врагов защищает в
грозу, а в мирный день — дипломатия. Но нет у нас довода более
веского, чем амбар, ломящийся от хлебных груд. Нету | дела почетней
деревенского, почетнее, | чем крестьянский труд. Каждый корабль
пшеничных зерен — это слеза у буржуев во взоре. Каждый лишний
вагон репья-это смычке новые скрепы. Взрастишь кукурузу в
засушливой зоне — и можешь мечтать о новом фордзоне. Чем больше
будет хлебов ржаных. тем больше ситцев у моей жены. Еще завелась
племенная свинья, и в школу рубль покатился, звеня. На литр увеличь
молоко коров, и новый ребенок в Союзе здоров. Чем наливней и
полнее колос, тем громче будет советский голос. 297

Крепись зтот праздник из года в год, "вставляй —
похвалиться рад — лучшую рожь, лучший скот и радужнейший
виноград. Лейся по селам из области в область слов горящая лава:
урожай -- сила, урожай -- доблесть, урожай увеличившим к , слава!
1926

ааа | отрути ее ое ори и ти D -' пит а us ————. чн pp РИ РИ
ПРЕ еl ла * ДОЛГ УКРАИНЕ Знаете ли вы украинскую ночь? Нет, вы
не знаете украинской ночи! Здесь небо от дыма становится черно, и
герб звездой пятиконечной вточен. Где горилкой, удалью и кровью
Запорожская бурлила Сечь, проводов уздой смилив Днепровье, Днепр
заставят на турбины течь. И Днипрб по проволокам-усам
электричеством течет по корпусам. Небось рафинада и Гоголю надо!
299

Мы знаем, курит ли, пьет ли Чаплин, мы знаем Италии безрукие руины; мы знаем, как Дугласа галстук краплен... А что мы знаем о лице Украины? Знаний груз у русского TOW, — тем, кто рядом, почета мало. Знают вот украинский борщ, знают вот украинское сало. И с культуры поснимали пенку: кроме THEY: Le | прославленных Тарасов — Бульбь и известного Шевченка — ничего не выжмешь, сколько ни старайся. А если прижмут — зардеется розой и выдвинет аргумент новый: возьмет и расскажет пару курьезов — анекдотов украинской мовы. Говорю себе: товарищ москаль, на Украину шуток не скаль. 300

ша — т зо ікони кава Dé оон Разучите эту мову на знаменах
— лексиконах альх,-эта мова величава и проста: «Чуешь, сурмы
заграли, час расплаты настав...» Разве может быть затрепанней | да
тише слова поистасканного | «слышишь»?! Я немало слов придумал
вам, взвешивая их, одно хочу лишь, — чтобы стали всех МОНХ стихов
слова полновесными, | как слово «чуешь». Трудно людей в одно
истолочь, собой | кичись не очень. Внаем ли мы украинскую ночь? ет,
мы не знаем украинской ночи. 1926

ДВЕ МОСКВЫ Когда автобус, à пыль развеяв, прет меж
часовен восковых, я вижу ясно — две их, их две в Москве — Москвы.
Одна — это храп ломовий и скрип, Китайской стены покосившийся
гриб. Вот так совсем и в седые века здесь ширился мат ломовика.
Вокруг ломовых бубнят наобум, что это бумагу везут в Главбум. А я
убежден, что, удар изловча, добро везут, разбив половчан. Из
подмосковных степей и лон везут половчанок, взятых в полон. А там,
где слово «Моссельпром» под молотом | и под серпом, 302

ет ж PE te te P PE й тий тот ях и. aso ree чл EE ES oS ER SE
EE re ye а с вторая Москва СТОИТ и окна глазом ест ВОТАК,
приехавший на съезд, не слышавший, как печенег, о монпансье и
ветчине. А вбок — гармошка с пляскою, пивные двери ляскают.
Есенины по кабакам, как встарь, | друг другу мнут бока. А ночью
тишь, | и в тишине нет ни гудка, ни шины нет... Храпит Москва
деревнею, и в небе цвета крем глухой старухой древнею никчемный
черный Кремль. 2 Не надо быть пророком-провидцем, всевидящим
оком святейшей троицы, чтоб видеть, как новое в людях роится, |
вскипает и строится. И там и тут то громоздится лесами почта, то
Ленинский институт. Дыры метровые потом полйты, чтоб ветра
быстрее | под землей полетел, 303

из-под покоев митрополитов : сюда чтоб | вылез 1
митрополитен, Восторженно видеть | рядом и вместе | пыхтенье машин
| и пыли пласты, как плотники с небоскреба «Известий» плюются
ВНИЗ, на Страстной монастырь. А там вместо храпа коней от обузы
гремят грузовозы, пыхтят автобусы. И кажется: центр-ядро прорвалб
Садовых кольцо и Коровьих валбз. Отсюда слышится и мне шипенье
приводных ремней. Как стих, крепящий болтом разболтанную прозу,
завод «Серпа и Молота», завод «Зари» | и «Розы». Растет
представленье | о новом городе, | который | деревню погонит на корде.
Качнется, встанет, подтянется сонница, придется и ей трактореть и
фордзониться. 804

асской со Сп Фе } © і ім À РА } 4 № т. 2. яковски > т, 90 в, Ма

НЕ ЮБИЛЕЙТЕ! Мне б хотелось про Октябрь сказать, не в колокол названивая, не словами, украшающими тепленький уют, — дать Обl революции такие же названия, как любимым в первый день дают! Но разве уместно слово такое? Но разве настали ДНИ ДЛЯ ПОКОЯ? Кто галоши приобрел, кто зонтик; радуется обыватель: «Небо голубо...» Нет, в такую ерунду б не расскажете боевую | революцию -- любовь. 806 NP ль Vee nes nt mio inий ROT dé à eee) mn. i ka voï i A so De ПЕРА РТ ПРА ОР ——— ЖИРУ ni ee ee ee noe Ve ee © ee Se АИ ЗОО Ч D mi пайка ха à ee STE PET NE a PEHI de ch A mac ét à

| Ё р Е в Е З г авось знос о п еее ee ee eae! yee whee es ЧУ 7
аль дідів ііі ьо р є а дань аніс кі де Аке с is li ed I ТЗ 209 В сотне улиц
сегодня на вас, на меня упадут огнем знамена. Будут глотки греметь, за
кордоны катя огневые слова про Октябрь. Белой гвардии для меня
белей имя мертвое: юбилей. Юбилей — это пепел, песок и дым;
юбилей — | это радость седым; юбилей — это край кладбищенских ям;
это речи и фимиам; остановка предсмертная, ВЗДОХИ, елей— | вот что
лезет из букв «ю-б-и-л-е-й». А для нас юбилей — ремонт в пути,
постоял — и дальше гуди. Остановка для вас, для вас юбилей — а для
нас подсчет рублей. 307

Сбереженный рубль — сбереженный заряд, поражающий вражеский ряд. Остановка для вас, для вас юбилей -а для нас — это сплавы лей. Разобьет врага электрический ход лучше пушек и лучше пехот. Юбилей! А для нас — подсчет работ, перемеренный литрами пот. Знаем: в графиках довоенных норм коммунизма одежда и корм. Не горюй, товарищ, что бой измельчал: — Глаз на мелочь! — приказ Ильича. Надо в каждой пылинке будить уметь большевистского пафоса медь. Зорче глаз крестьянина и рабочего, и минуту не будь рассеянней! Будет: под ногами заколеблется почва почище японских землетрясений. Молчит перед боем, топки глуша, Англия бастующих шахт. 308

Don do ne Re nes ne - ПЕ ЕС С. ее ---> Пусть китайский язык
мудрен и велик — знает каждый и так, что Кантон тот же бой ведет,
что в Октябрь вели наш рязанский Иван да Антон. И в сердце Союза
война. И даже киты батарей И ПОЛКИ. Воры с дураками засели в
блиндажи растрат и ВОЛЮКНТ. И каждая вывеска: — рабкооп —
коммунизма тяжелый окоп. Война в отчетах, в газетных листах, —
рассчитывай, режь и крой. Не наша ли кровь продолжает хлестать из
красных чернил РКИ?! И как ни тушили огонь — нас трое! Мы трое
охапки в огонь кидаем: растет революция в огнях Волховстроя, в
молчании Лондона, в пулях Китая. 309

Нам девятый Октябрь — не покой, не причал. Сквозь десятки
таких девяти МОЗГ ЖИВОЙ, живая мысль Ильича, нас , к последней
победе веди! 1926 ра. им РР рани Bhs Oi eth lt lll : - À dir se K “ii ee
Labs ah al à ВЕЧЕР Ч ||| i

а у м Tre - rs = = чуруучту пи чер потр нан ere МО Ese, а а нн
еа LE LE Lo te ur жор о ій дні сь офі зар СИФИЛИС Пароход подошел,
завыл, погудел — и скован, | как каторжник беглый. На палубе 700
человек людей, остальные -негры. Подплыл катерок | с одного бочка.
Вбежав по лесенке хромою, осматривал врач в роговых очках:
«Которые с трахомой?» Припудрив прыщи и наружность вымыв, с
коккетством себя волоча, первый класс дефилировал мимо ,
улыбавшегося врача. Дым голубой из дустволки ноздрей колечком
единым СВНВ, 311

первым шел в алмазной заре свиной король — Свифт. Трубка воняет, в метр длиной. Попробуй к такому — полезь! Под шелком кальсон, под батистом-лино поди, разбери болезнь. «Остров, дай воздержанья зарок! Остановить велите!» Но взял капитан под козырек, и спущен Свифт — сифилитик. За первым классом шел второй. Исследуя этот класс, врач удивлялся, что ноздри с дырой,— лез и в ухо и в глаз. Врач смотрел, губу своротив, НОС под очками взморща. Врач троих послал в карантин 312

——— из второклассного сборища. За вторым надвигался третий класс, черный от негритья. Врач посмотрел: четвертый час, время коктейлей питья. — Гоните обратно трюму в щель! Больные -видно и так. Грязный вид... И вообще -оспа не привита.-У негра ВИСКИ ревмя ревут. Валяется в трюме Том. Назавтра Тому оспу привьют,-и Том возвратится в дом. На берегу у Тома жена. Волоса густые, как нефть. И кожа ее черна и жирна, как вакса «Черный лев». Пока по работам Том болтается, — у Кубы губа не дура — 313

жену его | прогнали с плантаций за неотработку _ натурой.
Луна в океан накидала монет, хоть сбросься, вбежав на насыпь!
Недели ни хлеба, ни мяса нет. Недели — одни ананасы. Опять пароход
привинтило винтом. Следующий через недели! Как дожждаться с
голодным ртом? — Забыл, разлюбил, забросил Том! С белой рогожу
делит!-Не заработать ей и не скрасть. Везде полисмены под зонтиком.
А мистеру Свифту последнюю страсть раздула эта экзотика. Потело
тело под бельецом от черненького мясца. 314 a las Là La à УРНИ St
dont УРН ЕЕ: di РУ mt = “ Tn 2 de a ЧОРТ РР ad

ЕТ ОС ОДУ І ПОРИ РН РТУТЬ ти Sr re Он тькал © доллары.
| в руку, в лицо в голодные месяца. Схватились — желудок пустой
давно и верности тяжеловес. Она решила отчетливо: «No!» — и глухо
сказала: «У es!» Уже на дверь плечом напирал подгнивший мистер
Свифт. Его и ее наверх в номера ВЗВИНТИЛ услужливый лифт.
Явился: Том | через два денька. Неделю спал без прбсыпа. И рад был,
что есть и хлеб, и деньга, и что не будет оспы. Но день пришел, и у
кож в темноте узор непонятный вlepлен. И дети у матерей в животе
онемевали и слепли. 315

Суставь ломая день ото дня, года календарные вылистаны, и кто-то у тел половину отнял и вытянул руки для милостыни. Внимание к негру стало особое. Когда собиралась паства, морали наглядное это пособие показывал постный пастор: «Карает бог и его и ее за то, что водила гостей!» И слазило черного мяса гнилье с гнилых негритянских костей. В политику этим не думал ввязаться я. А так — срисовал для видика. Одни говорят — | «цивилизация». другие — «колониальная политика». 1926 і ані а пі м

ТРОПИКИ (Дорога Вера-Круц -- Мехико-сити) Смотрю: ВОТ это — тропики. Всю жизнь вдыхаю наново я. А поезд прет торопкий сквозь пальмы сквозь банановые. Их силуэты-веники встают рисунком тошненьким: не то они -- священники, не то они — художники. Аж сам не веришь факту: из всей бузы и вара встает растение — кактус трубой от самовара. А птички в этой печке красивей всякой меры. По смыслу — воробейчики, а видом шантеклеры. Но прежде чем | осмыслил лес, и бред, и жар, и день я — 317

и день и лес исчез без вечера и без предупреждения. Где
горизонта борозда?! Все линии потеряны. Скажи, которая звезда и где
глаза пантерины? Не счел бы лучший казначей звезды тропических
ночей, настолько ночи августа звездой набиты пагусто. Смотрю: ни
зги, ни тропки. Всю жизнь вдыхаю наново я. А поезд прет сквозь
тропики, сквозь запахи банановые. 1926 4 || Le D on 2

FF SET Ey eer one рідкій о EE LTT ттт жу АЕС; НИИ ТЕ
РАРЕ NE PTT ar | КАНЦЕЛЯРСКИЕ ПРИВЫЧКИ Я два месяца
шатался по природе, чтоб смотреть цветы и звезд. огнишки. Таковых
не видел. Вся природа вроде телефонной книжки. Везде — у скал, на
массивном грузе Кавказа и Крыма скалоликого, на стенах уборных, на
небе, на пузе лошади Петра Великого, от пыли дорожной до гор, где
грозы гремят, грома потрясав,-езде отрывки стихов и прозы, фамилии
и адреса. «Здесь были Соня и Ваня Хайлов. Семейство ело и
отдыхало». 319

«Коля и Зина соединили души». Стрела и сердце в виде груши. «Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Комсомолец Петр Парулайтис». «Мусью Гога, парикмахер из Таганрога». На кипарисе, стоящем века, весь алфавит: абвгджзк. А у этого от лазанья талант иссяк. Превыше орлиных зон, просто и мило: «Исак Лебензон». Особенно людей винить не будем. Таким нельзя без фамилий и дат! Всю жизнь канцелярствовали, привыкли люди. Они и на скалу глядят, как на мандат. Такому, глядящему за чаем с балкона, как солнце садится в чаще, НН Восход, ни закат, а даже солище — входящее и исходящее. 920 быв ль.

Ук я б к весне | декрет железный выковал: «По фамилиям на
стволах и скалах узнать подписавшихся малых. Каждому | в лапки дать
по тряпке. За спину ведра — и марш бодро! Подписавшимся и Колям и
Зинам собственные имена стирать бензином. А чтоб энергия | не
пропадала даром, кстати и Ай-Петри | почистить скипидаром. А кто до
того к подписям привык, что снова к скале полез,-у этого навсегда
закрывается ликбез». Под декретом подпись и росчерк броский —
Владимир Маяковский. Ялта, Симферополь, Гурзуф, Алупка. 1926 21
В, Маяковский, т. 1

НАЛУЕМУ ЮНОШЕСТВУ На сотни эстрад бросает меня, на
тысячу глаз молодежи. Как разны земли моей племена, и разен язык и
одежи! Насилу, | пот стирая с виска, сквозь горло тоннеля узкого
пролез. с И, глуша прощаньем свистка, рванулся | курьерский с
Курского! Заводы. | Березы от леса до хат бегут, листками ворочая, и
чист, как будто слушаешь МХАТ, московский говорочек. Из-за
горизонтов, лесами сломанных, толпа надвигается мазанок. Цветисты
бочка | из-под крыш соломенных, . окрашенные разно. Стихов навезите
целый мешок, с таланта можете лопаться,-922

PEAR гр в ответ снисходительно cedят смешок етот тва уста
украинца хлопца. Пространства бегут, с хвоста нарастав, их жарит
солнце-кухарка. И поезд | уже бежит на Ростов, | далёко за дымный
Харьков. Поля -- | на миллионы хлебных тонн — | как будто их гладят
рубанки, а в хлебной охре | серебряный Дон блестит | | позументом
кубанки. Ревем паровозом до хрипоты, Н ВОТ началось
КАВКАЗСКОС, — | то головы сахара высят хребты, то в солнце — |
пожарной каскою. Лечу | ущельями, свист приглушив, і снегов и папах
седины. Сжимая кинжалы, стоят ингуши, следят | из седла осетины.
Верх гор — лед, низ — жар пьет, и солнце льет иод. 21° 323

Тифлисцев се: узнаешь и метров за сто: гуляют часами жаркими, в моднейших шляпах, в ботинках носастых, такими парижакими. По-своему | всякий ,зубрит азы, аж цифры по-своему снятся им. У каждого третьего — СВОЙ ЯЗЫК и собственная нация. Однажды, забросив в гостиницу хлам, забыл, где я ночую. Я адрес по-русски спросил у хохла, хохол отвечал: — Нз чую. — Когда ж переходят к научной теме, ИМ рамки русского узки; с Тифлисской Казанская академия переписывается по-французски. Ия Париж люблю сверх мер (красивы бульвары ночью!). Ну, мало ли что — Бодлер, Маларме и эдакое прочее! Но нам ли, шагавшим в огне и воде, годами, борьбой прожженными, 924

зони реер Де | растить на смену себе бульвардье,
французистьми пижонами! Используй, кто был безъязык и гол,
свободу советской власти. Ищите свой корень и свой глагол, во тьму
филологии влазьте. Смотрите на жизнь | без очков и шор, глазами
жадными цапайте все то, уто у вашей земли хорошо и что хорошо на
Западе. Но нету места злобы мазку, не мажьте красные души!
Товарищи юноши, взгляд — на Москву, на русский вострите уши. Да
будь я и негром преклонных годов, и ТО без унынья и лени я русский
бы выучил только за то, что НМ разговаривал Ленин. Когда Октябрь
орудийных бурь по улицам кровью лился, я знаю, в Москве решали
судьбу и Киевов и Тифлисов. Москва для нас не державный аркан,
ведущий земли за нами, 925

Москва , не как русскому мне дорога, а как огневое знамя!
Три разных истока во мне речевых. Я не из кацапов разинь. Я-- / дедом
казак, другим -сечевик, а по рожденью грузин. Три разных капли в себе
совмещав, беру я право вот ЗТО — покрыть всеюсоюзных совмещан, и
ваших и русопетов. 1927

она D ne CE oe PEER ET ЖУР RTS TT + ьo піді пт р ит тет =
=3=___=___=___"_____ Ю.Т НТ ИВeН ВС ЬОЬВЗЗПСТ ЛУЧШИЙ
СТИХ Аудитория сыплет вопросы колючие, старается озадачить в
записочном рвении. — Товарищ Маяковский, прочтите лучшее ваше
стихотворение. — Какому стиху отдать честь? Думаю, упершись в
стол. Может быть, это им прочесть, а может, прочесть то? Пока
перетряхиваю стихотворную старь и нем ждет зал, газеты «Северный
рабочий» секретарь тихо мне сказал... 327

И гаркнул я, сбившись | с поэтического тона, громче
иерихонских хайл: — Товарищи! Рабочими и войсками Кантона взят
Шанхай!— Как будто жёсть в ладонях мнут, оваций сила росла и
росла. Пять, десять, пятнадцать минут рукоплескал Ярославль.
Казалось, буря вёрсты крыла, в ответ на все чемберленьи ноты
катилась в Китай, — и стальные рыла отворачивали от Шанхая
дредноуты. Не приравняю ВСЮ поэтическую слякоть, любую из
лучших поэтических слав не приравняю к простому газетному факту,
если так ему рукоплещет Ярославль. 928 иль à cts cet cect РФ РН ti tt té
dm De à en md omis ét mt МаМа à dt un sd Мау Лева хо

————> — = АЕН о О, есть ли привязанность | большей
силищи, чем солидарность, прессующая рабочий улей?! © Рукоплещи,
ярославец, | маслобой и текстильщик, неизвестным и родным китайским
кули! 1927

ЛЕНА Встаньте, товарищи, прошу подняться. От слез удержите глаза. Сегодня память о павших пятнадцать лет назад. Хуже каторжных, бесправней пленных, в морозе, зубастей волков и лютей, жили у жил драгоценной Ленъ тысячи рабочих людей. Роя золото на пятерки и короны, рабочий тощал голодухой и дырами. А в Питере сидели бароны, пай запивая во славу фирмы. 330

в а. ESET EES OST жерты SS а ЕТ === Годы на тухлой конине
мысль сгустили ; простую: х «Ньне больше нельзя — бастую». Чего
хотела , масса, копачей несчетное число? Капусты, получше мяса и
работы 8 часов. Затягивая месяца на три, директор что было сил
уговаривал, а губернатора слать войска просил. Скрипенье сапог и
скрипение льда. Это сквозь снежную Тишь жандарма Терещенко и
солдат шлет губернатор Бантыш. А дальше? Дальше рабочие шли
просить о взятых в стачке. 381

И ротмистр Терещенко визгнул «пли!» и ткнул в перчатке пальчик. За пальцем этим рванулась стрельба — второй | после первого залпа. И снова в мишень рабочего лба жандармская метится лапа. За кофею утром рано пишет жандарм упитанный: «250 ранено, 270 убито». Молва о стрельбе опричины пошла шагать по фабричным. Делом растет молва. Становится завод сотый. Дрожит коронованный болван и пайщики из Лензоты. 352

мож — И горе ревя по заводам брело: — Бросьте покорности
горы нести!-И день этот _ сломленный был перелом, к борьбе перелом
от покорности. О Лене память НН ДНИ, 1 ни года в сердцах не сотрут
никогда. Шаг вбивая победный ТВОЙ в толщу уличных плит,
ПОМНИ, что флаг над головой ленскою кровью облит. 1927

ОСТОРОННЬИШЬИ МАРШ Гляди, товарищ, в оба! Вовсю раскрой глаза! Британць твердолобье республике грозят. Не будь, товарищ, слепым и глухим! Держи, товарищ, порох сухим! Стучат в бюро Аркосовы, со всех сторон насеив: как ломом, лбом кокосовым ломают мирный сейф. С такими, товарищ, не сваришь ухи. Держи, товарищ, порох сухим! За барыней, за Англией и шавок лай летит,-394

PLOT SE RET STN TT NLT рови РУТ ТТ еR RR СТ ue Le a | б
et eid tia уже у новых Врангелей разыгрался аппетит. Следи, товарищ, за
лаем ЛИХИМ. Держи, товарищ, порох сухим! Мы строим, жнем и
сеем Наш лозунг: «Мир и гладь». Но мы себя сумеем ВИНТОВКОЙ
ОТСТОЯТЬ. Нас тянут, товарищ, к войне ОТ сохи. Держи, _ товарищ,
порох сухим! 1927

ГОСПОДИН НАРОДНЫЙ АРТИСТ Парижские «Последние новости» пишут: «Шаяпин пожертвовал священнику Георгию Спасскому, на русских безработных в Париже, 5000 франков. 1000 отдана бывшему морскому агенту, капитану 1-го ранга Дмитриеву. 1000 роздана Спасским лицам, ему знакомым, по его усмотрению, и 3000 — владыке митрополиту Евлогию». Вынув бумажник из-под хвостика фрака, добрейший Федор Иванович Шаяпин на русских безработных бросил на дно ПОПОВСКОЙ Шляпы. Ишь, сердобольный, как заботится! Конечно, плохо, если жмет безработица. Но... удивляют получающие пропитанье. Почему у безработных званье капитанье? Ведь не станет лезть морское капитанство на завод труда и в шахты пота. 336 пять тысяч франков ПЕСЕН

пойдет война Так чего же ждет Евлогиева паства и какая ей .
нужна работа? Вот если, за нынешней грозой нотною, в орудийном
аду,- т шаляпинские безработные живо себе работу найдут. Впервые
тогда комсомольская масса, раскрыв пробитые пулями уши, сведет
знакомство с шаляпинским басом через бас белогвардейских пушек.
Когда ж полями, кровью политьми, рабочие бросят руки и НОТН,—
вспомним тогда безработных митрополита Евлогия. Говорят, артист —
большой ребенок. Не знаю, есть ли у Шаляпина бонна. 22 В.
Маяковский, т. 1 997

Но если боннь нету с ним, мы вместо бонны ему объясним.
Есть класс пролетариев миллионногорбый и те, кто покорен
фаустовскому тельцу; на бой последний класса оба сегодня сошлись
лицом к лицу. И песня, и стих — это бомба и знамя, и голос певца
подымает класс, и ТОТ, кто сегодня поет не с нами, ТОТ против нас. А
тех, кто под ноги атакующим бросится, с дороги уберет рабочий
пинок. С барина с белого сорвите, наркомпросцы, народного артиста |
красный венок! 1927

ету и : PTT A S I LET мес чу pS LL tue ee иг us sous es à ne re
BE eT TETE з тебе тЖ ТТ "НТ ЫЗее9У€ИЯ рт 222 Я НУ, ЧТО НІ
Раскрыл я с тихим шорохом глаза страниц... И потянуло порохом от
всех границ. Не вновь, которым за двадцать, в грозе расти. Нам не с
чего радоваться, но нечего грустить. Бурна вода истории. Угрозы и
войну мы взрежем на просторе, ,как режет киль волну. 1927 339

ПРИЗЫВ Теперь к террору от словесного сора перешло
правительство британских тупиц: на территорию нашу спущена свора |
шпионов, | поджигателей, | _ бандитов, іа убийц. В ответ на разгул
белогвардейской злобы тверже стой на посту, | Hora! | Смотри
напряженно! Смотри в оба! | Глаз на врага! Рука на наган! | Наши и
склады, и мосты, и дороги. Собственным, кровным, своим дорожа, 340

встаньте в караул, бессонный и строгий, сами своей
республики сторожа! Таких на охрану республике выставь, чтоб
отдали последнее биение и дых. Ответь на выстрел молодчика
монархиста сплоченностью рабочих и крестьян молодых! Думай | о
комсомоле дни и недели! Ряды свой оглядывай зорче. Все ли
комсомольцы на самом деле? Или только комсомольца корчат?
Товарищи, опасность вздымается справа. Не доглядишь -себя вини!
Спайкой, стройкой, выдержкой и расправой спущенной своре шею
сверни! 1927

«ЛЕНИН С НАМИ» Бывают события: случатся раз, из сердца
высекут фразу. И годы не выдумать лучших фраз, чем сказанная сразу.
Таков и в Питер ленинский въезд на башне броневика. С тех пор слова
и восторг мой не ест ни день, НИ ГОД, ни века. Все так же вскипают
от этой даты души фабрик и хат. Ия привожу вам | просто цитаты пз
сердца и из стиха. 342

Sete miter б т т рин и И Т I Февральское пламя померкло
быстро, _ в речах утопили радость февральскую. Десять министров
капиталистов уже на буржуев смотрят с ласкою. Купался Керенский в
своей победе, задав революции адвокатский тон. Но вот пошло по
заводу: — Едет! Едет! — Кто едет? — Оу!— И в город, уже
заплывающий салом, вдруг оттуда, ° из-за Невы, с Финляндского
вокзала по Выборгской загрохотал броневик. Была простая машина
эта, как многие, шла над Невою. Прошла, а нынче по целому свету
дыханье ее | броневое. 943

И снова ветер, свежий и крепкий, валыш революции поднял в пене. Литейный залили блузы и кепки. — Ленин с нами! , Да здоровствует Ленині-- / И с зтих дней й везде Н во всем имя Ленина с нами. Мы будем нести, несли и несем — его, Ильичево знамя. — Товарищи! — и над головами первых сотен вперед ведущую руку выставил. — Сбросим эсдечества обветшавшие лохмотья! Долой власть соглашателей и капиталистов! — Тогда рабочий, впервые спрошенный, еще нестройно отвечал: — Totos!— 944 ah nil lh me CP ПРО ПРО OTS и ПР uit a nt ta

рт те НЕ еS А сегодня буржуй распластан, сброшенный, и
нашей власти — десять годов. st Др LS голос воли низа, рабочего низа
всего света. Да здравствует | партия, строящая коммунизм! Да
здравствует восстание за власть Советов! — Слова эти слушали |
пушки мордастье, и щерился белый, штыками блестя. А нынче Советы
и партия здравствуют в союзе с сотней миллионов крестьян. Впервые |
перед толпой обалделой, здесь же, перед тобою, близ — встало, как
простое делаемое дело, недостижимое слово — «социализм». А нынче
в упряжку взяты частники. 345

Коопов стосортных сети вьем, показываем ежедневно в новом
участке социализм живьем. Здесь же, из-за заводов гудящих, сияя
горизонтом. во весь свод, встала завтрашняя коммуна трудящихся зак
без буржуев, без пролетариев, без рабов и господ. Коммуна - _ еще не
дело дней, и Мы еще в окружении врагов, НО МЫ прошли по дороге к
ней десять самых трудных шагов. 1927 ЕО ЧЕСТЕР ИЕР о поді і | ewe

A le ii EE и ere ee ze are one re пити a ia aaa ial ati nh an OR i ll
ее они абы МОЩЬ БРИТАНИИ Британская мощь целиком на морях,
— цари в многоводном лоне. Мечта их — одна: весь мир покоря,
бросать с броненосцев своих якоря в моря кругосветных колоний. Они
ведут за войной войну, не бросят за прибылью гнаться. Орут: —
Вперед, матросы! А ну, за честь и свободу нации! — Вздываются
бури, моря бея, моряк постоянно на вахте. 347

Буржуи горстями берут прибыля на всем — на грузах, на фрахте. Взрываются мины, смертями смердя, но жир у богатых | отрос; страховку берут на матросских смертях, и думает мрачно матрос. Пока за моря перевозит груз, он думает, что на берегу все те, кто ведет матросский союз, копейку его берегут. А на берегу союзный глава, мистер Гевлок Вильсон, хозяевам продал дела и слова и с жиру толстеет, как слон. Хозяева рады, — свой человек следит за матросами круто. 948 tt tt ЧН ЧНО шили С à à ie Mina na li né mu 1

—— И ловит Вильсон. солидный чек. на сотню английских фунтов. Вильсон к хозяевам впущен в палаты и в спорах; добрый и миленький, по ихней просьбе с матросской зарплаты спускает | последние шиллинги. А если | в его махинации глаз запустит рабочий прыткий, ОН жмет плечами: -- Никак нельзя-сі промышленность терпит убытки.— С себя ж и рубля не желает соскресть, с тарифной иудиной сетки: ВОЖДЮ, МОЛ, надо и пить, и есть, и, сами знаете, детки. Матрос, отправляясь в далекий рейс, к земле оборачивай уши, глаза нацеливай с мачт и рей на то, что творится на суше! 349

Пардон, Чемберлен, что в ваши дела суемся поэмой этой! Но мой Пегас, порвав удила, матросам вашим советует: — В обратную сторону руль завертя, вернитесь к союзным сонмам и дальше плывите, послав к чертям продавшего вас Вильсона!-За борт союза в мгновение в одно! Исчезнет — и не был как будто: его моментально потянет на дно груз иудиных фунтов. 1927 a Ce A dt rl OP, Ss 4 TNS PPP ОИРУ

re DR ER En = —щ—ы сь жест р отр о ес ау уже РА ОТ né sc
pr cere Sa т "PPP UE P ; ОБЩЕЕ РУКОВОДСТВО ДЛЯ
НАЧИНАЮЩИХ ПОДХАЛИМ В любом учреждении есть подхалим.
Живут подхалимы, и неплохо им. Подчас молодежи, на них глядя,
хочется устроиться — как устроился дядя. Но как в доверие к
начальству влезть? Ответственного не возьмешь на низкую' лесть.
Например, | распахивать перед начальством двери — не к чему. |
Начальство тебе не поверит, не оценит энергии излишнюю трату —
подумает, что это ты — по штату. Или вот еще способ очень грубый:
351

трубить начальству в пионерские трубы. Еще рассердится: — Чего, мол, ради сжесекундные праздники _ у нас в отряде? — Надо ЛЬСТНТЬ умело и тонко. Но откуда ТОНКОСТЬ у подростка и ребенка?! И мы, | желанием помочь палимы, выпускаем «Руководство для молодого подхалимы». Например, начальство делает доклад — выкладывает канцелярской премудрости клад. Стакан ко рту поднесет рукой и опять докладывает час-другой. И вдруг вопль посредине доклада: — Время докладчику ограничить надо! — Тогда ты, | сотрясая здание, требуй: — Слово к порядку заседания! 902

Доклад — звезда среди мрака и темени. Требую жі
продолжать без ограничения времени! — И будь уверен — за слова эти
начальство запомнит тебя — и заметит. Узнав, что у начальства
сочинения есть, спеши печатный отчетишко прочесть. При встрече с
начальством, закатывая глазки, скажи ему | | голосом, полным ласки:
— Прочел отчет. Не отчет, а роман! У вас стихи бы вышли задарма!
Скажите, не вы ли _ автор «Антидюринга»? Тоже написан очень
недурненько. — Уверен будь — за оценки за эти и начальство оценит
тебя и заметит. Увидишь: начальство едет пьяненький в казенной
машине — и в дамской компанийке. 23 В. Маяковский, т. 1 303

Пиши в стенгазету, возмущенный насквозь: «Экономия экономии рознь. Такую экономию — высмейте смешком! На что это похоже?! Еле-еле со службы и на службу, таскаясь пешком, начканц волочит свои портфели». И ты СЕА преуспеешь на жизненной сцене, - начальство заметит тебя и оценит. А если не хотите быть подхалимой, сами себе не зажимайте рот: увидев безобразие, . не проходите мимо и поступайте не по стиху, а наоборот. 1927

PRE PTT PRET TEE PEUR > 4 EO à DS see ds ee AK, ac
МУСКУЛ СВОЙ, ДЫХАНИЕ И ТЕЛО ТРЕНИРУЙ С ПОЛЬЗОЙ ДЛЯ
ВОЕННОГО ДЕЛА Никто не спорит: летом каждому нужен спорт. Но
какой? Зря помахивать гирей и рукой? Нет, не это! С пользой проводи
сегодняшнее лето. Рубаху в четыре пота промочив, ГОЛ загоняй и
ногой, и лбом, чтоб в будущем бросать разрывные мячи в ответ на град
белогвардейских бомб. Нечего мускулы зря нагонять, 23* 955

Не НаМ растить | «мужчин в соку». Учись ВСКОЧИТЬ на
лету на коня, с плеча учись рубить на скаку. Дача. Комсомолки. Сорок
по Цельсию. Стеляют глазками усастых проныр. Комсомолка, лучше
из нагана целься. И думай: перед тобой лорды и паны. Жир нарастает
тяжел и широк на пышном лоне канцелярского брюшка. _ Служащий,
ДОВОЛЬНО. Временный жирок скидывай в стрелковых кружках. Знай
и французский и английский бокс, но не для того, чтоб скулу
сворачивать вбок, а для того, чтоб, не боясь ни штыков, ни пуль, 956
Влад

одному обезоружить | целый патруль. Если любишь велосипед — тоже нечего зря сопеть. Помни, на колесах лучше, чем пеший, доставишь в штаб боевые депеши. Развивай дыхание, мускулы, тело не для того, чтоб зря наращивать бицепс, а чтоб крепить оборону и военное дело, чтоб лучше с белыми биться. 1927

НАГЛЯДНОЕ ПОСОБИЕ Вена дрожит от рева медного.

Пулями лепит пулеметный рокот... Товарищи, не забудем этого предметного урока. Просты основания этой были. Все ясно. Все чисто. Фашисты, конечно, рабочих убили, — рабочие бросились на фашистов. Кровью черных земля мокра. На победу растим надежду! Но за социал-демократом социал-демократ с речами встали между. 358 LACET PME DR SR У У 2 à 22 bn à 1 dé OTE PP, DW У

темпу ре ont | то LS MES i НИ по приказу — Так, мол, и так, рабочие, братцы!.. — Стелются мягкими коверчиками. — Бросьте забастовку, бросьте драться, уладим все разговорчиками.— Пока уговаривали, в окраинные улицы вступали фашистские войска, — И вновь револьверное дульце нависло у рабочего виска. 57 гробов, а в гробах — убитые пулями черных рубях. Каждый театр набит и открыт бургомистра, эсдека Зейца. Дескать, под этот рабочий рыд лучше еще оперетты глазаются. Партер сияет, весел и чист, и ты, галерочник, смотри и учись, — когда перед тобою | встают фашисты, обезоруженным не окажись ты. 959

Нечего слушать рулады пения эсдечьего! Во всех уголках |
земного шара рабочий лозунг | будь таков! разговаривай с фашистами
языком пожаров, словами пуль, | остротами штыков. 1927 Li ante
TENTE ETS

ПИСЬМО К ЛЮБИМОЙ МОЛЧАНОВА, БРОШЕННОЙ ИМ,
КАК О ТОМ СООБЩАЕТСЯ В № 219 «КОМСОМОЛЬСКОЙ
ПРАВДЫ» В СТИХЕ ПО ИМЕНИ «СВИДАНИЕ» Слышал — вас
Молчанов бросил, будто ОН предпринял это, Видя, что у вас под осень
нет «изячного» жакета. На косынку | цвета синьки смотрит он и цедит
еле: — ЧТО вы ходите в косынке? -Да и... мордой постарели. Міе
пожалте грудь тугую. Ну, а если нету этаких... Мы найдем себе другую
— в разызысканной жакетке.— Припомадась и прикрасась, 961

эту гадость вливши В СТИХ, хочет ОН марксистский базис
под жакетку подвести. «За боль годов, за все невзгоды глухим
сомнениям не быть! Под этим мирным небосводом хочу смеяться и
любить». Сказано веско. Посмотрите, дескать: шел я верхом, шел я
низом, строил мост в социализм, недостроил и устал и уселся у моста.
Травка выросла у моста, по мосту идут овечки, мы желаем | — очень
просто! — отдохнуть у этой речки. Заверните ваше знамя! Перед нами
| АСНОСТЬ ВОД, в бок — | цветочки, а над нами — мирный-мирный
небосвод. 962 on a | I ee a нь ій — NEUE SY пад ікона 2 алый о м нь іні
нь мий ма ль нні нив Д ъ ъ ль 1 ый вать im Dé mad da iin le ls Ба, й 2 itt
ый te? wry ais ae Pas a ae a hear PPO ИВИС POM 128 à e

ии Брошенная, не бойтесь красивого слога поэта, музой венчанного! Просто и строго ответьте на лиру Молчанова: — Прекратите ваши трели! Я не знаю, я стара ЛН, НО вы, Молчанов, постарели, ВЫ и ваши пасторали. Знаю я — в жакетах в этаких на Петровке бабья банда. Эти польские жакетки к нам привозят контрабандой. Чем, служа у муз по найму, на мое тряпье коситься, вы б индустриальным займом помогли рождению ситцев. Череп, ШТО ЛЬ, пустеет чаном, выбил о мысли грохот лирный? 363

Ото где же ВЫ, Молчанов, небосвод узрели мирный? В гущу
| ваших роздыхов, под цветочки, на реку заграничным воздухом не
доносит гарьку? Или за любовной блажью не видать угрозу вражью?
Литературная шатия, успокойте ваши нервы, отойдите, — вы мешаете
мобилизациям и маневрам. 1927

БАКУ Я ВАС НЕ ПОНИМАЮ, МИСТЕР ДЕТЕРДИНГ

Объевшись рыбачьими шхунами досыта, Каспийское море пьяно от норд-оста. На берегу — волна неуклюжа и сразу ложится недвижимой лужей. _ На лужах и грязи, берег покрывшей, в труде копошится Баку плоскокрыший. Песчаная почва чахотит деревья, норд-ост шатает, ветрами выстегав. На всех бульварах под башней Девьей каких-нибудь штук восемнадцать листиков. Стой | и нефть таскай из песка. Тоска! Что надо в этом Баку Детердингу? 865

4 4 4 || Он может купить не Баку, а картинку. Он может
купить половину Сицилии (как спички в лавке не раз покупали мы). |
Ему сицилийки не нравятся? . Или. природа плохая? Финики, пальмы!
Не уговоришь его, : как ни усердствуй. Сошло с Детердинга
английское сэрство. И сэр | такой испускает рык, какой испускать
лабазник привык: — На кой они хрен мне, финики зфти?! Нефти хочу!
| Н-е-ф-т-и!!! Я ВАС ПОНИМАЮ, МИСТЕР ДЕТЕРДИНГ Р ОНР
ОРАТОР Ото что ж за такая за нефть, что за вещь за такая паршивая,
bn Lai #25 если, презрев сицилийских дев, сам Детердинг, осатанев, Пр
П а і ол со té à ый стал печатать червонцы фальшивые? 966 АУ
КОРЗИНУ som ous” РОДІ АР і ot tt 8 hr a

AS A | te ee ee p и a lll o -гоOoo re --- ee ee ---=----->
ее a ne. uit sus MARS RE: er ned Нефть — это значит: в грядущем
бреду, если сорвется война с якорей, те, кто на нефти, с эскадрой
придут. к вражьему берегу : вдвое скорей. С нефтью не страшны
водные рвы. Через волну в океанском танце на броненосце несетесь вы
— прямо и мимо угольных станций. Уголь чертит опасности имя,
трубы эскадры задравши ввысь, Нефть — это значит: | тих и бездьмен
у берегов внезапно явись. Лошадь што?! От старья останки. Дом
обходит, вязнет в низине... Нефть -это значит: что тракторы, танки —
они на рожон попрут на бензине. Нефть — это значит: усядья
роскошно, аэрокрылья расставив врозь, 567

с чистого неба черным коршуном наземь бомбу смертельную
брось. Это - — миллионщиком стал оголец, если * фонтан забьет,
бушующая. Нефть — это то, за что горлец друг другу выгрызут два буржуя.
Нефть — это значит: сильных Не гневайте, пожалуйста, колонии, Нефть
— это значит: владыка нефти — в пасть влазьте. владелец морей и
держатель власти. 1927

ЧУДЕСА! Как днище бочки, правильным диском стояла луна над дворцом Ливадийским. Взошла над землей | и пошла заливать ее, и льется на море, на мир, на Ливадию. В царевых дворцах — мужики-санаторники. Луна, как дура, почти в исступлении. Глядят | глаза блинорожия плоского в афишу на стенах дворца: «Во вторник выступление товарища Маяковского». Сам самодержец, здесь же, рядом, гонял по залам и по бильярдам. И вот, где Романов дулся с маркерами, 24 В. Маяковский, т. 1 969

шары ложа под свитское ржание, читаю я крестьянам о
форме стихов и о содержании. Звонок. Туна отодвинулась тусклая, ИЯ,
в электричестве, стою на эстраде. Сидят предо мною рязанские,
тульские, почесывают бороды русские, ерошат пальцами русые пряди.
Их лица ясны, яснее, чем блюдце, где надо — хмурятся, где надо —
смеются. Пусть тот, кто Советам не знает цену, со мною станет от
радости пьяным: где можно еще читать во дворце — ЧТО? Стихи!
Кому? Крестьянам! Таковую страну и сравнивать не с чем, — где еще
МЫСЛИМЬ подобные вещи?! 570 a ot is й Old ltt mm

< НИ И уе ае ее б ' 'Ж Ж KB mp RÉ SR ві ць ав ав цс ік ць і ау
ау ае 7 24° И думаю я обо всем, как о чуде. Такое настало, а что еще
будет! Вижу: выходят после лекции два мужика | слоновьей
комплексии. Уселись | вдвоем под стеклянный шар, и первый второму
заметил: — Мишка, очень хороша — эта последняя была рифмишка.
— И долго еще гудят ливадийцы на желтых дорожках, у синей водицы.
1927

РАССКАЗ ЛИТЕЙЩИКА ИВАНА КОЗЫРЕВА О
ВСЕЛЕНИИ В НОВУЮ КВАРТИРУ Я пролетарий. Объясняться
лишне. Жил, как мать произвела, родив. И вот мне квартиру дает
жилищный, мой рабочий кооператив. Во — ширина! Высота — во!
Проветрена, освещена и согрета. Все хорошо. Но больше всего мне
понравилось — это: это белее лунного света, удобней, чем земля
обетованная, это — да что говорить об этом, это — ванная. 372

Вода в кране — холодная крайне. Кран другой не тронешь рукой. Можешь ХОЛОДНОЙ МЫТЬ ХОХОЛ, горячей — пот пор. На кране одном написано: «Хол.», на кране другом — | «Гор.». Придешь усталый, вешаться хочется. Ни щи не радуют, ни чая клокотанье. А чайкой поплещешься — и мертвый расхохсется ОТ ЭТОГО плещущего щекотания. Как будто пришел к социализму в гости, от уловольствия — захватывает дых. Брюки на крюк, блузу на гвоздик, мыло в руку и... бултых! Сядешь и моешься долго, долго. Словом, СИДИШЬ, пока охота. 973

Просто в комнате лето и Волга,-только STO нету рьб и пароводов. Хотя грязь на тебе десятилетнего стажа, | с тебя, корою с дерева, чуть не лыком сходит сажа, смывается, стерва. И уж распаришься, разжаришься уж: А Тут — вертай ручки: и каплет прохладный дождик-душ из дырчатой || железной тучки. Ну уж и ласковость в этом душе! Тебя никакой не возьмет упадок: погладит волосы, потреплет уши и течет по жолобу промежду лопаток. Воду стираешь с мокрого тельца полотенцем, как зверь, мохнатым. Чтобы суше пяткам — пол стелется, извиняюсь за выражение, пробковым матом. 974 E at 2 ль ее

MSS = Ve вонетокай влабть. | к м у Євердловоко : 5 :. Река
28 января 1928 г. \i. te . i - tn та по р \$ 4 ті * он в: 1 и Й ~ + = - р 4 Fa' ф
А " , * - и à є і < à а" " О . 7 ,, À = р "2 À - «3 à | Р . и - 7 1 | , х і р + ує і
щі + Ру , | — А « іе - не Й \$ nm': - ne td й + - + юні ау й «Фк ям ра б se
сіті > 1 Ъ У у «т л-- ро» Рій + Ss 26 уч ее wot 7 - + Ge = і / У - | 2 му 7 а"
7 б " = . сг» ы af че уе . Pee] Рос wd, = я = » к , я к. а Fs Sy | - * у 4 } у №
à - « ? = у і а а * 7 ' Ъ |. LA т 4 L з . ' S - ри ? - р = 7 і д, # 3 . , = Jt а — , «-
м = - М « і , . | р . * - 23 Fi - вы У - 4 и à. і й "4 і ' | - учи Й = > » " - а ри р
У А - .- « т» -О | = - + Ъ ~, "т Й й і . # . ù А р и > 2 . = - у & = - не - Р > + à
4 aa meet у р - ці й É =, © а - > ст о = ad = - 7 = — вы ро CH S, пон

ДЕСЯТИЛЕТНЯЯ ПЕСНЯ Дрянь адмиральская — пан и барон шли от шестнадцати разных сторон. Пушка французская, английский танк. Белым папаша — Антантовый стан. Билась советская наша страна, ДНИ грохотали разрывом гранат. Не для разбоя битва зовет, мы защищаем поля и завод. Шли деревенские, лезли из шахт, дрались голодные, в рвани и вшах. 0 à а оби обдать i Зоо mé is МУРУ 576 i аль ава Nt

—— wee EE - = Серые шлемы с красной звездой белой ораве
крикнули: Стой! Били Деникина, били Махно, — так же любого с
дороги смахнем. Хрустнул, проломанный, Крыма хребет. Красная
крепла в громе побед. С вами сливалось, победу растя, сердце рабочих,
сердце крестьян. С первой тревогою с наших низов стомиллионные
встанем на зов. Землю колебля, в новый поход двинут ДИВИЗИИ
Красных пехот. Помня принятие красных присяг, лава Буденных
пойдет на рысях. 977

Против буржуевых новых блокад — красные _ ПТИЦЫ
займут облака. Крепни | и. славься в битвах веков, Красная Армия
большевиков! 1928 ее Сеп вла вилы =. ыы зв оф

I у рису ТТ а ае SE EY Te Sere met te ЛОЗУНГИ-РИФМЫ
Десять лет боевых прошло. Вражий раж еще не утих. Может, скоро
дней эшелон ПЫЛЬЮ всклубит боевые пути. Враг наготове. Битвы
грядут. Учись шагать в боевом ряду. Учись отражать атаки газовые,
смерти в минуту маску показывая. Буржуй угрожает. Кто уймет его?
Умей управляться лентой пулеметовой. 979

Готовится к штурму Антанта чертова,-учись атакам, штык повертывая. Враг разбежится, кто погонится? | Гнать золотогонников | учись, конница. | Слышна у заводов врага нога нам. Учись, товарищ, владеть наганом. Не век стоять у залива в болотце. Крепите советский флот, краснофлотцы! Битва не копчена, только смолкла, готовься, комсомолец и комсомолка. Сердце республика для с армией слила, нету на свете тверже сплава. Красная Армия — наша сила. Нашей Красной Армии слава! 1928

СЛУЖАКА Появились молодые превоспитанные люди —
Мопров знаки золотые ИМ увенчивают груди. Парт-комар — из МККа
не подточит парню носа: к сроку вписана строка профи парти прочих
взносов. Честен он, как честен вол. В место в собственное вросся и не
видит о ничего дальше собственного носа. Коммунизм по книге сдав,
перевызубривши «измы», 381

~~ покончил навсегда с мыслями о коммунизме. Что
заглядывать далече?! Циркуляр СНПН и жди. -- Нам, мол, с вами
думать неча, если думают вожди. -Мелких дельцев пару шор ОН надел
на глаза оба, чтоб служилось хорошо, безмятежно, узколобо. День —
этап растрат и лести, день, когда простор подлизам, — СТО для него | и
есть самый рассоциализм. До коммуны перегон. не покрыть на этой
кляче, как нарочно создан ОН для чиновничьих делячеств. Блещут
знаки золотые, 982 Sas ль ыы п tr ав ськ ee REY си Ба. à cale de 5
ЗАРАНО Lac ah EP nés dd so di ll re HH al "à х

PR D o п Cн EK ————— -- ~ поси ———.---Те
гордо | выпячены груди, ХОДЯТ тихо молодые приспособленные
люди. О коряги ; якорятся там, где тихая вода... А на стенке декорацией
Карлы-марлы борода. Мы томимся неизвестностью, что нам делать с
ихней честностью? Комсомолец, Живя в твои лета, октябрьским
озоном дыша, помни, что каждый день — этап, к цели намеченной шаг.
Не наши — которые времени в зад уперли лбов медь; быть
коммунистом — значит дерзать, думать, хотеть, сметь. 983

У нас еще не Эдем и рай,-мещанская Работая, мелочи
соразмеряй с огромной тина с цвелью. поставленной целью. 1928 мама
г... С ЧР

не. ————— ТРУС В меру и черны и русь, пряча
взгляды, пряча вкусы, боком, тенью, в стороне, — пресмыкаются
трусы в славной смелыми стране. Каждый зав для труса — туз. Даже
от его родни опускает глазки трус и уходит в воротник. Влип в
бумажки парой глаз, Ног поджать циркуля: «Схорониться б за приказ...
Спрятаться б за циркуляр...» Не поймешь, мужчина, рыба ли — 25 В.
Маяковский, т. 1 985 ~

междометья зря не выпалит. Где уж подпись и печать!
«Только бы меня не выбрали, только б мне не отвечать...» Ухо в метр
— никак НО менее, — за начальством ходит сзади, чтоб, услышав
НХНбе мпение, завтра это же сказать им. Если ж старший сменит
мнение, ОН усвоит мненье старшино: — Мненье — это не именье,
потерять его не страшно.— Хоть грабьте, хоть режьте возле. него, не
будет слушать ни плач, НН вой. «Наше дело маленькое — я сам по
себе не великий немой, и рот ВОДОЮ наполнен мой, вроде
умывальника я». 380 TEE eee PNR UNE 'OUR oe a. ee id dote laut

=————— ра ит дання Бі і 253 # Трус оброс бумаг корою. «Где
решать?! Другие пусть. Вдруг не выйдет? Вдруг покроют? Вдруг
возьму и ошибусь?» День-деньской сплетает тонко узы самых
странных свадеб — увязать бы льва с ягненком, с кошкой мышь
согласовать бы. Весь день сердечко ужас кройт, предлогов для трепета
— кипа. Боится автобусов и Эркаи, начальства, жены и гриппа,
месткома, домкома, просящих взаймы, кладбища, МИЛИЦИИ, леса,
собак, погоды, сплетен, ЗИМЫ И показательных процессов. 587

Подрожит и ляжет житель, дрожью НОЧЬ корежит тело...
Товарищ, чего вы дрожите? В чем, собственно, дело? В аквариум, что
ли, сажать вас? Революция требует, | чтобы имелась смелость,
смелость и еще раз — С-М-€-Л-0-С-Т-в. 1928

ЕЕ ае "—_КАЗАНЬ Стара, коса, стоит Казань. Шумит бурун:
«Шурум... бурум ..» По-родному тараторя, снегом лужи намарав, у
подворья в коридоре люди смотрят номера. Кашляя | в рукава, входит
робковат, глаза таращит. Приветствую товарища. Я в языках не очень
натаскан — что норвежским, и1С шведским мажь, 989

Входит татарин: «Я | на татарском вам прочитаю «Левый марш». Входит второй. . | Косой в скуле. И говорит, | в карманах порыскав: «Я — мариец. Твой — левый дай тебе прочту по-марийски». Эти вышли. Шедших этих в низкой двери. ч встретил третий. «Марш ваш — наш марш. Gi чуваш, , послушай, уважь. Марш вашинский так по-чувашоки...» Как будто ГОДЫ взял за чуб я, — станьте и не пылитесь! — рукою своею собственной щупаю бестелое слово «политика».

390 Нр еее а ее ее ее à à

RT I TE I TT EE ET FT Oe п ST TT A и rT AYT AЧX E I TT I
TT TT TT Народы, - жившие вьямьсь в нужду, притершись Уралу ко
льду, ворвались в дверь, | ИДЯ | на штурм, на камень, на крепость
культур. Крива, коса, стоит Казань. Шумит бурун: «Шурум... |
ОуруМ...» 1928

es ЕВПАТОРИЯ Чуть вздыхает волна, и, вторя ей, ветерок
над Евпаторией. Ветерки эти самые рыскают, гладят щеку
евпаторийскую. Ляжем пляжем в песочке рыться мы бронзовыми
евпаторийцами. Скрип уключин, всплески и крики — развлекаются ;
евпаторийки. В дым чернь, в тубетейках ярких караимы евпаторьяки.
И сравнясь, : | загорают рьяней москвичи — евпаторьяне. Всюду розы
на ножках тонких. Радуются 3 евпаторёнки. 392

Все болезни ВbDKMYT горячие грязи евпаторячьи. Пуд за
лето с любого толстого соскребет евпаторство. Очень жаль мне тех, |
которые не бывали | в Евпатории. Евпатория, З/У ПИ. 1928

ЗЕМЛЯ НАША ОБИЛЬНА Я ежжу по южному берегу Крьма-
не Крым, а копия | древнего рая. Какая фауна, | флора и климат! Пою,
восторгаясь и озирая. Огромное синее Черное море, часы и ДНИ
берегами едем, слезай, освежайся, | ездой уморен... — Простите,
товарищ, купаться негде.— Окурки с бутылками градом упали, здесь
даже корове лежать не годится, 894 eee Se Oe ee ee PE —~ No 7 — ee é1
it rt bi weet ae mass dd Berth. nd in dee :

SS eo ye oer ————— р б SSSR ————— < а
сядешь в кабинку — тебе | из купален вопьется заноза-змея | в ягодицу.
Огромны сады в раю Симферопольском, пудами плодов обвисают к
лету. Иду по ларькам Евпатории ,обыском — хоть четверть персика!
Персигов нету. Побегал, хоть версты | меряй На счетчике! А персик
МОЙ на базаре и ВО поле, слезой обливая пушистые щечки, за час
езды гниет в Симферополе. Громада дворцов отдыхающим нравится,
Прилег и вскочил от кусачей тоски ты, и крик содрогает спокойствие
здравицы: — Спасите, на помощь, съели москиты! — 595

Но вас, успокоят разумностью критики, тревожа свечой
паутину и пыль: «Какие же ж это, товарищ, МОСКНТНКН, ООН же ж,
товарищ, просто клопы!» В душе сомнений переполох. Контрасть
-черт задери их! Страна абрикосов, дюшесов и блох, здоровья и
дизентерии. Республику нашу не спрятать под ноготь, шестая мира
покроется ею. О, до чего же всего у нас много, и до чего же ж мало
умеют! 1928

причи СЕКРЕТ МОЛОДОСТИ Нет, Не те «молодежь», кто, забившись в лужайку да в лодку, начинает под визг и галдеж прополаскивать ВОДКОЙ глотку. Нет, не те «молодежь», кто весной ночами хорошими, раскривлявшись модой одеж, подметают бульвары клешами. Нет, | не те «молодежь», кто восхода жизни зарево, услыхав в крови зудеж, на романы разбазаривает. Разве ЭТО молодость? Нет! 997

Мало быть восемнадцати лет. Молодые — — это те, кто бойцовым рядам поределым скажет именем всех детей: «Мы | земную жизнь переделаем!» Молодежь — | это имя — дар тем, кто влит в боевой КИМ, | тем, кто бьется, чтоб дни труда были радостны и легки! 1928 УЧЕНІ. ее РО ее ЧУ — ab ÈS. дю , НИ ИН oh РОН a dle НИМ Ent tt à УЧ ль ыфы НИ mL о лавы ae От à "РУТ. ТД a het И

I ET Te ee er a wae a ne — Sr a er I IR er БЖ" ГАЛОПЩИК ПО
ПИСАТЕЛЯМ Тальников в «Красной нови» про меня пишет задорно и
храбро, что лиру я на агит променял, перо променял на швабру. Что я
по Европам болтался зря, в стихах ни вздохи, ни ахи, а только грублю,
случайно узря Шаляпина или монахинь. Растет добродушие | с ростом
бород. Чего обижать маленького? Хочу не ругаться, а, наоборот,
ПОНЯТЬ и простить Тальникова. 999

ВЕІ молодь, верно, сужу по мазкам, такой резвун-шалунишка,
уроки сдаєте приятным баском и любите с бонной, на радость мозгам,
гулять | в коротких штанишках, Чему вас учат, я мильй барчук? вас
расспросить хочу. Успела ли бонна вам рассказать (про это и песни
поются),— вы знаете — 10 лет назад у нас была революция. Лиры
крыл пулемет-обормот, и, взяв лирические манатки, сбежал
Северянин, сбежал Бальмонт и прочие фабриканты патоки. В Европе у
них ни агиток, ни швабр — чиста ажурная строчка без шва. 400
ПРОДУ We Sener ee Ильина ды Ыб

Одни хорей да ямбы. Туда бы, к ним бы, у да вам бы.
Оставшихся жала белая рать и с севера и с юга. Нам требовалось
переорать _ И ВЬЮГИ, и пушки, и ругань! Их стих, | Ж как девица, |
читай на диване, как сахар по і за чаем с блюдца,-а мы писали і против
плеваний, ведь, сволочи, У ; все плюются. Отбившись, мы ездим аі | по
странам по всем, которые в картах наляпаны, туда, | где пасутся
долларным посевом любимые вами. | | Шаляпины. Не для романсов, не
для баллад бросаем свои якоря мы: лощеным ушам наш стих грубоват
В. Маяковский, т. 1 401 |

и рифмы будут корявыми. Не лезем | МЫ по музеям, на
колизеи глаза. Мой лозунг: одну разглазей-ка к революции лазейку...
Теперь | для меня равнодушная честь, что чудные рифмы рожу я. Мне
как бы только почище уесть, уесть покрупнее буржуя. Поэту, по-моему,
слабый плюс торчать у веков на выкате. Прощайте, Тальников, я
тороплюсь, а вы без меня чирикайте. С поэта и на поэта в галоп
скачите, Е сшибайтесь лоб о лоб. о скидывайте галоши, скача по
стихам, как лошадь. А так скакать неопратно,-от вас по журналам...
1928 пятна.

ально rower oe Fo een ee ee ы- = er rn em me eee Ree we rt ir a
ее LD nat м г ES do D eue ne En, SUR >. 26* ПОДЛИЗА Этот сорт
народа — тих и бесформен, словно студень; очень многие | ИЗ НИХ в
наши ДНИ выходят в Люди. Худ умом и телом чахл Петр Иванович
Болдашкин. В возмутительных прыщах зря краснеет на плечах не
башка — а набалдашник. Этот фрукт теперь согрет солнцем нежного
начальства. Где причина? В чем секрет? Я задумываюсь часто. Жизнь
его идет на лад; 403

На Него | не брошу тень я. Клад его — | его талант, | нежный |
способ обхождения. Лижет ногу, | лижет руку, лижет в пояс, лижет
ниже, как кутенок лижет суку, как котенок кошку лижет. А язык на
метров тридцать ДОГОНЯТЬ начальство | вылез, мыльный весь, | аж
может бриться, даже кисточкой не мылясь. Все похвалит, впавши в
раж, что фантазия позволит, — ваш катар, и ЧИН, и стаж, вашу
доблесть и мозоли. И ему ПОШЛИ ЧИНЫ, на него в быту равнение.

Где-то будто. вручень чуть ли не-бразды правленья. Раз уже в
руках вожжа, всех сведи | к подлизным взглядам, расслюнявит
-уважать, уважать начальство надо! Мы глядим, уныло ахая, как растёт
от ихней братии архи-разиерархия в издевательстве над демократией.
Вея шваброй верхом, НН30М, сместь бы всех, кто поддались, всех,
радеющих подлизам, всех радетельских подлиз. 1928

СТОЛП Товарищ Попов чуть-чуть не от плуга, Чуть не от станка и СОХН, Он — даже партиец, НО ОН перепуган, брюзжит баритоном сухим: «Раскроешь газетину — в критике вся, любая колеблется гльба. Кроют. | Кого? Аж волосья встают от фамилий дыбом. `Ведь это — подрыв, подкоп ведь это... Критику остороженько должно вести, 406 el mit al D tall nl al heh ail es tah tt за ні «etl зом А 2 Gt nm am li У: D a A ia à th 2m tt à mnt

————ЕЕ тт > — pone ee eet ey ЕС РЕ ЕЕ с с ———т тире А
эти критикуют не щадя авторитета, ни чина, ни стажа, НН
ДОЛЖНОСТИ. Критика снизу — это яд. Сверху — вот это лекарство!
Ну, можно ль ПОЗВОЛИТЬ низам,-подряд всем! — заниматься
критиканством?! О мерзостях наших трубим и поем. Иди и в газетах
срамись я! Ну, я ошибся... Так в тресте ж в моем имеется ревизионная
комиссия! Ведь можно ж, не задевая столпов, в кругу своих братишек
вызвать, сказать: — Товарищ Попов, орудуй... 10В0:., потише.,,-
Пристали ДО тошноты, до рвот... 407

Обмазывают кистью густою. Товарищи, ведь это же ж
подорвет государственные устои! Кого критикуют? — вопит,
ВОЗОМНЯ, аж голос визжит тенорком.-Вчера -- | Иванова, сегодня
-меня, а завтра — Совнарком!» Товарищ, Попов, оставьте скулеж.
Болтовня о подрывах — ложь! Мы всех зовем, чтоб в лоб, а не пятась,
критика дрянь косила,-и это лучшее из доказательств нашей чистоты и
силы. 1928

ns Я -С.ФТШЕТТІ--У(ЖЖ т СПЛЕТНИК Петр Иванович
Сорокин в страсти — | холоден, как лед. Все ему чужды пороки, и не
курит и не пьет. Лишь одна любовь рекой залила и в бездну клонит —
любит этакой серьгой повисеть на телефоне. Фарширован сплетен
кормом, ОН вприпрыжку, как коза, к первым вспомненным знакомым
мчится новость рассказать. Задыхаясь и сипя, добредя до вашей дали,
409

ОН прибавит оТ себя пуд : : пикантнейших деталей. «Ну...
-начнет, пожавши руки, -обхохочете живот: Александр | Петрович
Брюкин --с секретаршею живет. А Иван Иванович Тестов, первый в
тресте инженер, из годичного отъезда возвращается к жене, А у той,
простите, скоро прибавление... Быть возне. Кстати, вот что — целый
город говорит, что раз во сне...» Скрыл губу ладоней ком, стал от
страха остролицым. Новость — предъявил губком ультиматум
австралийцам. Прослунявив новость вкупе 410 ее д, лы в: à „лера РЧР
а. Аб РР СИРНЕ лил à di nn et Os 2 ad vo a ihn no scat a

а ерее данні ін ріці ИИ жур Й Й м й'П "т ----->>>>гт-" г с
НОВОСТИШКОЙ странной с этой, быстро всем доложит, в супе что
варилось у соседа. Кто и 4ТО отправил в рот, нет ли, есть ли хахаль
новый, и из чьих таких щедрот НОВЫЙ _ сак у Ивановой. Когда у
такого спросим мы желание самое важное, он скажет: | «Желаю, чтоб
был мир огромной замочной скважинсй. Чтоб в скважину в эту влезши
на треть, слюну подбирая еле, смотреть без конца, без края смотреть в
чужие дела и постели». 1928

ПАРИЖАНКА Въ себе представляете парижских женщин с шеей разжемченной, разбриллиантенной - рукой... Бросьте представлять себе: жизнь жестче — у моей парижанки -вид другой. Не знаю, право, молода или стара она, до желтизны отшлифованная в лощеном хамье. Служит она в уборной ресторана, маленького ресторана — Гранд-Шомьер. Выпившим бургундского может захотеться для облегчения пойти пройтись. Дело мадмуазель подавать полотенца; она в этом деле просто артист. 412

nette costs rrr ee = ТР б бі Пока у трюмо разглядываешь
прыщик, она, разулыбив облупленный рот, пудрой подпудрит, духами
попрыщет, подаст пипифакс и лужу подотрет. Раба чревоугодий |
торчит без солнца, в клозетной шахте по суткам клопая. За пятьдесят
сантимов -по курсу червонца с мужчины ОКОЛО четырех копеек! Над
умывальником — ладони омывая, дыша ДИКОВИНОЙ парфюмерных
зелий, над мадмуазелью недоумевая, хочу | сказать мадмуазели: —
Мадмуазель, ваш вид, извините, жалок. На уборную молодость губить
не жалко вам? Или мне наврали про парижанок, ИЛИ | вы, мадмуазель,
не парижанка. 413

Выглядите вы туберкулезно и вяло. Чулки шерстяные...
Почему не шелка?! Почему не шлют вам пармских фиалок
благодарные мусью от полного кошелька? — Мадмуазель молчала,
грохот поваливал на трактир, на потолок, на нас. Это, кружа веселье
карнавалово, весь в парижанах гудел Монпарнас. Простите,
пожалуйста, за стих раскрежещенный Н за описанные вонючие лужи.
Но очень трудно в Париже женщине, если женщина не продается, а
служит. 1928 th en + 2 алии ов ае ls а выйди, ак à anale а а nt le tn éme
ad Du а за dv ĨM ой à 1 tet. LE dis oh M аie

Tee ver re ere wee tr г ПИСЬМО ТОВАРИШУ КОСТРОВУ ИЗ
ПАРИЖА О СУЛУНОСТИ ЛЮБВИ Простите меня, товарищ Костров,
с присущей душевной ширью, что часть на Париж отпущенных строф
на лирику я растрянжирю. Представьте: ВХОДИТ красавица в зал, в
меха и бусы оправленная. эту красавицу взял и сказал: — правильно
сказал или неправильно? — Я, товарищ,-из России, знаменит в своей
стране я, я видал девиц красивей, я видал девиц стройнее. Девушкам
поэты любви. 415

Я ж умен и голосист, заговариваю зубы — только Ау слушать согласись. Не поймать меня. на дряни, на прохожей ее паре чувств. Я ж навек любовью ранен — еле-сле волочусь. Мне любовь не свадьбой мерить: разлюбила -уплыла. Мне, товарищ, в высшей мере наплевать ,на купола. Что ж в подробности вдаваться, шутки бросьте-ка, | мне ж, красавица, не двадцать,-тридцать... | с хвостиком. Любовь | не в ТОМ, чтоб кипеть крутей, не в том, что жгут угольями, а в том, | что встает за горами грудей над | волосами-джунглями. Любить — это значит: вглубь двора 416

тт I вбежать и до ночи грачьею, блестя топором, рубить дрова,
силой | своей играючи. Любить — это с простынь, бессонницей
рванных, срываться, | ревнуя к Копернику, его, а не мужа Марьи
Иванны, считая СВОИМ соперником. Нам любовь не рай да кущи, нам
любовь гудит про то, ЧТО ОПЯТЬ в работу пущен сердца выставший
мотор. Вы к Москве порвали нить. Годы — | расстояние. Как бы вам
бы объяснить это состояние? На земле огней — до неба... В синем небе
звезд — до черта. 27 В. Маяковский, т. I 417

Если б а поэтом Не был, я бы стал бы звездочетом.

Поднимает площадь шум, экипажи движутся, я хожу, стишки пишу в записную книжицу. Мчат авто по улице, а не свалят наземь. Понимают умницы: человек — в экстазе. Сонм видений и идей полон до крышки. Тут би и у медведей выросли бы крылышки. И вот с какой-то грошовой столовой, когда докипело это, из зева до звезд взвивается слово золоторожденной 'кометой. Распластан ХВОСТ небесам на треть, блестит и горит оперенье его, чтоб двум влюбленным на звезды смотреть 418 nt déc bas sas ew 2

27° из ихней беседки сиреновой. Чтоб подымать, и вести, и
влечь, которые глазом ослабли. Чтоб вражьи ТОЛЛОВЕІ спиливать с
плеч хвостатой сияющей саблей. Себя до последнего стука в груди, как
на свиданьи, простаивая, прислушиваюсь: любовь загудит —
человеческая, простая. Ураган, ОГОНЬ, вода подступают в ропоте. Кто
сумеет совладать? Можете? Попробуйте... 1928

КРАСАВИЦЬ РАЗДУМЬЕ НА ОТКРЫТИИ Grand Opéra В
смокинг вштопорен, побрит что надо. По Гранд по Опере гуляю
грандом. Смотрю в антракте — красавка на красавице. Резмяк
характер -все мне — ‘нравится. Талии — кубки. Ногти — | в глянце.
Крашенные губки розой убиганятся. Ретушь — у глаза. Оттеняет синь
его. Спины из газа цвета лососиньего. Упадая с высоты, пол метут
шлейфы. 420

От такой красоты сторонитесь, рефы. Повернет в брильянтах
уши, пошевёлится, шая, на грудишке ряд жемчужин обнажают
шеншиля. Платье — пухом. Не дыши! Аж на старом она морже только
«фай» да «креп-де-шин», только облако «жоржет». Брошки блещут..
— на тебе! — с платья с полуголого. ох, к такому платью бы да еще
бы... голову. 1929

СТИХИ О РАЗНИЦЕ ВКУСОВ Лошадь сказала, взглянув на верблюда: «Какая гигантская лошадь-ублюдок». Верблюд же вскричал: | «Да лошадь разве ты?! Ты просто-напросто — верблюд недоразвитый». И знал лишь бог седобородый, что это животные разной породы. 1929 422 dise et filé Аш a dant жд зал львы Ал Аль 1 филь ый арфа ИР У ate at пал бабы ле du и вилы быв aa ail lt есмь lib 2 in alent el ee né Let БЫ вби д бы д на або het a hotes Ae аю ОБА ve

ВОНЗАЙ САМОКРИТИКУ! Наш труд сверкает на «Гиганте»,
сухую степь хлебами радуя. Наш труд блестит. Куда ни гляньте, встает
фабричною оградой. Но от пятна и солнца блеск не смог
застраховаться, — то ляпнет нам ,о ТІАТНО Смоленск, то ляпнут
астраханцы. Болезнь такая глубока, не жди, газеты пока статейным
гноем вытекут, — ножом хирурга в бока вонзай самокритику! 423

Не на год, не для видика такая критика. Не нам критиковать, крича для спорта горластого, нет, ... наша критика -рычаг и жизни и хозяйства. Страна Советов, чисть себя — нутро и тело, - чтоб, чистотой своей блестя, республика глядела. Чтоб не шатать левей, правей домину коммунизма, шатающихся проверь СВОИМ рабочим низом. Где дурь, где белых западня, где зава окружит родня, — вытравливай ОТ дня До ДНЯ то ласкою, то плетью, чтоб быстро бы страну ПОДНЯТЬ, ИДЯ по пятилетью. 424

Міе т жи". he eee | i | Нам | критика | из года в год нужна,
запомните, как человеку — кислород, как чистый воздух — комнате.
ПАННА СЕР БЕН РЕ Р ЕЕ 1929 en D тт Оз —————

УРОЖАЙНЫЙ МАРШ Добьемся урожая МыI,— втройне,
земля, рожай! Пожалте, уважаемый товарищ урожай! Чтоб даром не
потели мы по одному, по два, — колхозами, артелями объединись,
братва. Земля у нас хорошая, земляца неплоха, да надобно под рожь ее
заранее вспахать. Чем жить, зубами щелкая в голодные года, с
проклятою с трехполкою покончим навсегда. | Вредителю мы начисто
готовим карачун. Сметем с полей кулачество, сорняк и саранчу. 426 ЧР
оливки ли: „ть Й ль іль па. doit mme мб альо dont ыы à бы а th быв ыы
Да maintes motard.

—>—==— я » À ПЕР РР п ЕЕ ЕЕ ERSTE тм |||| i || i | Разроем
складов завали. От всех ответа ждем, чтоб тракторы не ржавели
впустую под дождем. Поля пройдут науку под ветром-игруном. Даешь
| на дружбу руку, товарищ, агроном! Земля не хочет более терпеть
плохой уход,-Готовься, КОМСОМОЛНА, в передовой поход. Кончай с
деревней серенькой, вставай, который сер! В перегонки с Америкой
иди, СССР! Добьемся урожая МЫ, — втройне, земля, рожай! Пожалте,
уважаемый товарищ урожай! _ 1929

РАЗГОВОР С ТОВАРИЩЕМ ЛЕНИНЫМ Грудой дел,
суматохой явлений день отошел, | постепенно стемнев. Двое в комнате:
А и Ленин — фотографией на белой стене. Рот открыт в напряженной
речи, усов щетинка вздернулась ввысь, в складках лба зажата
человечья, в огромный лоб огромная мысль. Должно быть, под НИМ
проходят тысячи... Лес флагов... рук трава... Я встал со стула, радостью
высвечен, — хочется НАТН, приветствовать, рапортовать! 428

о епа nn rt зп ее Товарищ, Ленин, «Товарищ, Ленин, я вам докладываю не по службе, | а по душе. работа адская будет сделана и делается уже. Освещаем, || одеваем нищ и бголь, ширится добыча | ‘угля и руды. А рядом с этим, конечно, МНОТО, | много = разной дряни и ерунды. Устаешь | отбиваться и отгрызаться. _ Многие без вас | || отбились от рук. Очень много | __ разных мерзавцев ходят по нашей земле и вокруг. Нету им М F ни числа, НИ КЛИЧКИ, целая ia. лента типов | тянется. Кулаки и волокитчики, подхалимы, — сектанты и пьяницы, — 429

ходят, гордо выпятив груди, в ручках сплошь и в значках
нагрудных. Мы их | всех, конечно, скрутим, но всех _ скрутить ужасно
трудно. Товарищ Ленин, по фабрикам дымным, по землям, покрытым
и снегом И ЖНИВЬЕМ, вашим, товарищ, сердцем и именем думаем,
дышим, боремся и живем!» Грудой дел, суматохой явлений день
отошел, постепенно стемнев. Двое в комнате: Я и Ленин —
фотографией на белой стене. 1929 aati №. ae al tr all et is 4 RS € "bn ds

Пе ее АЕН У—————-. ме от РЕ De НАСЕ; вы
АМЕРИКАНЦЫ УДИВЛЯЮТСЯ Обмерив с далекого берега, СССР
глазами выев, привстав на цыпочки, смотрит Америка, не мигая, в
очки роговые. Что это за люди породы редкой копошатся стройкой там,
поодаль? Пофантазировали с какой-то пятилеткой, а теперь
ВЫПОЛНЯЮТ В 4 года! К таким не подойдешь с американской
меркою. Их не соблазняют ни долларом, ни гривною, а они ВО ВСЮ
человечью знергию круглую неделю | дуют в непрерывную. 431

Что это за люди? Какая закалка! Кто их так в работу вклинил? Их не гонит никакая палка, — а они сжимаются в стальной дисциплине! Мистеры, у вас практикуется исстари деньгой а окупать З строительный нор. Въ не поймете, пухлые мистеры, корни рвения наших коммунаров. Буржуи, дивитесь коммунистическому берегу — на работе, | в аэроплане, в вагоне вашу быстроногую знаменитую Америку МЫ | и догоним | и перегоним. 1929 CS NE CR ЧЕ UNS ONF

a i i i Da al SG . *: НА ЗАПАДЕ ВСЕ СПОКОЙНО Как
совесть голубя, чист асфальт. Как лысина банкира — тротуара плиты
(после того, как трупы на грузовозы взвалят и кровь отмоют от плит
покрытых). В бульварах буржуеныши, под НАННН сказ, медведям
игрушечным глядят плюшики (после того, как баллоны заполнил газ и
в ПОЛНОЧЬ прогрохали к Польше пушки). Миротворцы сияют
цилиндровым глянцем, МОЗОЛЯТ язык, состязаясь с мечом 28 в.
Маяковский, т. 1 439

(после Того, как послань винтовки афганцам, а бомбь -басмачам). Сидят по кафе гусары спешенные. Пехота развлекается в штатской лени. А под этой идиллией — военные приготовления. Кровавых капель пунктирный путь ползет по земле, — не даром круга! Кто-нибудь кого-нибудь подстреливает из-за угла. Целят — в сердце. В самую точку. Одно стрельбы командирам надо — бунтовщиков смирив в одиночку, погнать на бойню баранье стадо. Сегодня кровешка мелких стычек, а завтра, в толпы танки тыча, “34 взлихораденно-бешеные заливні ST ае PRESENT VTT

PONE P TY TTT TY ET BET RT ST BB RS POP I I OT TTT EL
TT a IPE PT TYP Уч ае TE у о ау РЕНТИ Ее 28% кровищи вкус война
поймет,-пойдет хлестать с бронированных птичек железа и газа
кровавый помет. Смотри, выступает из близких лет, костями
постукивает лошадь-краса. На ней ВОЙНЫ пожелтый скелет, и
сталью синеет смерти коса. Мы, излюбленное пушечное лакомство,
МЫ, оптовые потребители _ костылей и протез, — МЫ выйдем на
улицу, мы | августа аж к небу гвоздями прибьем протест. Долой
политику пороховых бочек! Довольно дома пугливо щуплиться! 435

От первой республики крестьян и рабочих отбросим ВОЙНЫ
штыкастые щупальцы. Мы требуем мира. Но если тронете, мы в роты
сожмемся, сжавши рот. Зачинщики бойни увидят на фронте ОДИН
восставший рабочий фронт. 1929

==>" ————— Ъ — — — Ы — Ы — — — ЫЩЫ — — — — — Ъ — — — — —

> = ————— РАССКАЗ О КУЗНЕЦКОМ СТРОЕ И О ЛЮДЯХ
КУЗНЕЦКА К этому месту будет подвезено в пятилетку 1000 000
вагонов строительных материалов. Здесь будет гигант металлургии,
угольный гигант и город в сотни тысяч людей. По небу Из разговора.
тучи бегают, дождями сумрак сжат. Под старою телегою рабочие
лежат. И слышит шепот гордый вода и под и над: «Через четыре года
здесь будет город-сад!» Темно свинцовоночие, И ДОЖДИК толст, как
жгут; сидят в грязи рабочие, сидят, лучину жгут. 437

Сливеют губы с холода, но губы шепчут в лад: «Через четыре года здесь будет город-сад!» Свела промозглость корчею — неважный мокры уют, сидят впотьмах рабочие, ПодмОкшШий хлеб жуют. Но шепот громче голода, -он кроет капель спад: «Через четыре года здесь будет город-сад! Здесь взрывы закудахтают в разгон медвежьих банд, и взроет недра шахтою стоугольный «Гигант». 438 "аль ль sud oie зайшов малій був лы à À aurai! su ate dices вы авы аль

ож ОР льні і й они віль дв она Те а NN ін зо E SFR NUE ERP
DR IS DAC зоні діодні мадам ТТ цьо м Ч . 1 з жо мт» ера - < пе - SOR
ож RE TE = < пе > оме ¥ мое he o. Здесь встанут стройки стенами.
Гудками, пар, сипи. Мы в сотню солнц мартенами воспламеним
Сибирь. Здесь дом дадут \ хороший нам и СИТНЫЙ без пайка, аж за
Байкал отброшенная попятится тайга». Рос шепоток рабочего над
темью тучных стад, а дальше неразборчиво, лишь слышно — «город-
сад». Я знаю — город будет, я знаю — саду цвезть, когда такие люди в
стране в советской есть! 1929

СТИХИ О СОВЕТСКОМ ПАСПОРТЕ Я волком бы выгрыз
бюрократизм. К мандатам почтения нету. К любым чертям с матерями
катись любая бумажка. Но эту... По длинному фронту купе и кают
чиновник учтивый движется. Сдают паспорта, ия сдаю мою
пурпурную книжицу. К одним паспортам -улыбка у рта. К другим —
отношение плевое. С почтеньем берут, например, паспорта с
двухспальным английским лёвою... 440 —

рnt б RE ES Глазами доброго дядю BbleB, не переставая кланяться, берут, как будто берут чаевые, паспорт американца. На польский — глядят, как в афишу коза. На польский — выпяливают глаза в тугой полицейской слоновости — откуда, мол, и что это за географические новости? И не повернув головы кочан и чувств никаких не изведав, берут, не моргнув, паспорта датчан и разных прочих шведов. И вдруг, как будто ожогом, рот скривило господину. Это ГОСПОДИН ЧИНОВНИК берет мою краснокожую паспортину. 44

Берет — как бомбу, берет — как ежа, как бритву
обоюдоострую, берет, как гремучую в 20 жал, змею
двухметроворостую. Моргнул многозначаче глаз носильщика, хоть
вещи снесет задаром вам. Жандарм вопросительно смотрит на
сыщика, сыщик на жандарма. С каким наслаждением жандармской
кастой я был бы исхлестан и распят за то, что в руках у меня
молоткастый, серпастый советский паспорт. Я волком бы выгрыз |
бюрократизм. К мандатам почтения нету. К любым чертям с матерями |
катись любая бумажка. Но эту... 442 te 6 o лоб ih д ада лы чи УР блины |
оби ода tions cas аль о СПЕЦИ ПР ad P EP PИ EE Бы as фи до Шел. = te
à à à и en à ль бб німи tb mm y Нада de й сь ЧИ mn МИ

достаю из широких штанин дубликатом | бесценного груза.
Читайте, завидуйте, Я — гражданин Советского Союза. 1529 иг" ых ся.
З р rs =

МАРШ УДАРНЫХ БРИГАД Вперед тракторами по целине!
Домнь коммуне | подступом! Сегодня | бейся, революционер, на
баррикадах производства. Раздувай коллективную грудь-меха, лозунг
МЧИ по рабочим взводам. От ударных бригад к ударным цехам, от
цехов к ударным заводам! Вперед, в египетскую русскую темь, как
ГВОЗДИ, вбивай лампы! Шаг держи! Не теряй темп! Перегнать
пятилетку нам бы! 444

Распрабабкиной техники скидывай хлам. Днепр, турбины
верти по заводьям. От ударных бригад к ударным цехам, от цехов к
ударным заводам! Вперед! Коммуну из времени ВОД не выловишь
золото-рыбкою. Накручивай, наворачивай ход без праздников —
непрерывкою. Трактор — туда, где корпела соха, хлеб штурмуй
КОЛХОЗНЫМ походом. От ударных бригад к ударным цехам, от цехов
к ударным заводам! Вперед беспрогульным гигантским ходом! Не
взять нас буржуевым гончим! Вперед! Пятилетку в четыре года
ВЫПОЛНИМ, ВЫМЧИМ, закончим. 445

Электричество лей, река-лиха! Двигай фабрики фырком
зловодым. От ударных бригад | К ударным цехам, от цехов к ударным
заводам! Энтузиазм, разрастайся и длись фабричным сияньем
радужным. Сейчас подымается социализм Живым, настоящим,
правдошним. Этот лозунг неси бряцаньем стиха, размалюй плакатным
разводом. От ударных бригад к ударным цехам, от цехов — к ударным
заводам! 1929—1930 ль CUD TO ль аш TOO ti eT ee Cee ES они тоны п
дли Ц ВИЙ eee ee verte ewan nt tg Tae aies | ni à a a ман sum Le See ee a
YS Vey | ene mé ee ль воля а о DE im D Ven Basi de ie mt mod

és | I Eres oe eee РИ —” Ба дм ТІТ Да ЕТ а п й TN А мож |
ПТИЧКА БОЖИЯ Он вошел, склонясь учтиво. Руку жму. | «Товарищ
-сядьте! Что вам дать? Автограф? Чтиво?» «Нет. Мерси вас. писатель».
«Вы? Писатель? Извините. Думал — вы пижон. А Вы... Что ж,
прочтите, зазвоните грозным маршем боевым. Вихрь идей у вас,
должно быть. Новостей у вас вагон. 447

Что ж, | пожалте в уха в оба. Рад товарищу». А он: «Я писатель. Не прозаик. Нет. Я с музами в связи. Слог изыскан, как борзая «сконапель ля поэзи». На затылок нежным жестом ОН кудрей закинул шелк, стал барашком златошерстым и заблеял, и пошел. Что луна, мол, над долиной, МУНТ ручей, мол, по ущелью. Тинтидликал | мандолиной, дундудел виолончелью. Нимб обвинил волосьев копны. Лоб | горел от благородства. Я терпел, терпел и лопнул и ударил лапой Об стол. 448

Маяковский на выставке „20 лет работы“ Фото 1930 года

«Попрошу вас покороче. Бросьте вы | поэта корчить!
Посмотрю, с лица ли, сзади ль-вь тюльпан, а не писатель. Вы, | над
облаками рея, птица в человечесий рост, Вы, мусье, — из канареек,
чижик вы, мусье, и дрозд. В испытанье битв о и бед с вами, WTO ли,
мы полезем? В наше время ТОТ — ПОЭТ, тот — писатель, кто
полезен. Уберите этот торт! Стих даешь — хлебов подвозу. В наши дни
писатель тот, кто напишет марш и лозунг!» 1929—1930 29 В.
Маяковский, т. 1

ЛЕНИНЦЬ Если блокада нас не сморила, если не сожрала
война горяча,-это потому, что примером, мерилom было слово и мьсль
Ильича. -- Вперед за республику | лавой атак! На первый военный
клич! — Так велел защищаться Ильич! Втрое, каждый станок и
верстак, работу СВОЮ увеличь! Так велел работать Ильич. 450 ее |
дай: са чи а D Le bé а ПНР és p dé he или ла de tt tet а а ик май А і а а А
ll а 1 D Ат à ah à de

29+ Наполним нефтью республики бак! Уголь, расти от добыч! Так работать велел Ильич! «Снижай себестоимость, выведи брак!» — гудков вызывает зыч,— так работать звал Ильич. Комбайном на общую землю наляг. Огнем пустыри расфабричь! Так Советам велел Ильич. Сжимай экономией каждый пятак. Траты учись стричь,— так хозяйничать звал Ильич. Огнями ламп просверливай мрак, республику раззлектричь,-так велел рассветиться Ильич. Религия — опиум, религия — враг, 451

ДОВОЛЬНО поповских притч, — так ЖИТЬ велел Ильич.
Достань бюрократа под кипой бумаг, рабочей ярости бич,-так бороться велел Ильич. Не береги от критики лак, ЧИН в оправданье не тычь,— так велел держаться Ильич. «Слева» не рви коммунизма флаг, справа в уныньи не хнычь,— так ИДТИ наказал Ильич. Намордник фашистам! | Довольно сббак спускать на рабочую «дичь»! Так велел наступать Ильич. 452

ГР У Не. ст - = т- т р | Не хнычем, | а торжествуем | и
чествуем. Ленин с нами, | бессмертен и величав. По всей вселенной |
ширится шествие — | мыслей, | слов | и дел Ильича. | 1929 —1930 re ne
ее а EP PE Ent —————

Во весь медногорлый гудочный клич, всеми раскатами
тракторного храпа, тебе, товарищ Владимир Ильич, сегодня
республика делает рапорт. Новь пробивается во все углы. Строй старья
разболтан. Обещаем тебе, работники иглы, работники серпа и молота:
— Мы счистим подлиз и вредителей слизь, мь труд | разупорствуем
втрое, НО ТВОЙ человеческий социализм на всей планете построим!
1930 454 th 0 th tm asi ats. ss.

МАРШ ДВАДЦАТИ ПЯТИ ТЫСЯЧ Мы выбили белых орлов
да ворон, в боях по степям пролетали. На новый, ржаной, недосеянный
фронт сегодня вставай, пролетарий! Довольно по-старому землю
копать да гнуть над сохою спинйщи! Вперед, 25! Вперед, 25! Стальные
рабочие тыщи! Не жди, голодая, кулацких забот, не жди избавления с
неба. Колхоз голодуху мешками забьет, мешками советского хлеба, 452

На лошадь стальную уверенно сядь, на пашне пыхти,
тракторище. Вперед, 25 Вперед, 25! Стальные рабочие тыщи! Батрак и
рабочий — по крови родня, на фронте смешались костями. Рабочий,
батрак, бедняк и средняк — построим коммуны крестьян мы. Довольно
деревне безграмотной спать да богу молиться о пище! Вперед, 25!
Вперед, 25! Стальные рабочие тыщи! Враги наступают, покончить
пора с их бандой попово-кулачьей. Пусть в тысячи сил запыхтят
трактора наместо заезженной клячи. Кулак наготове, — смотрите,
опять с обрезом задворками рыщет. 456

ее ае РР у ни б НО I)""Ч|'rete er ьо На фронт, 25! Вперед, 25!
Стальные рабочие тыщи! Под жнейкой машинною, жатва, вались,
пусть хлеб урожаится втрое! Мы солнечный Ленинский социализм на
пашне советской построим. Мы раем разделаем каждую пядь любой
деревушки разницей. Вперед, 25! Вперед, 25! Стальные рабочие
тыщи! 1930

СТИХИ ДЕТЯМ ЧТО ТАКОЕ ХОРОШО И ЧТО ТАКОЕ
ПЛОХО Крошка сын к отцу пришел, и спросила кроха: | — Что такое
хорошо и что такое плох 0? — У меня секретов НеТ,— слушайте,
детишки, — папы этого ответ помещаю в книжке. — Если ветер
крыши рвет, если | град загрохал,-каждый знает — это ВОТ для
прогулок плохо. 458 ms mes > à el nn tn 21 PE. COND PE NOES ls a at
ыы tie a à a te th ht td ti 2 a tp sn hi ic PPO PA he PE

Дождь покапал и прошел, Солнце в целом свете. Это — очень хорошо и большим и детям. Если СНІН уерНее ночи, грязь лежит на рожице,-ясно, это плохо очень для ребячьей кожицы. Если мальчик любит мыло и зубной порошок, этот мальчик очень милый, поступает хорошо. Если бьет дрянной драчун слабого мальчишку, я такого не хочу даже вставить в книжку. Этот вот кричит: — Не трожь тех, кто меньше ростом! — 459

Этот мальчик так хорош, загляденье просто! Если ты порвал
подряд книжицу и мячик, октябрюта говорят: плоховатый мальчик.
Если мальчик любит труд, тычет в книжку пальчик, про такого пишут
тут: ОН хороший мальчик. От вороны карапуз убежал, заохав. Мальчик
этот просто трус. Это очень плохо. Этот, хоть и сам с вершок, спорит с
грозной птицей. Храбрый мальчик, хорошо, В жизни пригодится. Этот
в грязь полез и рад, что грязна рубаха. 460

— rg Про такого говорят: Он плохой, неряха. Этот
чистит валенки, моет сам галоши. Он хотя и маленький, но вполне
хороший. Номни это, каждый сын, знай, любой ребенок: вырастет из
сына СВНН, если сын — свиненок. Мальчик радостный пошел, и
решила кроха: «Буду делать хорошо, и не буду — плох 0». 1925

ЭТА КНИЖЕЧКА МОЯ ПРО МОРЯ И ПРО МАЯК 1

Разрезая носом воды, ходят в море пароходы. Дуют ветры яростные, гонят лодки парусные. Вечером, а также к ночи, плавать в море трудно очень. Все покрыто скалами, скалами немалыми. Ближе к суше еле-еле даже днем обходят мели. Капитан берет бинокль, но бинокль помочь не мог. Капитану так обидно — даже берега не видно. Закружит волна кружение, ВОТ и кораблекрушение. Вдруг — обрадован моряк: загорается маяк. В самой темени как раз показался красный глаз. Поморгал — и снова нет, 462 ee dit. ПРИТЧА is eminent НН УЗИ ee an с UE VERRONT 3E

и опять зажегся свет. Здесь, мол, тихо — все суда заплывайте
вот сюда. 2 Бьется в стены шторм и вой. Лестницею винтовой каждый
вечер, | ближе к ночи, на маяк идет рабочий. Наверху фонарище —
яркий, как пожарище. Виден он во все моря, нету ярче фонаря. Чтобы
всем заметиться, он еще и вертится. Труд большой рабочему —
простоять всю ночь ему. Чтобы пламя не погасло, подливает в лампу
масло, И чистит исключительное стекло увеличительное. Всем
показывает свет — здесь опасно или нет. Пароходы, корабли
запыхтели, загребли. Волны, как теперь ни ухайте, все, кто плавал, — в
тихой бухте, Нет ни волн, НИ ВОД, ни грома, детям сухо, дети дома.

463

3 Кличет книжечка моя: — Дети, будьте как маяк! Всем, кто ночью плыть не могут, освещай огнем дорогу.-Чтоб сказать про это вам, зтой книжечки слова и рисуночков наброски сделал дядя Маяковский. .
1926

ВОЗЬМЕМ ВИНТОВКИ НОВЫЕ Возьмем винтовки новые,
па штык флажки. И с песнею в стрелковые пойдем кружки. Раз, два!
Все в ряд! Вперед, ОТряд. Когда война-метелица придет опять,
должны уметь мы целиться, уметь стрелять. Шагай круче! Целься
лучше! И если двинет армии страна моя — мы будем санитарями во
всех боях. 30 В. Маяковский, т. 1 465

РаНАТ в лесу, К СВОИМ снесу. Бесшумною разведкою тиха
нога, за камнем и за веткою найдем врага. Ползу день, НОЧЬ МО- —
ИМ поМОЧЬ. Блестят винтовки новые, на них флажки. Мы с песнею в
стрелковые идем кружки. Раз, LA ere 2 Бо

МАЙСКАЯ ПЕСЕНКА Зеленые листики — и нет зимы. Идем
раздольем чистеньким о и я, и ты, Н Мы. Весна сушить развесила свое
мытье. Мы молодо и весело идем! Идем! Идем! На ситцах, на бумаге
— огонь на всём. Красные флаги несем. Несем! Несем! Улица рада,
весной умытая. Шагаем отрядом, и мы, и ты, ия. 1928 ЗС# 467

КЕМ БЫТЬ? У меня растут года — будет мне семнадцать.
Где работать мне тогда, чем заниматься? Нужные работники —
столяры и плотники! Сработать мебель мудрено: сначала мы берем
бревно и пилим доски длинные и плоские. Эти доски вот так зажимает
стол-верстак. От работы пила раскалилась добела. Рубанок в руки —
работа другая: сучки, закорюки рубанком стругаем. Хороши стружки,
желтые игрушки! А если нужен шар нам круглый очень, 468

РЕ на станке токарном круглое точим. Готовим понемножку
ТО ящик, то ножку. Сделали вот столько стульев и столиков! Столяру
— хорошо, а инженеру — лучше. Я бы строить дом пошел — пусть
меня научат. сначала начерчу дом такой, какой хочу. Самое главное,
чтоб было нарисовано здание славное, живое словно. Это будет перед
— называется фасад. Это каждый разберет: это — ванна, это — сад.
План готов, и вокруг сто работ на тышу рук. Упираются леса в самые
небеса. Где трудна работка, там визжит лебедка, подымает балки, будто
палки, 469

перетащит кирпичи, закаленные в печи. По крыше выложили жезл — и дом готов, и крыша есть. Хороший дом, большущий дом на все четыре стороны, и заживут ребята в нем удобно и просторно. Инженеру хорошо, а доктору — лучше. Я 6 детей лечить пошел — пусть меня научат. Детям я лечу болезни, где занятие полезней? Я приеду к Пете, я приеду к Поле. «Здравствуйте, дети! Кто у вас болен? Как живете? Как животик?» Погляжу ИЗ ОУКОВ КОНЧИКИ ЯЗЫЧКОВ. «Поставьте этот градусник подмышку, детишки!» И ставят дети радостно градусник подмышки. «Вам бы очень хорошо проглотить порошок и микстуру ложечкой пить понемножечку. Вам в постельку лечь поспать бы. 470 а вла ов. шв ши льва Оби иль ль | поры wants и рн РАДОН ЕЕ РР с

Вам — компрессик на живот, и тогда у вас до свадьбы все, конечно, заживет». Докторам хорошою, | а рабочим -лучше, я б в рабочие пошел -пусть меня научат. Вставай! Иди! Гудок зовет — и мы приходим на завод. Народа — рота целая, сто или двести. Чего один не сделает — сделаем. вместе. Можем железо ножницами резать, краном висящим тяжести тащим, молот паровой гнет и рельсы травой. Олово плавим, машинами правим. Работа всякого © нужна одинаково. Я гайки делаю, а ты — для гайки | делаешь винты. И идет работа всех прямо в сборочный цех. Болты, лезьте в дыры ровные, 471

части вместе сней огромные. Там ДЫМ, здесь гром. ГроМНМ
весь дом. И вот вылезит паровоз, чтоб вас и нас и нес и вез. На заводе
хорошо, а в трамвае — лучше. Я б кондуктором пошел — пусть меня
научат. Кондукторам езда везде — с большою сумкой кожаной ему
всегда, ему весь день в трамваях ездить можно. «Большие и дети,
берите билетик, билеты разные, бери любые, зеленые, красные и
голубые : Ездим рельсами. Окончилась рельса, и слезли у леса мы —
садись и грейся. 472

не пп о В бНН Кондуктору хорошо, а шоферу — лучше. Я б шофером пошел — пусть меня научат. Фырчит машина скорая, летит, скользя. Хороший шофер я — сдержать нельзя. Только скажите — вам куда надо? — без рельсы жителей доставлю на дом. Едем, дуДИМ! «С пуТН уйди!» Бьть шофером хорошо, а летчиком -лучше. Я бы в летчики пошел — пусть меня научат. Наливаю в бак бензин, завожу пропеллер. «В небеса, мотор, вези, чтоб взамен низин рядом птицы пели». Бояться не надо НИ ДОЖДЯ, ни града. Облетаю тучку, тучку-летучку. Белой чайкой паря, полетел за моря. 479

Без разговору пролетаю гору. «Вези, мотор, чтоб нас довез до звезд и до луны, хотя луна и масса звезд совсем удалены». Летчику хорошо, а матросу — лучше. Я б в матросы пошел — пусть меня научат. У меня на шапке лента, на матроске — якоря. Я проплавал это лето, океаны покоря. Напрасно, волны, скачете,-на зависть циркачу, на реях и по мачте гуляю, как хочу. Сдавайся, ветер выюжный, сдавайся, буря скверная,-открою полюс Южный, а Северный — наверное. Книгу переверошив, намотай себе на ус — все работы хороши, выбирай на вкус! 1928 dc TENE SDT) WY Yor AP COH in ee > PT ae eae PEЯ ewe ti tn sit ht sm EST

ПЕСНЯ-МОЛНИЯ За море синеволное, за сто земель _ И вод
разлейся, песня-молния, про пионерский слет. Идите, | слов не тратя,
на красный наш костер! Сюда, миллионы братьев! Сюда, миллион
сестер! Китайские акулы, умерьте вашу прыть, — мы с китайчонком-
кули пойдем акулу крыть. Веди светло и прямо к работе и к боям, моя
большая мама — республика моя. Растем от года к году МВІ, смотри,
земля-старик,-475

садами, огородами сменили пустыри. Везде родные наши, куда ни бросишь глаз. У нас большой папаша — стальной рабочий класс. Иди учиться рядышком, безграмотная старь. Пора, товарищ бабушка, садиться за букварь. Вперед, отряды сжатые, по ленинской тропе! У нас один вожатый -товарищ ВКП. 1929

МОЕ ОТКРЫТИЕ АМЕРИКИ

МЕКСИКА Два слова. Моя последняя дорога — Москва, Кенигсберг (воздух), Берлин, Париж, Сантназер, Жижон, Сантандер, Мыс-ла-Коронь (Испания), Гаванна (остров Куба), Вера-Круп, Мехикосити, Лоредо (Мексика), Нью-Йорк, Чикаго, Филадельфия, Детройт, Питсбург, Кливланд (Северо-Американские Соединенные Штаты), Гавр, Париж, Берлин, Рига, Москва. Мне необходимо ездить.

Обращение с живыми вещами почти заменяет мне чтение книг. Езда хватает сегодняшнего читателя. Вместо выдуманных интересностей о скучных вещах, образов и метафор — вещи, интересные сами по себе.

| Я жил чересчур мало, чтобы выписать правильно и подробно частности. Я жил достаточно мало, чтобы верно дать общее. 18 дней океана. Океан — дело воображения. И на море не видно берегов, и на море волны больше, чем нужны в домашнем обиходе, и на море не знаешь, что под тобой. Но только воображение, что справа нет земли до полюса и что слева нет земли до полюса, впереди совсем новый, второй свет, а под тобой, быть может, Атлантида, — только это воображение есть Атлантический океан. Спокойный океан скучен. 18 дней мы ползем, как муха по зеркалу. Хорошо поставленное зрелище было только один раз; уже на обратном пути из Нью-Йорка в Гавр. Сплошной ливень вспенил белый океан, белым заштриховал 479

небо, сшил белыми нитками небо и воду. Потом была радуга. Радуга отразилась, замкнулась в океане, — и мы, как циркачи, бросались в радужный обруч. Потом — опять пловучие губки, летучие рыбки, летучие рыбки и опять пловучие губки Сарагоссова моря, а в редкие торжественные случаи — фонтаны китов. И все время надоедающая (даже до тошноты) вода и вода. Океан надоедает, а без него скушно. Потом уже долго-долго надо, чтобы гремела вода, чтоб успокаивающе шумела машина, чтоб в такт позванивали медяшки люков. Пароход «Зспань» 14000 тонн. Пароход маленький, | вроде нашего «ГУМа». Три класса, две трубы, одно кино, кафе-столовая, библиотека, концертный зал и газета. Газета «Атлантик». Впрочем, паршивая. На первой странице великие люди: Балиев да Шаляпин, в тексте описание отелей (материал, очевидно, заготовленный на берегу) да жиденький столбец новостей — сегодняшнее меню и последнее радио, вроде: «В Марокко все спокойно». Палуба разукрашена разноцветными фонариками, и всю ночь танцует первый класс с капитанами. Всю ночь чаяривает джаз: Маркита, Маркита, Маркита моя! ,Зачем ты, — Маркита, | не любишь меня... Классы -- самые настоящие. В первом — купцы, фабриканты шляп и воротничков, тузы искусства и монашенки. Люди странные: турки по национальности, говоДАТ только по-английски, живут всегда в Мексике, — представители французских фирм с парагвайскими и аргентинскими паспортами. Это — сегодняшние колонизаторь, мексиканские штучки. Как раньше за грошвые побрякушки спутники и потомки Колумба обирали индейцев, как сейчас за красный галстук, приобщающий негра к европейской цивилизации, на гавайских плантациях сгибают в три погибели краснокожих. Держатся обособленно. В третий и во второй идут только если за хорошенькими 480

девочками. Второй класс — мелкие коммивояжеры, начинающие искусство и стучающая по ремингтонам ННтеллигенция. Всегда незаметно от боцманов, бочком втираются в палубы первого класса. Станут и СТОАТ,— дескать, чем же я от вас отличаюсь: воротнички на мне те же, манжеты тоже. Но их отличают и почти вежливо просят уйти к себе. Третий — начинка трюмов. Ищущие работы из Одесс всего света — боксеры, сыщики, негры. Сами наверх не суются. У заходящих с других классов спрашивают с угрюмой завистью: «Вы с преферанса?». Отсюда поднимаются спертый запахи пота и сапожищ, кислая вонь просушиваемых пеленок, скрип гамаков и походных кроватей, облепивших всю палубу, резаный рев детей и шепот почти по-русски урезонивающих матерей: «Уймись ты, кисанка моя, заплаканная». Первый класс играет в покер и маджонг, второй — в шашки и на гитаре, третий — заворачивает руку за спину, закрывает глаза, сзади хлопают из всех сил по ладони, — надо угадать, кто хлопнул из всей гурьбы, и узанный заменяет избиваемого. Советую вузовцам испробовать эту испанскую игру. Первый класс тошнит куда хочет, второй — на третий, а третий — сам на себя. | Событий никаких. Ходит телеграфист, орет о встречах парокладах. Можете отправить радио в Европу. А заведующий библиотекой, ввиду малого спроса на книги, занят и другими делами: разносит бумажку с десяти цифрами. Внеси 10 франков и запиши фамилию; если цифра пройденных миль окончится на твою — получай 100 франков из этого морского тотализатора. Мое незнание языка и молчание было истолковано как молчание дипломатическое, и один из купцов, встречая меня, всегда для поддержки знакомства с высоким пассажиром почему-то срал: «Хорош Плевна»,-- два слова, заученные им от еврейской девочки с третьей палубы. Накануне приезда в Гаванну пароклад оживился. Была дана «Томбола» — морской благотворительный праздник в пользу детей погибших моряков. Первый класс устроил лотерею, пил шампанское, склонял имя купца Макстона, пожертвовавшего 2000 франКОВ,— имя это было вывешено на доске объявлений, а 31 В. Маяковский, т. 1 461

грудь Макстона под общие аплодисменты украшена
Трехцветной лентой с его, Макстоновой, фамилией, тисненной
золотом. Третий тоже устроил праздник. Но медяки, кидаемые первым
и вторым в шляпы, третий собирал в свою пользу. Главный номер —
бокс. Очевидно, для любящих этот спорт англичан и американцев.
Боксировать никто не умел. Противно — бьют морду в жару. В первой
паре пароходный кок — голый, щуплый, волосатый француз в черных
дырявых носках на голую ногу. Кока били долго. Минут пять он
держался от умения и еще минут двадцать из самолюбия, а потом
взмолился, опустил руки и ушел, выплевывая кровь и зубы. Во второй
паре дрался дурак-болгарин, хвастливо открывавший грудь,— с
американцем-сыщиком. Сыщика, профессионального боксера,
разбирал смех,— он размахнулся, но от смеха и удивления не попал, а
сломал собственную руку, плохо сросшуюся после войны. Вечером
ходил арбитр и собирал деньги на поломанного сыщика. Всем
объявлялось по секрету, что сыщик со специальным тайным
поручением в Мексике, а слечь надо в Гаванне, а безрукому никто не
поможет, — зачем он американской полиции? Это я понял хорошо,
потому что и американец-арбитр в соломенном шлеме оказался
одесским сапожником-евреем. А одесскому еврею все надо,— даже
вступаться за незнакомого сыщика под тропиком Козерога. Жара
страшная. Пили воду — и зря: она сейчас же выпаривалась потом.
Сотни вентиляторов вращались на оси и мерно нокачивали и крутили
головой — обмахивая первый класс. Третий класс теперь ненавидел
первый еще и за то, что ему прохладнее на градус. Утром, жареные,
печеные и вареные, мы подошли к белой и стройками и скалами
Гаванне. Подлип таможенный катерок, а потом десятки лодок и
лодчонок с гаванской картошкой — ананасами. Третий класс кидал
деньгу, а потом выуживал ананас веревочкой. На двух конкурирующих
лодках два гаванца ругались на чисто русском языке: «Куда ты прешь
со своей ананасиНОН, мать твою...» 482 ET ie Даль. à sant б D tt PE PИ
РАД РАНА

ее — Em т Мідь садів |е Гаванна. Стояли сутки. Брали уголь. В Вера-Круц угля нет, а его надо на шесть дней ездъ, туда и обратно по Мексиканскому заливу. Первому классу пропуска на берег дали немедленно и всем, с заносом в каюту. Купцы в белой чесуче сбегали возбужденно с дюжинами чемоданчиков — образцов подтяжек, воротничков, граммофонов, фиксатуаров и красных негритянских галстуков. Купцы возвращались ночью пьяные, хвастаясь дареными двухдолларовыми сигарами. Второй класс сходил с выбором. Пускали на берег нравящихся капитану. Чаще — женщин Третий класс не пускали совсем — и он торчал на палубе, в скрежете и грохоте углесосов, в черной пыли, прилипшей к липкому поту, подтягивая на веревочке ананасы. К моменту спуска полил дождь, никогда не виданный мной тропический дождина. Что такое дождь? Это — воздух с прослойкой ВОДЫ. Дождь тропический — это сплошная вода с прослойкой воздуха. | Я первоклассник. Я на берегу. Я спасаюсь от дождя в огромнейшем двухэтажном пакгаузе. Пакгауз от пола до потолка начинен «виски». Таинственные надписи: «Кинг Жорж», «Блэк энд уайт», «Уайт хорс» — чернели на ящиках спирта, контрабанды, вливаемой отсюда в недалекие трезвые Соединенные Штаты. За пакгаузом — портовая грязь кабаков, публичных домов и гниющих фруктов. За портовой полосой — чистый богатейший город мира. Одна сторона — разэкзотическая. На фоне зеленого моря черный негр в белых штанах продает пунцовую рыбу, подымая ее за хвост над собственной головой. Другая сторона — мировые табачные и сахарные лимитеды с десятками тысяч негров, испанцев и русских рабочих. А в центре богатств — американский клуб, десятиэтажный Форд, Клей и Бок — первые ощутимые признаки владычества Соединенных Штатов над всеми тремя — над Северной, Южной и Центральной Америкой. Им принадлежит почти весь гаванский Кузнецкий мост: длинная, ровная, в' кафе, рекламах и фонарях Прадо;

01" 483

по всей Ведадо, перед их особняками, увитыми розовым каларио, стоят на ножке фламинго цвета рассвета. Американцев ‘берегут на своих низеньких табуретах под зонтиками стоящие полицейские. Все, что относится к древней экзотике, красочно, поэтично и малоодоходно. Например, красивейшее кладбище бесчисленных Гомецов и Лопецов с черными даже днем аллеями каких-то сплетшихся тропических бородатых деревьев. Все, что относится к американцам, прилажено прилежно и организовано. Ночью я с час простоял перед окнами гаванского телеграфа. Люди разомлели в гаванской жаре, пишут, почти не двигаясь. Под потолком на бесконечной ленте носятся зажатые в железных лапках квитанции, бланки и телеграммы. Умная машина вежливо берет от барышни телеграмму, передает телеграфисту и возвращается от него с последними курсами мировых валют. И, в полном контакте с нею, ОТ тех же двигателей вертятся и покачивают головами вентиляторы. Обратно я еле нашел дорогу. Я запомнил улицу по эмалированной дощечке с надписью «трафиго». Как будто ясно — название улицы. Только через месяц я узнал, что «трафиго» на тысячах улиц просто указывает направление автомобилей. Перед уходом парохода я сбежал за журналами. На площади меня поймал оборванец. Я не сразу мог понять, что он просит о помощи. Оборванец удивился: — Ду © спик инглиш? Парлата зспаньола? Парле ву франсе? Я молчал и только под конец сказал ломано, чтоб отвязаться: «Ай эм реша!» Это был самый необдуманный поступок. Оборванец ухватил обеими руками мою руку и заорал: — Гип большевик! Ай эм большевик! Гип, гип! Я скрылся под недоуменные и опасливые взгляды проХОМКНХ. Мь отплывали уже под гимн мексиканцев. Как украшает гимн людей,-- даже купцы стали серьезны, вдохновенно повскакивали с мест и орали что-то вроде: Будь готов, мексиканец, вскочить на коня... 484

бі Ої" TP VIP PP HAV ITI, ere oe =—=—— м > К ужину давали незнакомые мне еды — зеленый кокосовый орех с намазывающейся маслом сердцевинкой и фрукт манго — шарж на банан, с большой волосатой коСТОУКОН. Ночью я с завистью смотрел пунктир фонарей далеко по правой руке, — это горели железнодорожные огни Флориды. На железных столбах в третьем классе, к которым прикручивают канаты, сидели вдвоем я и эмигрирующая одесі ская машинистка. Машинистка говорила со слезой: — Нас сократили, я голодала, сестра голодала, дво:оз родный дядька позвал из Америки. Мы сорвались и уже год плаваем и ездим от земли к земле, от города к городу. У сестры — ангина и нарыв. Я звала вашего доктора. Он не пришел, а вызвал к себе. Пришли, говорит — раздевайтесь. Сидит с кем-то и смеется. В Гаванне хотели слезть зайцами — оттолкнули. Прямо в грудь. Больно. Так в Константинополе, так в Александрии. Мы — третьи... Этого и в Одессе не бывало. Два года ждать нам, пока пустят из Мексики в Соединенные Штаты... Счастливый! Вы через полгода опять увидите Россию. Мексика. Вера-Круц. Жиденский бережок с маленькими низкими домишками. Круглая беседка для встречающих рожками музыкантов. Взвод солдат учится и марширует на берегу. Нас прикрутили канатами. Сотни маленьких людей в тричетвертиаршинных шляпах кричали, вытягивали до второй палубы руки с носильщическими номерами, дрались друг с другом из-за чемоданов и уходили, подламываясь под огромной клажей. Возвращались, вытирали лицо и орали и клянчили снова. — Где же индейцы? — спросил я соседа. — Это индейцы, — сказал сосед. Я лет до двенадцати бредил индейцами по Куперу и Майн-Риду. И вот стою, оторопев, как будто перед моими глазами павлинов переделывают в куриц. Я был хорошо вознагражден за первое разочарование. Сейчас же за таможней пошла непонятная, своя, изумляющая жизнь. | Первое — красное знамя с серпом и молотом в окне двухэтажного дома. 485

Ни к каким советским консульствам это знамя никак не относится. Это «организация ШПораля». Мексиканец въезжает в квартиру и выкидывает флаг. Это значит: «Въехал с удовольствием, а за квартиру платить не буду». Вот и все. Попробуй — вышиби. В крохотной тени от стен и заборов ходят коричневые люди. Можно идти и по солнцу, но тогда тихо, тихо — иначе солнечный удар. Я узнал об этом поздно и две недели ходил, раздувая ноздри и рот — чтобы наверстать нехватку разреженного воздуха. Вся жизнь, и дела, и встречи, и еда — все под холщовыми полосатыми навесами на улицах. Главные люди — чистилычики сапог и продавцы ЛСтерейных билетов. Чем живут чистилычики сапог,-- не знаю. Индейцы босые, а если и обуты, то во что-то не поддающееся ни чистке, ни описанию. А на каждого имеющего сапог — минимум 5 чистилычиков. Но лотерейщиков еще больше. Они тысячами ходят с отпечатанными на папиросной бумаге миллионами выигрышных билетов, в самых мелких купюрах. А наутро уже выигрыши с массой грошовых выдач. Это уже не лотерея, а какая-то своеобразная, полукарточная, азартная игра. Билеты раскупают, как в Москве подсолнухи. В ВераКруц не задерживаются долго: покупают мешок, меняют доллары, берут мешок с серебром за плечи и идут на вокзал покупать билет в столицу Мексики — Мехико-сити. В Мексике все носят деньги в мешках. Частая смена правительств (за отрезок времени в 28 лет — 30 президентов) подорвала доверие к каким бы то ни было бумажкам. Вот и мешки. В Мексике бандитизм. Признаюсь, я понимаю бандитов. А вы, если перед вашими носами звенят золотым мешком, разве не покуситесь? На вокзале увидел вблизи первых военных. Большая шляпа с пером, желтое лицо, шестивершковые усы, палаш до полу, зеленые мундиры и лакированные желтые краги. Армия Мексики интересна. Никто, и военный министр тоже, не знает, сколько в Мексике солдат. Солдаты под генералами. Если генерал за президента, он, имея тысячу 486 в ри рр СИС

солдат, хвастается. десятью тысячами. А получив На десять, продает еду и амуницию девяти. Если генерал против президента, ОН щеголяет статистикой в тысячу, а в нужный момент выходит драться с деСАТНЮ. Поэтому военный министр на вопрос о количестве войска отвечает: — Кин сав, кин сав. Кто знает, кто знает. Может, тридцать тысяч, но возможно — и сто. Войско живет по-древнему — в палатках со скарбом, с женами и с детьми. Скарб, жены и дети этакой махновщиной выступают во время междоусобных войн. Если у одной армии нет патроНОВ, но есть маис, а другие без Манса, но с патронами — армии прерывают сражение, семьи ведут меновую торговлю, одни наедятся маисом, другие наполнят патронами сумки — и снова раздувают бой. По дороге к вокзалу автомобиль спугнул стаю птиц. Есть чего испугаться. Гусиных размеров, вороньей черноты, с голыми шеями и большими клювами, они подымались над нами. Это «зопилоты», мирные вороны Мексики; ихнее дело — всякий отброс. | Отъехали в девять вечера. Дорога от Вера-Круц до Мехико-сити, говорят, самая красивая в мире. На высоту 3000 метров вздымается она по обрывам, промежду скал и сквозь тропические леса. Не знаю. Не видал. Но и проходящая мимо вагона тропическая ночь необыкновенна. В совершенно синей, ультрамариновой ночи черные тела пальм — совсем длинноволосые богемцы-художники. Небо и земля сливаются. И вверху и внизу звезды. Два комплекта. Вверху неподвижные и общедоступные небесные светила, внизу ползущие и летающие звезды светляков. Когда озаряются станции, видишь глубочайшую грязь, ослов и длинношляпых мексиканцев в «сарапи» — пестрых коврах, прорезанных посередине, чтоб просунуть голову и спустить концы на живот и за спину. Стоят, смотрят — а двигаться не их дело. Над всем этим сложный, тошноту вызывающий запах, — странная помесь вони газolina и духа гнили банана. и ананаса. ы DIT PEER 487

Я встал рано. Вышел на площадку. Было все наоборот. Такой земли я не видал и не думал, что такие земли бывают. На фоне красного восхода, сами окрапленные красным, стояли кактусы. Одни кактусы. Огромными ушами в бородавках вслушивался нопаль, любимый деликатес ослов. Длинными кухонными ножами, начинающимися из одного места, вырастал могей. Его перегоняют в полупиво-полуводку — «пульке», спаивая голодных индейцев. А за нопалем и могеем, в пять человеческих ростов, еще какой-то сросшийся трубами, как орган консерватории, только темнозеленый, в иголках и шишках. По такой дороге я въехал в Мехико-сити. Диего-де-Ривейра встретил Мега на вокзале. Поэтому живопись — первое, с чем я познакомился в МехикоСНТН. Я раньше только слышал, будто Диего — один из основателей компартии Мексики, что Диего величайший мексиканский художник, что Диего из кольта попадает в монету на лету. Еще я знал, что своего Хулио Хуренито Эренбург пытался писать с Диего. Диего оказался огромным, с хорошим животом, широколицым, всегда улыбающимся человеком. Он рассказывает, вмешивая русские слова (Диего великолепно понимает по-русски), тысячи интересных вещей, но перед рассказом предупреждает: — Имейте в виду, и моя жена подтверждает, что половину из всего сказанного я привираю. Мы с вокзала, закинув в гостиницу вещи, двинулись в мексиканский музей. Диего двигался тучей, отвечая на сотни поклонов, пожимая руку ближайшим и перекрикиваясь с идущими другой стороной. Мы смотрели древние, круглые, на камне, ацтекские календари ‘из мексиканских пирамид, двумордых идолов ветра, у которых одно лицо догоняет другое. Смотрели, и мне показывали не зря. Уже мексиканский посол в Париже, г-н Райес, известный новеллист Мексики, предупреждал меня, что сегодняшняя идея мексиканского искусства это — исход из древнего, пестрого, грубого народного индейского искусства, а не из эпигонски-эклектических форм, завезенных 488

(ее а ее - ЕЕ — ае сюда из Европы. Эта идея — часть, может, еще и не осознанная часть, идеи борьбы и освобождения колониальных рабов. Поженить грубую характерную древность с последними днями французской модернистской живописи хочет Диего в своей еще не оконченной работе — росписи всего здания мексиканского министерства народного просвещения. Это много десятков стен, дающих прошлую, настоящую и будущую историю Мексики. Первобытный рай, со свободным трудом, с древними обычаями, праздниками майса, танцами духа смерти и жизни, фруктовыми и цветочными дарами. Потом — корабли генерала Эрнандо Кортеса, покорение и закабаление Мексики. Подневольный труд с плантатором (весь в револьверах), валяющимся в гамаке. Фрески ткацкого, литейного, гончарного и сахарного труда. Подымающаяся борьба. Галерея застреленных революционеров. Восстание с землей, атакующей даже небеса. Похороны убитых революционеров. Освобождение крестьянина. Учение крестьян под охраной вооруженного народа. Смычка рабочих и крестьян. Стройка будущей земли. Коммуна — расцвет искусства и знаний. Эта работа была заказана предыдущим недолговечным президентом в период его заигрывания с рабочими. Сейчас эта первая коммунистическая роспись в мире — предмет злейших нападков многих высоких лиц из правительства президента Кайеса. | Соединенные Штаты — дирижер Мексики — дали бропеносцами и пушками понять, что мексиканский президент только исполнитель воли североамериканского Капитала. А поэтому (вывод нетруден) незачем разводить коммунистическую агитационную живопись. Были случаи нападения хулиганов и замазывания и соскребывания картин. В этот день я обедал у Диего. Его жена — высокая красавица из Гвадалахары. Ели чисто мексиканские вещи. Сухие, пресные-пресные тяжелые лепешки-блины. Рубленое скатанное мясо с массой муки и целым пожаром перца. До обеда кокосовый орех, после — манго. 459

Запивается отдающей самогоном дешевой водкой — коньяком-хабанерой. Потом перешли в гостиную. В центре дивана валялся годовалый сын, а в изголовьи на подушке бережно лежал огромный колыт. Приведу отрывочные сведения и о других искусствах. Поэзия. Ее много. В саду Чапультапеке есть целая аллея поэтов — Кальсада дель поэтос. Одинокие мечтательные фигуры скребутся в бумажки. Каждый шестой человек — обязательно поэт. | Но все мои вопросы критикам о сегодняшней значительной мексиканской поэзии, о том, есть ли что-либо похожее на советские течения,-- оставались без ответа. Даже коммунист Гереро, редактор железнодорожного журнала, даже рабочий писатель Крус пишут почти одни лирические вещи со сладострастиями, со стонами и шепотами, и про свою любимую говорят: Кот лео нубио (как нубийский лев). Причина, я думаю, — слабое развитие поэзии, слабый социальный заказ. Редактор журнала «Факел» доказывал мне, что платить за стихи нельзя,-- какая же это работа! Их можно помещать только как красивую человеческую позу, прежде всего выгодную и интересную одному автору. Интересно, что этот взгляд на поэзию был и в России в предпушкинскую и даже в пушкинскую эпоху. Профессионалом, серьезно вставлявшим стихи в бюджет, был, кажется, тогда только один Пушкин. Поэзия напечатанная, да и вообще хорошая книга, не идет совсем. Исключение — только переводные романы. Даже книга «Грабительская Америка», насущная книга об империализме в Соединенных Штатах и возможности объединения латинской Америки для борьбы, переведенная и напечатанная уже в Германии, здесь расходится в пятистах экземплярах и то чуть ли не при насильственной подписке. Те, кто хотят, чтоб их поэзия шла, издают лубочные листки с поэмкой, приспособленной к распеву на какойнибудь общеизвестный мотив. Такие листки показывал мне делегат Крестинтерна товарищ Гальван. Это — предвыборные листки с его же стихами, за грош продающимися по рынкам. Этот способ 490
ее ее ЩИ

надо бы применить вапповцам и мапповцам — вместо толстенных академических антологий на рабоче-крестьянском верже, в 5 рублей ценой. Русскую литературу любят и уважают, хотя больше понаслышке. Сейчас переводится (!) Лев Толстой, Чехов, а из новых я видел только «Двенадцать» Блока да мой «Левый марш». Театр. Драмы, оперы, балет пустуют. Забзжая Анна Павлова имела бы полный зал, только б если у нее двоилось в глазах. Я был раз в огромном театре на спектакле кукол. Было жутко видеть это приехавшее из Италии потрясающее искусство. Люди, казавшиеся живыми, ломались в гимнастике по всем суставам. Из бабы человеческой величины десятками вылетали танцевать крохотные куколки обоего пола. Оркестр и хор полуаршинных людей выводили невозможные рулады, и даже на этом официальном спектакле в пользу авиаторов Мексики полны были только ложи дипломатических представителей, хотя билеты и продавались вручную, вразнос. Есть два «батаклана», — подражание голым парижским ревю. Они полны. Женщины тощие и грязные. Очевидно, уже вышедшие из моды, из лет и из успеха в Европе и в Штатах. Пахнет потом и скандалом. Номер получасового вращения (с дрожью) задом (обратная сторона танца живота) повторяется трижды — и снова бешеный свист, заменяющий в Мексике аплодисменты. Так же посещаем кино. Мексиканское кино работает от восьми вечера и показывает одну неповторяющуюся программу из трех-четырех огромных лент. Содержание ковбойское, происхождение американское. Но самое любимое, самое посещаемое зрелище — это бой быков. Огромное стальное строение арены — единственное здание по всем правилам, по всей американской широте. Человек — тысяч на сорок. Задолго до воскресенья газеты публикуют: ЛОС ОЧОС ТОРОС (Восемь быков) 491

Быков и лошадей, принимающих участие в битве, можно заранее осматривать в конюшнях торо. Такие-то и такие-то знаменитые торреадорь, матадорь и пикадоры принимают участие в празднике. В назначенный час тысячи экипажей со светскими дамами, катящими с ручными обезьянками в своих «ройльсах», и десятки тысяч пешеходов прут к стальному зданию. Цены на билеты, раскупленные барышниками, вздуты вдвое. Цирк открытый. Аристократия берет билеты в теневой, дорогой стороне, плебс — на дешевой, солнечной. Если после убийства двух быков, из общей программы в 6 или в 8, дождь заставляет прекратить живодерню, публика — так было в день моего приезда — ярится и устраивает погром администрации и деревянных частей. Тогда полиция прикатывает брандспои и начинает окачивать солнечную (плебейскую) сторону водой. Это не помогает, — тогда стреляют в тех же солнечников. Торо. Перед входом огромная толпа ждет любимцев-быкобоев. Именитые граждане стараются сняться рядом с высокомерным быкобойцем, аристократки-синьоры дают, очевидно для облагораживающего влияния, поддержать им своих детей. Фотографы занимают места почти на бычьих рогах — и начинается бой. Сначала пышный, переливающий блестками парад. И уже начинает бесноваться аудитория, бросая котелки, пиджаки, кошельки и перчатки любимцам на арену. Красиво и спокойно, сравнительно, проходит пролог, когда торреадор играет с быком красной тряпкой. Но уже с бандерильеров, когда быку в шею втыкают первые копыя, когда пикадоры обрывают быкам бока и бык становится постепенно красным, когда его взбешенные рога врезаются в лошажьи животы и лошади пикадоров секунду носятся с вывалившимися кишками — тогда зловещая радость аудитории доходит до кипения. Я видел человека, который прыгнул со своего места, выхватил тряпку торреадора и стал взвивать ее перед бычьим носом. Я испытал высшую радость: бык сумел воткнуть рог между человеческими ребрами, мстя за товарищей-быков. Человека вынесли. 492 ns chien. hie

Никто на него не обратил внимания. Я не мог и не хотел видеть, как вынесли шпагу главному убийце и он втыкал ее в бычье сердце. Только по бешеному грохоту толпы я понял, что дело сделано. Внизу уже ждали тушу с ножами сдиратели шкур. Единственное, о чем я жалел, это о том, что нельзя установить на бычьих рогах пулеметов и нельзя его выдрессировать стрелять. Почему нужно жалеть такое человечество? Единственное, что примиряет меня с боем быков, это — то, что и король Альфонс испанский против него. Бой быков — национальная мексиканская гордость. Когда, распроставшись с своим делом, купив дома и обеспечив себя и детей едой и лакеями, знаменитый быкобоец Рудольфо Гооно уехал в Европу — вся пресса взвыла, собирая анкеты: имеет ли право уезжать этот великий человек? у кого будет учиться, с кого будет брать пример подрастающая Мексика? Поражающих архитектурных памятников новой стройки я в Мексике не видел. Быстро меняющиеся президенты мало задумываются о долговечных стройках. Диэц, пропрезидентствовавший тридцать лет, под конец начал строить не то сенат, не то театр. Диэца прогнали. С тех пор прошло много лет. Готовый скелет из железных балок стоит, а сейчас, кажется, его получил на слом или продажу за какие-то услуги президенту какой-то мексиканский спекулянт. Новой и хорошей вещью мне показался памятник Сервантесу (копия севильского). Возвышающаяся площадка, обнесенная каменными скамейками, посредине фонтан, очень нужный в мексиканской жаре. Скамейки и низкие стены выстланы плитками, воскрешающими в простеньких лубочках похождения Доп-Кихота. Маленький Дон и Санчо-Панса стоят по бокам. Никаких изображений усатого или бородатого Сервантеса. Зато два шкафика его книг, которые тут же много лет листают возвышенные мексиканцы. Город Мехико-сити плоский и пестрый. Снаружи почти все домики — ящиками. Розовые, голубые, зеленые. Преобладающий цвет розовато-желтый, таким морским песком на заре. Фасад дома сучен, вся его красота — внутри. Здесь дом образует четырехугольный дворик.

Дворик 493

усажен всякой цветущей тропичностью. Перед всеми домами обнимающая дворик двух-трех-четырёхэтажная терраса, обитая зеленью, увешанная горшками с ползучими растениями и клетками попугаев. Целое огромное американское кафе Самборн устроено так: застеклена крыша над двориком — вот и все. Это — испанский тип домов, завезенный сюда завоевателями. От старого восьмисотлетнего Мехико, — когда все это пространство, занимаемое городом, было озеро, обнесенное вулканами, и только на островочке стояло пуэбло, своеобразный город-дом-коммуна, тысяч на 40 человек, — От этого ацтекского города не осталось и следа. Зато масса дворцов и домов первого завоевателя Мексики — Кортеса и его эпохи, недолгого царя Итурбиды, да церкви, церкви и монастыри. Их много больше 10 000 расставлено в Мексике. И огромные новые соборы, вроде брата Нотр-Дама, — от кафедрала на площади Сокола до маленькой церковки в старом городе, без окон, заплесневевшей и зацветшей. Она брошена лет двести назад после сражения монахов с кем-то, — вот и стоит дворик, в котором еще и сейчас валяется допотопное оружие, в том порядке, — вернее беспорядке, — в котором побросали его разбитые осажденные. И мимо огромных книг на деревянных подставках носятся летучие мыши и ласточки. «Правда, упомянутым кафедралем для молений пользуются мало, — у кафедрала с одной стороны вход, а с другой — четыре выхода на четыре улицы. Мексиканские синьорины и синьориты пользуются собором как проходным двором для того, чтобы, оставив в ждущем шофере впечатление религиозной невинности, выскользнуть с другой стороны в объятия любовника или под руку поклонника. Хотя церковные земли конфискованы, процессии религиозные запрещены 'правительством, но это остается только на бумаге. На деле, кроме попов, религию блюдут и множество своеобразных организаций: «Рыцари Колумба», «Общество дам-католичек», «Общество молодых катоЛИМКОВ» И т. ЛЛ. Это — дома и здания, на которых останавливаются гиды и Куки. Дома истории — дома попов и дома богатых. 494 mi вв

Коммунисть показывали мне квартал бедняков, мелких подмастерьев, безработных. Эти домики лепятся друг к другу, как ларьки на Сухаревке, но с еще большей грязью. В этих домах нет окон, и в открытые двери видно, как лепятся семьи из восьми, из десяти человек в одной такой комнатке. Во время ежедневных летних мексиканских дождей вода заливает протоптанные ниже тротуаров полы и стоит вонючими лужами. Перед дверьми мелкие худосочные дети едят вареный маис, продающийся здесь же и хранящийся теплым под грязными тряпками, на которых ночью спит сам торговец. Взрослые, у которых еще есть 12 сантимов, сидят в «пулькерей» — этой своеобразной мексиканской пивной, украшенной коврами сарапи с изображением генерала Боливара, с пестрыми лентами или стеклярусами вместо дверей. | Кактусовый пульке, без еды, портит сердце и желудок. И уже к сорока годам индеец с одышкой, индеец с одутловатым животом. И это — потомок стальных Ястребиных Когтей, охотников за скальпами! Это — обобранная американскими цивилизующими империалистами страна, — страна, в которой до открытия Америки валяющееся серебро даже не считалось драгоценным металлом, — страна, в которой сейчас не купишь и серебряного фунта, а должен искать его на Волстрит в Нью-Йорке. Серебро американское, нефть американская. На севере Мексики во владении американцев и густые железные дороги и промышленность по последнему техническому слову. А экзотика — на кой она черт! Лианы, попугаи, тигры и малярии, это — на юге, это — мексиканцам. Что американцам? Тигров, что ли, ловить да стричь шерсть на кисточки для бритья? Тигры — это мексиканцам. Им — голодная экзотика. Самая богатая страна мира, уже посаженная ое американским империализмом на голодный паек. _ Жизнь города начинается поздно, в 8—9 часов. Открываются рынки, слесарные, сапожные и портняжные мастерские, все электрифицированные, со станками для обпиливания и крашения каблуков, с утюгами для глажения сразу всего костюма. За мастерскими — правительственные учреждения. 495

Масса такси и частных автомобилей попеременно с демократическими тряскими грязными автобусами, не комфортабельней и не вместительней нашего грузового полка. Авто конкурирует с автобусами и авто разных фирм между собой. Эта конкуренция при больше чем страстном характере испанцев-шоферов приобретает прямо боевые формы. Авто гоняется за авто, авто вместе гоняются за автобусом, а все сообща въезжают на тротуары, охотясь за необдуманно пешеходами. Мехико-сити — первый в мире город по количеству несчастных случаев от автомобилей. Шофер в Мексике не отвечает за увечья (берегись сам!), поэтому средняя долгота жизни без увечий десять лет. Раз в десять лет давят каждого. Правда, есть и нераздавленные в течение двадцати лет, но это за счет тех, которые в пять лет уже раздавлены. В отличие от врагов мексиканского человечества — автомобилей — трамваи исполняют гуманную роль. Они развозят покойников. Часто видишь необычное зрелище. Трамвай с плачущими родственниками, а на прицепе-катафалке покойник. Вся эта процессия жарит всю с массой звонков, но без остановок. Своеобразная электрификация смерти! Сравнительно с Соединенными Штатами народу на улицах мало,-- домишки маленькие, с садами, протяжение города огромное, а жителей всего 600 тысяч. Уличных реклам мало. Только ночью врезается одна. Мексиканец из электрических лампочек накидывает лассо на коробку папирос. Да все такси украшены изогнувшейся в плавание женщиной — реклама купальных костюмов. Единственная реклама, которую любит малоудивляющийся мексиканец, это «барата» — распродажа. Этими распродажами заполнен город. Самые солидные фирмы обязаны ее объявлять — без распродажи мексиканца не заставишь купить даже фиговый лист. В мексиканских условиях это не шутка. Говорят, муниципалитет повесил на одной из застав, вводящих в Мехико-сити, для усовещивания чересчур натуральных индейцев вывеску: 496

| В МЕХИКО-СИТИ БЕЗ ШТАНОВ ВХОД

ВОСПРЕЩАЕТСЯ с Магазиная экзотика есть, но она для дураков, для заезжих, скупающих сувениры, сухопарых американок. К их услугам прыгающие бобы, чересчур яркие сарапи, от которых будут шарахаться все ослы Гвадалахары, сумочки с тисненым ацтекским календарем, открытки с попугаями из настоящих попугайских перышек. Мексиканец чаще останавливается перед машинными магазинами немцев, бельевыми — французов, мебели — американцев. Иностранных предприятий бесконечное количество. Когда в праздник 14 июля французские лавки подняли флаги, то густота их заставила думать, что мы во Франции. Наибольшими торговыми симпатиями пользуются Германия, немцы. Говорят, что немец может проехать по стране, пользуясь всеобщим хлебосольством только из любви к его национальности. Недаром в самой распространенной здесь газете я видел типографские машины, привезенные недавно, только с немецкими клеймами,-- хотя до Америки сутки, а до Гамбурга езды 18 дней. 5—6 часов служба, работа. Потом к вертушкам. Перед парикмахерскими в Америке вертушки — стеклянный цилиндр с разноцветными спиралями, реклама мексиканских парикмахерских. Другие — в чистильню Сапог. Длинный магазин с подставками для ног перед высокими стульями. Чистильщиков на 20. Мексиканец франтовит — я видел рабочих, которые душатся. Мексиканка ходит неделю в дырах, чтоб в воскресенье разодеться в шелка. С семи часов центральные улицы загораются электричеством, которого здесь жгут больше, чем где бы то ни было, — во всяком случае больше, чем позволяют средства мексиканского народа. Своеобразная агитация за крепость и благополучие существования под нынешним президентом. В 11 часов, когда кончаются театры и кино, остаются несколько кафе да загородные и окраинные подвальные кабачки, — ходьба начинает становиться небезопасной, 32 в, Маяковский, т. 1 497

В сад Чапультапек, в котором дворец президента, уже не пускают. По городу горох выстрелов. Сбежавшаяся полиция не всегда обнаруживает убийство. Чаще всего стреляют в трактирах, пользуясь кольтом как штопором. Отшибают бутылочки горлышки. Стреляют просто из авто для шума. Стреляют на пари — тянут жребий, кто кого будет застреливать,-- вынувший застреливает честно. В саду Чапультапек стреляют обдуманно. Президент приказал не впускать в сад с темнотой (в саду президентский дворец), стрелять после третьего предупреждения. Стрелять не забывают, только иногда забывают предупреждать. Газеты об убийствах пишут с удовольствием, но без энтузиазма. Но зато, когда день обошелся без смерти, газета публикует с удивлением: «Сегодня убийств не было». Любовь к оружию большая. Обычай дружеского прощания такой: становишься животом к животу и похлопываешь по спине. Впрочем, похлопываешь ниже и в заднем кармане брюк всегда прохлопнешь увесистый кольт. Это у каждого от 15 до 75-летнего возраста. Капля политики. Капля — потому что это не моя специальность, потому что жил в Мексике мало, а писать об этом надо много. _ Политическая жизнь Мексики считается экзотической, потому что отдельные факты ее на первый взгляд неожиданны, а проявления необычны. Чехарда президентов, решающий голос колта, никогда не затухающие революции, сказочное взяточничество, героизм восстаний, распродажа правительств — все это есть в Мексике, и всего вдоволь. Прежде всего о слове «революционер». В мексиканском понятии это не только тот, кто, понимая или угадывая грядущие века, дерется за них и ведет к ним человеЧСТВО,— мексиканский революционер — это каждый, кто с оружием в руках свергает власть — какую, безразлично. А так как в Мексике каждый или свергнул, или свергает, или хочет свергнуть власть, то все революционеры. Поэтому это слово в Мексике ничего не значит, и, прочтя его в газете в применении к южноамериканской жизни, надо спрашивать дальше и глубже. Я видел много 498

————ы—ОО р мексиканских революционеров, от молодых энтузиастов комсомольцев, до времени прячущих кольт, ждущих, чтобы и Мексика пошла по нашему октябрьскому пути, от этих и до 65-летних стариков, копящих миллионы для подкупа к выступлению, за которым самому мерещится президентский пост. Всего в Мексике около 200 партий — с музейными партийными курьезами вроде «партии революционного воспитания» Рафаэля Майена, имеющей и идеологию, и программу, и комитет, но состоящей всего из него одного, или вроде прогоревших лидеров, предлагающих городскому

ree wed e M a a 3 AIE AH re =—— ee ———- —————ы——=

————— rr het CSS RSS зуправлению вымостить за свой счет целую улицу, только су чтоб хотя б один переулок был назван их именем. Для рабочего зрения интересна «лабористская» партия. Это мирная «рабочая партия», по духу близкая североамериканскому Гомперсу, лучший показатель того, как дегенерируют реформистские партии, заменивши революционную борьбу торговлей из-за министерских портфелей, благородными речами с трибуны и торгово-политическими махинациями в кулуарах. Интересна фигура деятеля этой партии, министра труда Маронеса, которого все журналы рисуют не иначе как с горящими бриллиантами во всех грудях и манжетах. К сожалению, я не могу дать достаточного очерка жизни коммунистов Мексики. Я жил в Мехико-сити, центре официальной политики, — рабочая же жизнь концентрировалась севернее — в нефтяном центре Тампико, на рудниках штата Мексико, среди крестьян штата Вера-Круц. Могу только вспомнить несколько встреч с товарищами. Товарищ Гальван, представитель Мексики в Крестинтерне, организовал в Вера-Круц первую сельскохозяйственную коммуну с новыми тракторами и с попытками нового быта. Он как настоящий энтузиаст рассказывает о своей работе, раздает фотографии и даже читает стихи о коммуне. Товарищ Карио, еще совсем молодой, но один из лучших теоретиков коммунизма — и секретарь, и казначей, и редактор, и все что угодно в одно и то же время. Гереро — индеец. Коммунист-художник. Прекрасный политический карикатурист, владеющий и карандашом и лассо. 32* 499

Товарищ Морено. Депутат от штата Вера-Круи. Морено вписал в мою книжку, прослушав «Левый марш» (к страшному сожалению, эти листки пропали «по независящим обстоятельствам» на американской границе): «Передайте русским рабочим и крестьянам, что пока мы еще только слушаем ваш марш, но будет день, когда за вашим маузером загремит и наше «33» (калибр кольца)». Кольт загремел, но, к сожалению, не мореновский, а в Морено. Уже находясь в Нью-Йорке, я прочел в газете, что товарищ Морено убит правительственными убийцами. Компартия Мексики мала: на полтора миллиона пролетариев — около двух тысяч коммунистов, но из этого числа только товарищей триста активных работников. Но влияние коммунистов растет и распространяется далеко за пределы партии, — коммунистический орган. «Эль Мачете» имеет пятитысячный фактический тираж. Еще один факт. Товарищ Монсон уже в федеральном сенате стал коммунистом, будучи послан в сенат лабористами штата Сан-Луис Потоси. Его дважды вызывала его бывшая партия для отчета — он не показывался, занятый делами компартии. Тем не менее его не могут лишить полномочий благодаря его огромной популярности в рабочей массе. Эксцентричность политики Мексики, ее необычность на первый взгляд — объясняется тем, что корни ее надо искать не только в экономике Мексики, но и в расчетах гм вожделениях Соединенных Штатов, и главным образом в них. Есть президенты, которые президентствовали чуть ли не час, так что, когда являлись интервьюеры, президент был уже свергнут и отвечал с раздражением: «Разве вы не знаете, что я был выбран всего на полтора часа». Такая быстрая смена объясняется отнюдь не живым темпераментом испанцев, а тем, что такого президента выбирают по соглашению со Штатами для спешного и покорного проведения какого-нибудь закона, защищающего американские интересы. С 1894 года (выбор первого президента Мексики, генерала Гваделупе) за 30 лет сменилось 37 президентов и 5 раз радикально менялась конституция. Прикиньте еще, что из этих тридцати семи тридцать были генералами, а значит, каждое новое вступление сопровож500

+ далось оружием, и вам станет немного ясней вулканическая картина Мексики. В соответствии с этим и приемы борьбы мексиканские. Перед голосованием, предвидя у противника большинство голосов, лихие делегаты крадут обладателей лишних голосов противной партии и держат до принятия резоЛЮЦИЙ. Это не система, но бывает. Генерал вызывает в гости другого, и за кофе,-- сентиментальный, как и все испанцы, — уже сжимая револьверную рукоять, со слезами уговаривает коллегу: — Пей, пей, это последняя чашка кофе в твоей жизни. Конец одного из генералов ясен. Только в Мексике могут быть такие истории, как история генерала Бланча, позднее рассказанная мне уже в американском Лоредо. Бланча брал города в компании десяти товарищей, сгоняя с гор тысячный табун лошадей. Население города разбежалось и сдавалось, воображая тысячный отряд, справедливо думая, что лошадям одним незачем брать город. Но лошади брали потому, что их гнал Бланча. Бланча был неуловим, то дружа с американцами против мексиканцев, то с мексиканцами против американцев. | Его поймали на 'женщине. Подосланная красавица выманила его на мексиканскую сторону и в трактире всыпала ему и его товарищу какую-то сонную дрянь. Его сковали вместе с товарищем и бросили скованных в реку, делящую два Лоредо, стреляя из кольтов с лодок. Очнувшийся от холода, силач-великан Бланча сумел порвать наручники, но его тянул прикованный товарищ. Их тела вытащили только через несколько дней. Много идей взлетает искрами от этих сшибающихся людей, отрядов, партий. Но одна идея объединяет всех, это — жажда освобождения, ненависть к поработителям, к жестоким «гринго», сделавшим из Мексики колонию, отрезавшим половину территории (так что есть города, половина которых мексиканская, вторая — американская), — к американцам, стотрильцатимиллионной тушей придавившим а лионный народ. «Гочупин» и «гринго» — два высших ругательства В Мексике. 33 в. Маяковский, т, 1 501

«Гочупин» — это испанец. За 500 лет со времени Взоржения Кортеса это слово потухло, тлеет, потеряло остроту. Но «гринго» и сейчас звенит как пощечина (когда врывались в Мексику американские войска, они пели: Грин-гоу ди рошес ов... -- старая солдатская песня, и по первым словам сократилось ругательство). Случай: Мексиканец на костылях. Идет с женщиной. Женщина — англичанка. Встречный. Смотрит на англичанку и орет: — Грингоу! Мексиканец оставил костыль и вынул кольт. — Возьми обратно свои слова, собака, или я просверлю тебя на месте. Полчаса извинений, дабы сгладить страшное незаслуженное оскорбление. Конечно, в этой ненависти к гринго не совсем правильное отождествление понятий — «каждый американец» и «эксплуататор». Неправильное и вредное понимание «нации» так часто парализовало борьбу мексиканцев. Мексиканские коммунисты знают, что: 500 мексиканских нищих племен, а сытый, с одним языком, одной рукой выжимает в лимон, одним запирает замком. Все больше понимают трудящиеся Мексики, что только товарищи Морена знают, куда направить национальную ненависть, на какой другой вид ненависти перевести ее. Нельзя борьбе в племена рассекаться. Нищий с нищими рядом. Несись по земле из страны мексиканцев роднящий крик «Камарадо»! 202 КАНОНИ УЧОРА ti ste ll ae. nt

Все больше понимают трудящиеся (первомайская демонстрация -- доказательство), 4ТО делать, чтоб сВергнутые американские эксплуататорь | не заменились отечественными. Скинь с горба толстопузых обузу, ацтек, креол и метис. Скорее над мексиканским арбузом, багровое знамя, взметись. «Арбузом» называется мексиканское знамя. Есть предание: отряд повстанцев, пожирая арбуз, думал о национальных цветах. Необходимость быстрой переброски не дала долго задумываться. — Сделаем знамя — арбуз, — решил выступающий отряд. И пошло: зеленое, белое, красное — корка, прослойка, сердцевина. Я уезжал из Мексики с неохотой. Все то, что я описал, делается чрезвычайно гостеприимными, чрезвычайно приятными и любезными людьми. Даже семилетний Хезус, бегающий за папиросами, на вопрос об имени неизменно отвечал: — Хезус Пупито, ваш покорный слуга. Мексиканец, давая свой адрес, никогда не скажет: «Вот мой адрес». Мексиканец оповещает: «Вы теперь знаете, где ваш дом». Предлагая сесть в авто, говорит: «Прошу вас сесть в свой автомобиль». А письма, даже не к близкой женщине, подписываются: «Целую следы ваших ног». Похвалить вещь в чужом доме нельзя, — ее заворачивают вам в бумажку. Дух необычности и радушие привязали меня к Мексике. Я хочу еще быть в Мексике, пройти с товарищем Хайккисом еще Мореном намеченную для нас дорогу": из Мехикосити в Вера-Круц, оттуда два дня на юг поездом, день на лошадях — и в непроезженный тропический лес с попугаями без счастья и с обезьянами без жилетов. 33*. 503

НЬЮ-ЙОРК Нью-Йорк. — Москва. Это в Польше? —
спросили меня в американском консульстве Мексики. — Her,—
отвечал я,— это в СССР. Никакого впечатления. Визу дали. Позднее я
узнал, что если американец заостривает только кончики, так он знает
это дело лучше всех на свете, но он может никогда ничего не слышать
про игольи ушки. Игольи ушки — не его специальность, и он не
обязан их знать. Лоредо — граница САСШ. Я долго объясняю на
ломанейшем (просто осколки) полуфранцузском, полуанглийском
языке цели и права своего въезда. Американец слушает, молчит,
обдумывает, не пони: мает и, наконец, обращается по-русски: — Ты —
жид? Я опешил. В дальнейший разговор американец не вступил за
неимением других слов. Помучился и минут через десять выпалил: —
Великоросс? — Великоросс, великоросс,— обрадовался я, установив
В американце отсутствие погромных настроений. Голый анкетный
интерес. Американец подумал и изрек еще через десять минут: — На
комиссию. | Один джентльмен, бывший до сего момента штатским
пассажиrom, надел форменную фуражку и оказался эмиграционным
полицейским. Полицейский всунул меня и вещи в автомобиль. Мы
подъехали, мы вошли в дом, в котором под звездным знаменем сидел
человек без пиджака и жилета. За человеком были другие комнаты с
решетками. В одной поместили меня и вещи. Я попробовал выйти,
меня предупредительными лапками загнали обратно. Невдалеке
засвистывал мой нью-йоркский поезд. Сижу четыре часа, 504 o иль йо
mm in au: a dd à lits AM en tm ii sé à РЕБРО ЧР манні лі мілкі tn in it
ікла Бім

и тити — с й й -ЧЕНЗТТТ ОТТЗЫж———— а =
Ma У CR État de Se do de nd ць а інь а дань ані вы " SS — пр PEER є
Пришли и справились, на каком языке буду изъясНЯТЬСЯ. Из
застенчивости (неловко не знать ни одного языка) я назвал
французский. Меня ввели в комнату. Четыре грозных дяди и француз-
переводчик. ` Мне ведомы простые французские разговоры о чае и
булках, но из фразы, сказанной мне французом, я не понял ни черта и
только судорожно ухватился за последнее слово, стараясь вникнуть
интуитивно в скрытый смысл. Пока я вникал, француз догадался, что я
ничего не понимаю, американцы замахали руками и увели меня
обратно. Сидя еще два часа, я нашел в словаре последнее слово
француза. Оно оказалось: — Клятва. | Клясться по-французски я не
умел и поэтому ждал, пока найдут русского. Через два часа пришел
француз и возбужденно утешал меня: — Русского нашли. Бон гарсон.
Те же дяди. Переводчик — худощавый флегматичный еврей, владелец
мебельного магазина. — Мне надо клясться,— робко заикнулся я,
чтобы начать разговор. Переводчик равнодушно махнул рукой: — Вы
же скажете правду, если не хотите врать, а если же вы захотите врать,
так вы же все равно не скажете правду. Взгляд резонный. Я начал
отвечать на сстни анкетных вопросов: девичья фамилия матери,
происхождение дедушки, адрес гимназии и т. п. Совершенно
позабывшие вещи! Переводчик оказался влиятельным человеком, а,
дорвавшись до русского языка, я, разумеется, понравился переводчику.
| Короче: меня впустили в страну на 6 месяцев как Туриста под залог в
500 долларов. Уже через полчаса вся русская колония сбегалась
смотреть меня, вперебой поражая гостеприимством. 505

Владелец маленькой сапожной, усадив на низкий стул для примерок, демонстрировал фасонь башмаков, таскал студеную воду и радовался: -- Первый русский за три года! Три года назад поп заезжал с дочерьми, сначала ругался, а потом (я ему двух дочек в шантан танцевать устроил) говорит: «Хотя ты и жид, а человек симпатичный, значит в тебе совесть есть, раз ты батюшку устроил». Меня перехватил бельевщик, продал две рубашки по два доллара по себестоимости (один доллар — рубашка, один — дружба), потом, растроганный, повел через весь городок к себе домой и заставил пить теплые виски из единственного стакана для полоскания зубов — пятнистого и разящего одолью. Первое знакомство с американским сухим противопитейным законом — «прогибишен». Потом я вернулся в мебельный магазин переводчика. Его брат отстегнул веревочку с ценой на самом лучшем зеленом плюшевом диване магазина, сам сел напротив на другом, кожаном с ярлыком: 99 долларов 95 центов (торговая уловка — чтобы не было «сто»). В это время вошла четверка грустных евреев: две девушки и двое юношей. — Испанец,-- укоризненно рекомендует брат. — Из Винницы и из Одессы. Два года сидели на Кубе в ожидании виз. Наконец доверились аргентинцу, за 250 долларов взявшемуся перевезти. Аргентинец был солиден и по паспорту имел четырех путешествующих детей. Аргентинцам не нужна виза. Аргентинец перевез в Соединенные Штаты четыреста или ‘шестьсот детей — и вот попался на шестьсот четвертых. Испанец сидит твердо, за него уже неизвестные сто тысяч долларов в банк кладут — значит крупный. А этих брат на поруки взял, только зря — досудят и все равно вышлют. Это еще крупный промышленник — честный. А тут и мелких много, по сто долларов берутся из мексиканского Лоредо в американский переправить. Возьмут сто, до середины довезут, а потом топят. Многие прямо на тот свет эмигрировали. Это — последний мексиканский рассказ. Рассказ брата о брате, мебельщике, первый — американский. Брат жил в Кишиневе. Когда ему стало 14 лет, он 506

= ее узнал понаслышке, что самые красивые женщины — в Испании. Брат бежал в этот же вечер, потому что женщины были ему нужны самые красивые. Но до Мадрида он добрался только в 17 лет. В Мадриде красивых женщин оказалось не больше, чем в каждом другом месте, но они смотрели на брата даже меньше, чем аптекарши в Кишиневе. Брат обиделся и справедливо решил, что для обращения сияния испанских глаз в его сторону ему нужны деньги. Брат поехал в Америку еще с двумя бродягами, но зато с одной парой башмаков на всех троих. Он сел на пароход, не на тот, на который нужно, а на который сесть удалось. По прибытии Америка неожиданно оказалась Англией, и брат по ошибке засел в Лондоне. В Лондоне трое босых собирали окурки, трое голодных делали из окурочного табаку новые папиросы, а потом один (каждый по очереди), облекшись в башмаки, торговал по набережной. Через несколько месяцев табачная торговля расширилась за пределы окурковых папирос, горизонт расширился до понимания местонахождения Америки и благополучие — до собствечных башмаков и до билета третьего класса в какую-то Бразилию. По дороге на пароходе выиграл в карты некоторую сумму. В Бразилии торговлей и игрой он раздул эту сумму до тысяч долларов. Тогда, взяв все имевшееся, брат отправился на скачки, пустив деньгу в тотализатор. Нерадивая кобыла поплелась в хвосте, мало беспокоясь об обнищавшем в 37 секунд брате. Через годбрат, перемахнув в Аргентину, купил велосипед, навсегда презрев' живую натуру. Насобачившись на велосипеде, неугомонный кишиневец ввязался в велосипедные гонки. Чтобы быть первым, пришлось сделать маленькую вылазку на тротуар,— минута была выиграна, зато случайно зазевавшаяся старуха свергнута гонщиком в канаву. В результате весь крупный первый приз пришлось отдать помятой бабушке. ,Брат с горя ушел в Мексику и разгадал нехитрый закон колониальной торговли,— надбавка 300: 100% — на наивность, 100% — на расходы и 100% — спертое при рассрочке платежа. Сбив опять некоторую толику — перешли на американскую, всякой наживе покровительствующую СТОрону. 207

Здесь брат не погрязает ни в какое дело, он покупает мыловаренный завод за 6 и перепродает за 9 тысяч. Он берет магазин и передает его, за месяц учуяв крах. Сейчас ОН — уважаемейшее лицо города: ОН — председатель десятков благотворительных обществ, он, когда приезжала Павлова, — за один ужин заплатил триста долларов. — Вот он,-- показал восхищенный рассказчик На улицу. Брат носился в новом авто, так и так пробуя его; он продавал, свою машину за семь и бросался на эту в двенадцать. На тротуаре подобострастно стоял человек, улыбался, чтобы видели золотые коронки, и, не останавливая глаз, стрелял ими за машиной. — Это — молодой галантерейщик, — объяснили мне. — Он с братом здесь всего четыре года, а уже два раза в Чикаго за товаром ездил. А брат — ерунда, какой-то греческий, все поэзию пишет, его в соседний город учителем определили, все равно толку не будет. В радости русскому, с фантастическим радушием водил меня мой новый знакомец по улицам Лоредо. Он забегал передо мной, открывая двери, кормил меня длиннейшим обедом, страдал при едином намеке на оплату с моей стороны, вел меня в кино, смотря только на меня и радуясь, если я смеюсь,-- все это без малейшего представления ООО мне, только за одно слово — москвич. Мы шли на вокзал потемным пустыньким улицам — по ним, как всегда в провинции, разыгралась свободная административная фантазия. В асфальте (чего я никогда не видел даже в Нью-Йорке) белые полосы точно указывали место перехода граждан, огромные белые стрелки давали направление несуществующим толпам и автомобилям, и за неуместный переход по пустеющим улицам взимался чуть ли не пятидесятирублевый штраф. На вокзале я понял все могущество мебельного брата. От Лоредо до Сан-Ан-. тонию всю ночь будят пассажиров, проверяют паспорта в погоне за безвизными перебежчиками. Но я был показан комиссару, и я безмятежно проспал первую американскую ночь, вселяя уважение пульмановским вагонным неграм. Утром откатывалась Америка, засвистывал экспресс, не останавливаясь, вбирая хоботом воду на лету. Кругом вылизанные дороги, измурашенные фордами, какие-то строения технической фантастики. На остановках видне508

ни у я ПРЕ > мету ее лись техасские ковбойские дома с мелкой сеткой от комаров и москитов в окнах, с диванами-гамаками на огромных террасах. Каменные станции, перерезанные ровно пополам: половина для нас, белых, половина — для черных, «фор нигрос», с собственными деревянными стульями, собственной кассой — и упаси вас даже случайно залезть на чужую сторону! Поезда бросались дальше. С правого боку взвивался аэро, перелетал на левую, вздымался опять, перемахнув через поезд, и неся опять по правой. - Это — сторожевые пограничные американские аэропланы. Впрочем, почти единственно виденные мной в Соединенных Штатах. Следующие я видел только в трехдневных аэрогонках в ночной рекламе над Нью-Йорком. Как ни странно, авиация развита здесь сравнительно мало. | Могушественные железнодорожные компании даже каждую воздушную катастрофу смакуют и используют для агитации против полетов. Так было с разорванным пополам (уже в мою бытность в Нью-Йорке) воздушным кораблем Шеландоу, когда тринадцать человек спаслись, а семнадцать вслизились в землю вместе с крошкой оболочки и стальных тросов. И вот в Соединенных Штатах почти нет пассажирских полетов. Может, только сейчас мы накануне летающей Америки: Форд выпустил первый свой аэроплан и поставил его в НьюЙорке в универсальном магазине Ванамекер,-- там, где много лет назад был выставлен первый авто-фордик. Ньюйоркцы влазят в кабину, дергают хвост, глядят крылья, — но цена в 25 000 долларов еще заставляет ОТступать широкого потребителя. А пока что, аэропланы взлетали до Сан-Антонио, потом пошли настоящие американские города. Мелькнула американская Волга — Миссисипи, огорошил вокзал в Сан-Луисе, и новью в просветах двадцатипятиэтажных небоскребов Филадельфии уже сияло настоящее дневное рекламное нежалеемое, неэкономимое электричество. || Это был разбег, чтобы мне Не удивляться Нью-Йорку. Больше, чем вывороченная природа Мексики, поражает 509

растениями и людьми и больше ошарашивает вас выплывающий из океана Нью-Йорк своей навороченной стройкой и техникой. Я въезжал в Нью-Йорк с суши, ткнулся лицом только в один вокзал, но хотя и был приучаю трехдневным проездом по Техасу — глаза все-таки растопырил. Много часов поезд летит по Гудзоньеву берегу шагах в двух от воды. По той стороне — другие дороги у самого подножья Медвежьих гор. Гуще прут пароходы и пароходики. Чаше через поезд перепрыгивают мосты. Непрерывней прикрывают вагонные окна встающие стены — пароходных доков, угольных станций, электрических устанОВОК, сталелитейных и медикаментных заводов. За час до станции въезжаешь в непрерывную гущу труб, крыш, двухэтажных стен, стальных ферм воздушной железной дороги. С каждым шагом на крыши нарастает по этажу. Наконец дома поднимаются колодезными стенками с квадратами, квадратами и точками окон. Сколько ни задирай головы — нет верхов. От этого становится еще теснее, как будто уже щекой трешь об этот камень. Растерянный, опускаешься на скамейку — нет надежд, глаза не привыкли видеть такое; тогда остановка — Пенсильвения-стэшен. На платформе — никого, кроме негров-носильщиков. Лифты и лестницы вверх. Вверху — несколько ярусов галерей, балконов с машущими платками встречающей и провожающей массы. | Американцы молчат (или, может быть, люди только кажутся такими в машинном грохоте), а над американцами гудят рупора и радио о прибытиях и отправлениях. Электричество еще двоится и троится белыми плитками, выстилающими безоконные галереи и переходы, прерывающиеся справочными бюро, целыми торговыми рядами касс и никогда не закрывающимися всеми магазинами — от мороженых и закусовых до посудных и мебельных. Едва ли кто-нибудь представляет себе ясно целиком весь этот лабиринт. Если вы приехали по делу в контору, находящуюся версты за три в Дантауне — в банковском, деловом Нью-Йорке, в каком-нибудь пятьдесят третьем этаже Вульворт-Бильдинг и у вас совиный характер — вам незачем вылазить из-под земли. Здесь же, под землей, вы садитесь в вокзальный лифт, и он взвивает вас в вестибюль Пенсильвения-отель, гостиницы с двумя тысячами всевозможных номеров. 510

я Все, что нужно торгующему гражданину: почть, банки, телеграфъ, любые товары — все найдешь здесь, не выходя за пределы отеля. Здесь же сидят какие-то смышленные маменьки с недвусмысленными дочерьми. ' Иди танцуй. | Шум и табачный чад, как в долгожданном антракте громадного театра после длинной скучной пьесы. Тот же лифт опустит вас к подземке (собвей), берите экспресс, который рвет версты почище поезда. Слезаете вы в нужном вам доме. Лифт завинчивает вас в нужный. этаж без всяких выходов на улицу. Та же дорога вывертит вас обратно на вокзал, под потолок — небо пенсильванского вокзала, под голубое небо, по которому уже горят Медведицы, Козерог и прочая астрономия. И сдержанный американец может ехать в ежеминутных поездах к себе на дачную качалку-диван, даже не взглянув на гоморрный и содомный Нью-Йорк. Еще поразительнее возвышающийся несколькими кварталами вокзал Гранд-Централ. Поезд несется по воздуху на высоте трех-четырех этажей. Дымящий паровоз сменен чистеньким, не плюющим электровозом— и поезд бросается под землю. С четверть часа под вами еще мелькают увитые зеленью решетки просветов аристократической тихой Парк-Авеню. Потом и это кончается, и полчаса длится подземный город с тысячами сводов и черных тоннелей, заштрихованных блестящими рельсами, долго бьется и висит каждый рев, стук и свист. Белые блестящие рельсы становятся то желтыми, то красными, то зелеными от меняющихся семафоров. По всем направлениям — задушенная сводами, кажущаяся путаница поездов. Говорят, что наши эмигранты, приехавшие из тихой русской Канады, сначала недоумевающе вперяются в окно, а потом начинают реветь и голосить: — Пропали, братцы, живьем в могилу загнали, куда ж отсюда выберешься? Приехали. Над нами ярусы станционных помещений, под залами — этажи служб, вокруг — необозримое железо дорог, а под нами еще подземное трехэтажное собвея. В одном из фельетонов «Правды» товарищ Поморский скептически высмеял вокзалы Нью-Йорка и поставил 511

им в пример берлинские загоны — Цо и Фридрихштрассе. Не знаю, какие личные счета у товарища Поморского с нью-йоркскими вокзалами, не знаю и технических деталей, удобства и пропускных способностей, но внешне — пейзажно, по урбанистическому ощущению, нью-йоркские вокзалы — один из самых гордых видов мира. Я люблю Нью-Йорк в осенние деловые дни, в будни. 6 утра. Гроза и дождь. Темно и будет темно до полудня. | Одеваешься при электричестве, на улицах — электричество, дома в электричестве, ровно прорезанные окнами, как рекламный плакатный трафарет. Непомерная длина домов и цветные мигающие регуляторы движения двоятся, троются и десятируются асфальтом, до зеркала вылизанным дождем. В узких ущельях домов в трубе гудит какой-то авантюристичный ветер, срывает, громыхает вывесками, пытается свалить с ног и вбегает безнаказанный, никем не задержанный, сквозь версты десятка авеню, прорезывающих Мангеттен (остров Нью-Йорка) вдоль — от океана к Гудзону. С боков подвывают грозе бесчисленные голосенки узеньких стритов, также по линейному ровно режущих Мангеттен поперек от воды к воде. Под навесами — а в бездождный день просто на тротуарах — валяются кипы свежих газет, развезенные грузовиками заранее и раскиданные здесь газетчиками. По маленьким кафе холостые пускают в ход машины тел, запихивают в рот первое топливо — торопливый стакан паршивого кофе и заварной бублик, который тут же в сотнях экземпляров кидает булкоделательная машина в кипящий и плюющийся котел сала. Внизу сплошной человечиной течет, сначала до зари — черно-лиловая масса негров, выполняющих самые трудные, мрачные работы. Позже, к семи — непрерывно белый. Они идут в одном направлении сотнями тысяч к местам своих работ. Только желтые просмоленные дождевики бесчисленными самоварами шумят и горят в электричестве, намокшие, и не могут потухнуть даже под этим дождем. Автомобилей, такси еще почти нет. Толпа течет, заливая дыры подземок, выпирая в крытые ходы воздушных железных дорог, несясь по воздуху двумя 512

по высоте Н тремя параллельными воздушными курьерскими, почти безостановочными, и местными через каждые пять кварталов останавливающимися поездами. Эти пять параллельных линий по пяти авеню несутся на трехэтажной высоте, а к 12С-й улице вскарабкиваются до восьмого и девятого, — и тогда новых, едущих прямо с площадей и улиц, вздымают лифты. Никаких билетов. Опустил в высокую, тумбой, копилку-кассу 5 центов, Которые тут же увеличивает лупа и показывает ARE в будке меняле, ВО избежание фальши. D центов -- и езжай на любое расстояние, но в одном направлении. Фермы и перекрытия воздушных дорог часто ложатся сплошным навесом во всю длину улицы, и вам не видно ни неба, ни боковых домов, -- только грохот поездов по голове да грохот грузовозов перед носом, — грохот, в котором действительно не разберешь ни слова и, чтобы не разучиться шевелить губами, остается безмолвно жевать американскую жвачку, чуингвам. Утром и в грозу лучше всего в Нью-Йорке — тогда нет ни одного зеваки, ни одного лишнего. Только работники великой армии труда десятиmillionного города. Рабочая масса расползается по фабрикам мужских и дамских платьев, по новым роющимся тоннелям подземок, по бесчисленности портовых работ — и к 8 часам улицы заполняются бесчисленностью более чистых и холеных, с подавляющей примесью стриженных, голоколенных, с закрученными чулками сухопарых девиц — работниц контор и канцелярий и магазинов. Их раскидывают по всем этажам небоскребов Дантауна, по бокам коридоров, в которые ведет парадный ход десятков лифтов. Десятки лифтов местного сообщения с остановкой в каждом этаже и десятки курьерских — без остановок до семнадцатого, до двадцатого, до тридцатого. Своеобразные часы указывают вам этаж, на котором сейчас лифт, — лампы, отмечающие красным и белым спуск и подъем. И если у вас два дела, — одно в седьмом, другое — в двадцать четвертом этаже, — вы берете местный (локал) до седьмого, и дальше, чтобы не терять целых шести минут, переседайте в экспресс. До часу стрекочут машины, потеют люди без пиджаков, растут в бумагах столбцы цифр. 513

Если вам нужна контора, незачем ломать голову над ее устройством. ВЕІ звоните в RE тридцатизтажие: — Алло! Приготовить к завтраму контору в 6 комнат. Посадить двенадцать машинисток. Вывеска — «Великая и знаменитая торговля сжатым воздухом для тихоокеанских подводных лодок». Два боя в коричневых гусарках — шапки со звездными лентами, и двенадцать тысяч бланков вышеупомянутого названия. — Гуд бай. Завтра вы можете идти в свою контору, и ваши телефонные мальчики будут вас восторженно приветствовать: — Гау-ду-ю-ду, мистер Маяковский. В час перерыв: на час для служащих и минут на пятнадцать для рабочих. Завтрак. Каждый завтракает в зависимости от недельной зарплаты. Пятнацатидолларовые — покупают сухой завтрак в пакете за никель и грызут его со всем молодым усердием. Тридцатипятидолларовые идут в огромный механический трактир, всунув 5 центов, нажимают кнопку, и в чаш,ку выплескивается ровно отмеренный кофе, а еще дватри никеля открывают на огромных, уставленных едой полках одну из стеклянных дверок сэндвичей. Шестидесятидолларовые — едят серые блины с патокой и яичницу по бесчисленным белым, как ванная, Чайльдсам — кафе Рокфеллера. Стодолларовые и выше идут по ресторанам всех национальностей — китайским, русским, ассирийским, французским, индусским — по всем, кроме американских безвкусных, обеспечивающих катары консервированным мясом Армора, лежащим чуть не с войны за освобождение. Стодолларовые едят медленно, — они могут и опоздать на работу, — и после ухода их под столом валяются пузырьки от восьмидесятиградусного виски (это прихваченный для компании); другой стеклянный или серебряный пузырек, плоский и формой облегающий ляжку, лежит в заднем кармане оружием любви и дружбы наравне с мексиканским кольцом. Как ест рабочий? Плохо ест рабочий. Многих не видел, но те, кого видел, даже хорошо зара514 dat

батывающие, в пятнадцатиминутный перерыв успевают сглотать у станка или перед заводской стеной на улице свой сухой завтрак. Кодекс законов о труде с обязательным помещением для еды пока на Соединенные Штаты не распространился. Напрасно вы будете искать' по Нью-Йорку карикатурной, литературой прославленной организованности, методичности, быстроты, хладнокровия. Вы увидите массу людей, слоняющихся по улице без дела. Каждый остановится и будет говорить с вами на любую тему. Если вы подымете глаза к небу и постоите минуту, вас окружит толпа, с трудом усовещиваемая полицейским. Способность развлекаться чем-нибудь иным, кроме биржи, сильно мирит меня с нью-йоркской толпой. Снова работа до пяти, шести, семи вечера. От пяти до семи самое бушующее, самое непроходимое время. Окончившие труд еще разбавлены покупателями, покупательницами и просто фланерами. На люднейшей 5-й авеню, делящей город пополам, с высоты второго этажа сотней катящихся автобусов, вы видите политые прошедшим дождем и теперь сияющие лаком десятки тысяч в шесть-восемь рядов а, в обе стороны автомобилей: Каждые две минуты тушатся зеленые огни на бесчисленных уличных полицейских маяках и загораются красные. | Тогда машинный и человеческий поток застывает на две минуты, чтобы пропустить рвущихся с боковых стритов. Через две минуты опять на маяках загорается зеленый огонь, а дорогу боковым преграждает красный огонь на углах стритов. Пятьдесят минут надо в этот час потратить на поездку, которая утром отняла бы четверть часа, и по две минуты надо простаивать пешеходу без всякой надежды пересечь немедля улицу. Когда вы запаздываете перебежать и видите срывающуюся с цепи отстоявшую две минуты машинную лавину, вы, забыв про убеждения, скрываетесь под полицейское крыло, — крыло так сказать: на самом деле это — хорошая рука одного из самых высоких людей Нью-Йорка с очень увесистой палкой — клобом. 515

Эта палка не всегда регулирует чужое движение. Иногда она (во время демонстрации, например) — способ вашей остановки. Добрый удар по затылку, и вам все равно: Нью-Йорк ли это или царский Белосток,-- так рассказывали мне товарищи. С шести-семи загорается Бродвей — моя любимейшая улица, которая в ровных, как тюремная решетка, стритах и авеню одна своенравно и нахально прет навкось. Запутаться в Нью-Йорке трудней, чем в Туле. На север с юга идут авеню, на запад с востока — стриты. 5-я авеню делит город пополам на Вест и Ист. Вот и все. Я на 8-й улице угол 5-й авеню, мне нужна 53-я угол 2-й, значит пройди 45 кварталов и сверни направо, до угла 2-й. Загорается, конечно, не весь тридцативерстный Бродвей (здесь не скажешь: заходите, мы соседи, оба на БродВее), а часть от 25-й до 50-й улицы, особенно Таймс-сквер,--это, как говорят американец,-- Грэт-Уайт-Уэй — великий белый путь. © Он действительно белый, и ощущение действительно такое, что на нем светлей, чем днем, так как день весь светел, а этот путь светел, как день, да еще на фоне черной ночи. Свет фонарей для света, свет бегущих лампочками реклам, свет зарев витрин и окон никогда не закрывающихся магазинов, свет ламп, освещающих огромные малеванные плакаты, свет, вырывающийся из открывающихся дверей кино и театров, несущийся свет авто и элеваторов, мелькающих под ногами в стеклянных окнах тротуаров, свет подземных поездов, свет рекламных надписей в небе. Свет, свет и свет. Можно читать газету, и притом у соседа, и на иностранНОМ языке. Светло и в ресторанах и в театральном центре. Чисто на главных улицах и в местах, где живут хозяева или готовящиеся к этому. Там, куда развозят большинство рабочих и служащих, в бедных еврейских, негритянских, итальянских кварталах — на 2-й, на 3-й авеню, между первой и тридцатой улицами -- грязь почище минской. В Минске очень грязно. Стоят ящики со всевозможными отбросами, из которых нищие выбирают не совсем объеденные кости и куски. Стынут вонючие лужи и сегодняшнего и позавчерашнего дождя. | 516 аль в. авы лы вишь ыы ае ее ое Арль ела
ln ai

ИННЫ рии ее ое Бумага и гниль валяются по щиколку — не образно по щиколку, а по-настоящему, всамделишно. Это в 15 минутах ходу, в 5 минутах езды ОТ блестящей 5-й авеню и Бродвея. Ближе к пристаням еще темней, грязней и опасней. Днем это интереснейшее место. Здесь что-нибудь обязательно грохочет — или труд, или выстрелы, или крики. Содрогают землю краны, разгружающие пароход, чуть не целый дом за трубу выволакивающие из трюма. Ходят пикетчики в забастовку, не допуская штрейкбрехеров. | Сегодня, 10 сентября, нью-йоркский юнион моряков порта объявил забастовку в солидарность бастующим морякам Англии, Австралии и Южной Африки, и в первый же день приостановилась выгрузка 30 огромных пароходов. Третьего дня, несмотря на забастовку, на пароходе «Мажестик», приведенном штрейкбрехерами, приехал богатый адвокат, лидер (здешних меньшевиков) социалистической партии Морис Гилквит, й тысячи коммунистов и членов Ай-добль-добль-ю свистели ему с берега и кидали тухлые яйца. Еще через несколько дней здесь стреляли в приехавшего на какой-то конгресс генерала — умиротителя Ирландии, — и его выводили задворками. А утром снова входят и разгружаются по бесчисленным пристаням бесчисленных компаний «Ля Франс», «Аквитания» и другие гиганты по 50 000 тонн. Авеню, прилегающее к пристаням, из-за паровозов, въезжающих с товарами прямо на улицу, из-за грабителей, начиняющих кабачки, — зовется здесь «Авеню смерти». Отсюда поставляются грабители-голдапы на весь Нью-Йорк: в отели вырезывать из-за долларов целые семьи, в собвей — загонять кассиров в угол меняльной будки и отбирать дневную выручку, меняя доллары проходящей, ничего не подозревающей публике. Если поймают — электрический стул, тюрьмы СингСинга. Но можно и вывернуться. Идя на грабеж, бандит заходит к своему адвокату и заявляет: — Позвоните мне, сэр, в таком-то часу туда-то. Если меня не будет, значит надо нести за меня залог и извлекать из узилища. 517 4

Залоги большие, но и бандиты Не маленькие и организованы неплохо. Выяснилось, например, что дом, оцененный в двести тысяч долларов, уже служит залогом в два миллиона, уплаченных за разных грабителей. В газетах писали об одном бандите, вышедшем из тюрьмы под залог 42 раза. Здесь, на Авеню смерти, орудуют ирландцы. По другим кварталам другие. Негры, китайцы, немцы, евреи, русские — живут своими районами со своими обычаями и языком, десятилетия сохраняясь в несмешанной чистоте. В Нью-Йорке, не считая и а ie 1 700 000 евреев (приблизительно), 1 000 000 итальянцев, 500 000 немцев, 300 000 ирландцев, 300 000 русских, 250 000 негров, 150 000 поляков, 300 000 испанцев, китайцев, финнов. Загадочная картинка: кто же такие, в сущности говоря, американцы, и сколько их стопроцентных? Сначала я делал дикие усилия в месяц заговорить поанглийски; когда мои усилия начали увенчиваться успехом, то близлежащие (близстоящие, сидящие) и лавочник, и молочник, и прачечник, и даже полицейский — стали говорить со мной по-русски. Возвращаясь ночью элевейтером, эти нации и кварталы видишь как нарезанные: на 125-й встают негры, на 90-й русские, на 50-й немцы и т. д., почти точно. В двенадцать выходящие из театров пьют последнюю соду, едят последний айскрим и лезут домой в час или в три, если часа два потрутся в фокстроте или последнем крике «чарлстон». Но жизнь не прекращается, — так же открыты всех родов магазины, так же носятся собвей и злевейтерь, так же можете найти кино, открытое всю ночь, и спите сколько влезет за ваши 25 центов. Придя домой, если весной и летом, закройте окна от комаров и москитов и вымойте уши и ноздри и откашляйте угольную пыль. Особенно сейчас, когда четырехмесячная забастовка 158 000 шахтеров твердогс угля лишила город антрацита и трубы фабрик коптят обычно 216

а а en tee — = запрещенным К употреблению в больших городах мягким углем. Если вы исцарапались, залейтесь йодом: воздух ньюйоркский начинен всякой дрянью, от которой растут ячмени, вспухают и гноятся все царапины и которым все-таки живут миллионы ничего не имеющих и не могущих никуда выехать. Я ненавижу Нью-Йорк в воскресенье: часов в 10 в одном лиловом трико подымает штору напротив какой-то клерк. Не надевая, видимо, штанов, садится к окну с двухфунтовым номером в сотню страниц — не то «Ворлд», не то «Таймса». Час читается сначала стихотворный и красочный отдел реклам универсальных магазинов (по которому составляется среднее американское мирозерцание), после реклам просматриваются отделы краж и убийств. Потом человек надевает пиджак и брюки, из-под которых всегда выбивается рубаша. Под подбородком укрепляется раз навсегда завязанный галстук цвета помеси канарейки с пожаром и Черным морем. Одетый американец с час постарается посидеть с хозяином отеля или со швейцаром на стульях, на низких приступочках, окружающих дом, или на скамейках ближайшего лысого скверика. Разговор идет про то, кто ночью к кому приходил, не слышно ли было, чтобы пили, а если приходили и пили, то не сообщить ли о них на предмет изгона и привлечения к суду прелюбодеев и пьяниц. К часу американец идет завтракать туда, где завтракают люди богаче его и где его дама будет млеть и восторгаться над пуляжкой в 17 долларов. После этого американец идет в сотый раз в разукрашенный цветными стеклами склеп генерала и генеральши Грандт или, скинув сапоги и пиджак, лежать в каком-нибудь скверике на прочитанном полотнище «Таймса», оставив после себя обществу и городу обрывки газеты, обертку чуингвама и мятую траву. Кто богаче — уже нагоняет аппетит к обеду, правя своей машиной, презрительно проносясь мимо дешевых и завистливо кося глаза на более роскошные и дорогие. Особенную зависть, конечно, вызывают у безродных американцев те, у кого на автомобильной дверце барон; ская или графская золотая коронка, 519

Если американец едет с дамой, евшей с ним, он целует ее немедленно и требует, чтобы она целовала его. Без этой «маленькой благодарности» он будет считать доллары, уплаченные по счету, потраченными зря и больше с этой неблагодарной дамой никуда и никогда не поедет,-- и саму даму засмеют ее благоразумные и расчетливые подруги. Если американец автомобилирует один, он (писаная нравственность и целомудрие) будет замедлять ход и останавливаться перед каждой одинокой хорошенькой пешеходкой, скалить в улыбке лошажи зубы и зазывать в авто диким вращением глаз. Дама, не понимающая его нервозности, будет квалифицироваться как дура, не понимающая своего счастья, возможности познакомиться с обладателем стосильного автомобиля. Дикая мысль — рассматривать этого джентльмена как спортсмена. Чаще всего он умеет только править (самая мелочь), а в случае поломки — не будет даже знать, как накачать шину или как поднять домкрат. Еще бы — это сделают за него бесчисленные починочные мастерские и бензинные киоски на всех путях его езды. Вообще в спортсменство Америки я не верю. Спортом занимаются главным образом богатые бездельники. Правда, президент Кулидж даже в своей поездке ежечасно получает телеграфные реляции о ходе бейсбольных СОстызаний между питсбургской командой и вашингтонской командой «сенаторов»; правда, перед вывешенными бюллетенями о ходе футбольных состязаний народу больше, чем в другой стране перед картой военных действий только что начавшейся войнь,-- но это не интерес спортсменов, это — хилый интерес азартного игрока, поставившего на пари свои доллары за ту или другую команду. И если рослы и здоровы футболисты, на которых глядит тысяч семьдесят человек огромного нью-йоркского цирка, то семьдесят тысяч зрителей — это в большинстве тщедушные и хилые люди, среди которых я кажусь Голиафом. Такое же впечатление оставляют и американские солдаты, кроме вербовщиков, выхваляющих перед плакатами привольную солдатскую жизнь. Недаром эти холеные молодцы в минувшую войну отказывались влезть во французский товарный вагон (40 человек или 8 лошадей) и требовали мягкий, классный. 520 i al ls ie lll ale a дали ill i il a iv зii. зойк iii 6

—— о === о Автомобилисты и из пешеходов побогаче и поизысканнее в 5 часов гонят на светский или полусветский файф-о-клок. Хозяин запасся бутылками матросского «джина» и лимонада «Джиннер Эйл», и эта помесь дает американское шампанское эпохи прогибишена. Приходят девицы с завороченными чулками, стенографистки и модели. Вошедшие молодые люди и хозяин, влекомые жаждой лирики, но мало разбирающиеся в ее тонкостях, острят так, что покраснеют и пунцовые пасхальные яйца, а потеряв нить разговора, похлопывают даму по ляжке с той непосредственностью, с которой, потеряв мысль, докладчик постукивает папиросой о портсигар. Дамы показывают колени и мысленно прикидывают, сколько стоит этот человек. Чтоб файф-о-клок носил целомудренный и артистический характер — играют в покер или рассматривают последние приобретенные хозяином галстуки и подтяжки. Потом разъезжаются по домам. Переодевшись, направляются обедать. Люди победнее (не бедные, а победнее) едят получше, богатые — похуже. Победнее едят дома свежекупленную еду, едят при электричестве, точно давая себе отчет в проглатываемом. Побогаче — едят в дорогих ресторанах поперченную портящуюся или консервную заваль, едят в полутьме потому, что любят не электричество, а свечи. | ОТН свечи меня смешат. Все электричество принадлежит буржуазии, а она ест при огарках. Она неосознанно боится своего электричества. Она смущена волшебником, вызвавшим духов и не умеющим с ними справиться. Такое же отношение большинства и к остальной технике. Создав граммофон и радио, они откидывают его плебсу, говорят с презрением, а сами слушают Рахманинова, чаще не понимают, но делают его почетным гражданином какого-то города и преподносят ему в золотом ларце — канализационных акций на сорок тысяч долларов. Создав кино, они отшвыривают его демосу, а сами гопятся за оперными абонементом в опере, где жена 34 В. Маяковский, т. 1 521

фабриканта Мак-Кормик, обладающая достаточным количеством долларов, чтобы делать все, что ей угодно, ревет белугой, раздирая вам уши. А в случае неосмотрительности капельдинеров закидывается гнилым яблоком и тухлым яйцом. И даже когда человек «света» идет в кино, он бессовестно врет вам, что был в балете или в голом ревю. Миллиардеры бегут с зашумевшей машинами, громимой толпами 5-й авеню, бегут за город в пока еще тихие дачные углы. | — Не могу же я здесь жить, — капризно сказала мисс Вандербильд, продавая за 6 000 000 долларов свой дворец на углу 5-й авеню и 53-й улиц, -- не могу я здесь жить, когда напротив Чайльдс, справа — булочник, а слева — парикмахер. | После обеда состоятельным — театры, концерты и обозрения, где билет первого ряда на голых дам стоит 10 долларов. Дуракам — прогулка в украшенном фонариками автомобиле в китайский квартал, где будут показывать сбыкновенные кварталы и дома, в которых пьется обыкновеннейший чай — только не американцами, а китайцами. _ Парам победнее — многоместный автобус, на «КониАйланд» — Остров Увеселений. После долгой езды вы попадаете в сплошные русские (у нас американские) горы, высоченные колеса, вздымающие кабины, таитянские киоски, с танцами и фоном — фотографией ОСТРОВА, — чертовы колеса, раскидывающие ступивших, бассейны для купающихся, катание на осликах, -- и все это в таком электр ичестве, до которого Не доплюнуть и ярчайшей международной парижской выставке. В отдельных киосках сбраны все отвратительнейшие уроды мира — женщина с бородой, челожек-птица, женщина на трех ногах и т. п., — существа, вызывающие неподдельный восторг американцев. Здесь же постоянно меняющиеся, за грош нанимаемые голодные женщины, которых засовывают в ящик, демонстрируя безболезненное прокалывание шпагами; других сажают на стул с рычагами и электрифицируют, пока от их прикосновения к другому не посыплются искры. Никогда не видел, чтобы такая гадость вызывала бы такую радость. Кони-Айланд — приманка американского девичества. 522 шв мм, иди, о ан ST

Сколько людей целовалось в первый раз по этим вертящимся лабиринтам и окончательно решало вопрос о свадьбе в часовой обратной поездке собвеем до города. Таким идиотским карнавалом кажется, должно быть, счастливая жизнь нью-йоркским влюбленным. | Выходя, я решил, что неудобно покинуть луна-парк, не испытав ни одного удовольствия. Мне было все равно, что делать, и я начал меланхолически накидывать кольца на вертящиеся фигурки кукол. Я предварительно осведомился о цене удовольствия. Восемь колец — 25 центов. Кинув колец шестнадцать, я благородно протянул доллар, справедливо рассчитывая половину получить обратно. | Торговец забрал доллар и попросил показать ему мою мелочь. Не подозревая ничего недоброго, я вынул из кармана мелочь — доллара на три центов. Колечник сгреб мелочь с ладони в карман и на мои возмущенные возгласы ухватил меня за рукав, потребовав предъявления бумажек. В удивлении, я вытащил имеющиеся у меня десять долларов, которые моментально сгра"бастал ненасытный увеселитель,— и только после мольб моих и моих спутников он выдал мне 50 центов на обратный ПУТЬ. Итого, по утверждению владельца милой игрушки, я должен был закинуть двести сорок восемь колец, то есть, считая даже по полминуты на каждое, проработать больше двух часов. Никакая арифметика не помогла, а на мою угрозу обратиться к полицейскому мне было отвечено долго не смолкавшим грохотом хорошего, здорового смеха. Полицейский, должно быть, усвоил себе из этой суммы — колец сорок. Позднее мне объяснили американцы, что продавца надо было бить правильным ударом в нос, еще не получив и требования на второй доллар. Если вам и тогда не возвращают денег, то все же уважают вас как настоящего американца, веселого «аттабоя». | : | Воскресная жизнь кончается часа в два ночи, и вся трезвая Америка, довольно пошатываясь, во всяком случае возбужденно идет домой. 34* 523

Черты нью-йоркской жизни трудны. Легко наговорить ни к чему не обязывающие вещи, избитье, об американцах вроде: страна долларов, шакалы империализма и т. д. Это только маленький кадр из огромной американской фильмы. Страна долларов — это знает каждый ученик первой ступени. Но если при этом представляется та погоня за долларом спекулянтов, которая была у нас в 1919 году во время падения рубля, которая была в Германии в 1922 году во время тарактения марки, когда тысячники и миллионеры утром не ели булки в надежде, что к вечеру она подешевеет, то такое представление будет совершенно неверным. Скупые? Нет. Страна, съедающая в год одного мороженого на миллион долларов, может приобрести себе и другие эпитеты. Бог — доллар, доллар — отец, доллар — дух святой. Но это не грошовое скопидомство людей, только мирящихся с необходимостью иметь деньги, решивших накопить суммочку, чтобы после бросить наживу и сажать в саду маргаритки да проводить электрическое освещение в курятники любимых наседок. И до сих пор ньюйоркцы с удовольствием рассказывают историю 11-го года о ковбсе Даймонд Джиме. Получив наследство в 250 000 долларов, он нанял целый мягкий поезд, уставил его вином и всеми своими друзьями и родственниками, приехал в Нью-Йорк, пошел обхсдить все кабаки Бродвея, спустил в два дня добрых полмил, лиона рублей и уехал к своим мустангам без единого цента, на грязной подножке товарного поезда. Нет! В отношении американца к доллару есть поэзия. Он знает, что доллар — единственная сила в его стодесятимиллионной буржуазной стране (в других тоже), и я убежден, что, кроме известных всем свойств денег, американец эстетически любителся зелененьким цветом доллара, отождествляя его с весной, и бычком в овале, кажущимся ему его портретом крепыша, символом его довольства. А дядя Линкольн на долларе и возможность для каждого демократа пробиться в такие же люди делает доллар лучшей и благороднейшей страницей, которую может прочесть 524

FO б I бу": OI ут еЛ»-! ШШТЦ. низька соб dun) ie dos бань ой юношество. При встрече Gus do а не скажет вам безразличное: — Доброе утро. Он сочувственно крикнет: — Мек моней? (Делаешь деньги?) — и пройдет дальше. Американец не скажет расплывчато: — Вы сегодня плохо (или хорошо) выглядите. Американец определит точно: — Вы смотрите сегодня на два цента. Или: — Вы выглядите на миллион долларов. О вас не скажут мечтательно, чтобы слушатель терялся в догадках, — поэт, художник, философ. Американец определит точно: — Этот человек стоит 1 230 900 долларов. Этим сказано все: кто ваши знакомые, где вас принимают, куда вы уедете летом и т. д. Путь, каким вы добыли ваши миллионы, безразличен в Америке. Все — «бизнес», дело, — все, что растит долпар. Получил проценты с разошедшейся поэмы — бизнес, обокрал, не поймали — тоже. К бизнесу приучают с детских лет. Богатые родители радуются, когда их десятилетний сын, забросив книжки, приволакивает домой первый доллар, вырученный от продажи газет. — Он будет настоящим американцем. В общей атмосфере бизнеса детская изобретательность растет. В детском кемпе, в летнем детском пансионе- лагере, где закаляют детей плаванием и футболом, было запрещаго ругаться при боксе. — Как же драться, не ругаясь? — сокрушенно жаловались дети. Один из будущих бизнесменов учел эту потребность. На его палатке появилось объявление: «За | никель выучиваю пяти русским ругательствам, за 2 никеля — пятнадцати». Желающих выучиться ругаться без риска быть понятым преподавателями — набилась целая палатка. Счастливый владелец русских ругательств, стоя посредине, дирижировал: — Ну, хором — «дурак»! 925

— Дурак! — Сволочы — Не «тволоч», а «сволочь». Над сукиным сыном пришлось биться долго. Несмышленные американьши выговаривали «зукин-сині», а подсовывать за хорошие деньги недоброкачественные ругательства честный молодой бизнесмен не хотел. У взрослых бизнес принимает грандиозные эпические формы. Три года тому назад кандидату в какие-то доходные гог родские должности--мистеру Ригельману, надо было хвастнуть пред избирателями какой-нибудь альтруистической затеей. Он решил построить деревянный балкон на побережьи для гуляющих по Кони-Айланду. Владельцы прибрежной полосы запросили громадные деньги,-- больше, чем могла бы дать будущая должность. Ригельман плюнул на владельцев, песком и камнем отогнал океан, создал полосу земли шириной в 350 футов и на три с половиной мили оправил берег идеальным дощатым настилом. Ригельмана выбрали. Через год он с лихвой возместил убытки, выгодно продав, в качестве влиятельного лица, все выдающиеся бока своего оригинального предприятия под рекламу. Если даже косвенным давлением долларов можно победить должность, славу, бессмертие, то, непосредственно положив деньги на бочку, купишь все. Газеты созданы трестами; тресть, воротилы трестов запродались рекламодателям, владельцам универсальных магазинов. Газеты в целом проданы так прочно и дорого, что американская пресса считается неподкупной. Нет деНег, которые могли бы перекупить уже запроданного журналиста. А если тебе цена такая, что другие дают больше, — докажи, и сам хозяин набавит. Титул — пожалуйста. Газеты и театральные куплетисты часто трунят над кинозвездой Глорией Свенсен, бывшей горничной, ныне стоящей пятнадцать тысяч долларов в неделю, и ее красавцем мужем-графом, вместе с пакеновскими моделями и анановскими туфлями вывезенным © из Парижа. Любовь — извольте. 526

SS ее АИ ее Foe тут ие РИ Р Вслед за обезьяньим процессом газеты стали трубить о мистере Браунинге. Этот миллионер, агент по продаже недвижимого имущества, под старость лет обуялся юношеской страстью. Так как брак старика с девушкой вещь подозрительная, миллионер пошел на удочерение. Объявление в газетах: ЖЕЛАЕТ МИЛЛИОНЕР УДОЧЕРИТЬ ШЕСТНАДЦАТИЛЕТНЮЮ 12 000 лестных предложений с карточками красавиц посыпались в ответ. Уже в 6 часов утра четырнадцать девушек сидело в приемной мистера Браунинга. Браунинг удочерил первую (слишком велико нетерпение) — по-детски распустившую волосья, красавицучешку Марию Спас. На другой день газеты стали захлебываться Марииным счастьем. В первый день куплено 60 платьев. Привезено жемчужное ожерелье. За три дня подарки перевалили за 40 000 долларов. И сам папаша снимался, облапив дочку за грудь, с выражением лица, которое впору показывать из-под полы перед публичными домами Монмартра. Отцовскому счастью помешало известие, что мистер пытался попутно удочерить и еще какую-то тринадцатилетнюю из следующей пришедшей партии. Проблематичным извинением могло бы, пожалуй, быть то, что дочь оказалась девятнадцатилетней женщиной. Там на три меньше, здесь на три больше «фифти-фифти», как говорят американцы — в общем, какая разница? Во всяком случае папаша оправдывался не этим, а суммой счета, и благородно доказывал, что сумма его расходов на этот бизнес определенно указывает, что только он является страдающей стороной. Пришлось вмешаться прокуратуре. Дальнейшее мне неизвестно. Газеты замолчали, будто долларов в рот набрали. Я убежден, что этот самый Браунинг сделал бы серьезные коррективы в советском брачном кодексе, ущемляя его со стороны нравственности и морали. 527

Ни одна страна не породит столько моральной, возвышенной, идеалистической ханжеской чуши, как Соединенные Штаты. , Сравните этого Браунинга, развлекающегося в НьюЙорке, с какой-нибудь местечковой техасской сценкой, где банда старух в 40 человек, заподозрив женщину в проституции и в сожительстве с их мужьями, раздевает ее догола, окунает в смолу, вываливает в перо и в пух и изгоняет из городка сквозь главные сочувственно гогочущие улицы. Такое средневековье рядом с первым в мире паровозом «Твенти-Сенчери-экспресс». Типичным бизнесом и типичным ханжеством назовем и американскую трезвость, сухой закон «прогибишен». Виски продают все. Когда вы зайдете даже в крохотный трактирчик, вы увидите на всех столах надпись: «Занято». Когда в этот же трактирчик входит умный, он пересекает его, идя к противоположной двери. Ему заслоняет дорогу хозяин, кидая серьезный вопрос: — Вы джентльмен? — О да! — восклицает посетитель, предъявляя зелененькую карточку. Это члены клуба (клубов тысячи), говоря просто — алкоголики, за которых поручились. Джентльмена пропускают в соседнюю комнату, — там с засученными рукавами уже орудуют несколько коктейльщиков, ежесекундно меняя приходящим содержимое, цвета и форму рюмок длиннейшей стойки. Тут же за двумя десятками столиков сидят завтракающие, любовно оглядывая стол, уставленный всевозможной питейностью. Пообедав, требуют: — Шу бокс! (Башмачную коробку!) — и выходят из кабачка, волоча новую пару виски. За чем же смотрит ПОЛИЦИЯ? За тем, чтобы не надували при дележе. У последнего пойманного оптовика «бутлегера» было на службе 240 полицейских. Глава борьбы с алкоголем плачется в поисках за десятком честных агентов и грозит, что уйдет, так как таковые не находятся. Сейчас уже нельзя отменить закон, запрещающий винную продажу, так как это невыгодно прежде всего торгов526 а ее à а.

Tt er ee OTT I I ии SE LE GT PE EE CR 3B Médine Lx those ei
dinde etes цам вином. А таких купцов и посредников — армия, — один
на каждые пятьсот человек. Такая долларовая база делает многие, даже
очень тонкие нюансы американской жизни простенькой карикатурной
иллюстрацией к положению, что сознание и надстройка определяется
экономикой. ' Если перед вами идет аскетический спор О женской
красе и собравшиеся поделились На два лагеря — одни за стриженных
американок, другие за длинноволосых, то это не значит еще, что перед
вами бескорыстные эстеты. Нет. За длинные волосы орут до хрипоты
фабриканты шпилек, со стрижкой сократившие производство; за
короткие волосы ратует трест владельцев парикмахерских, так как
короткие волосы у женщин привели к парикмахерам целое второе
стригущееся человечество. Если дама не пойдет с вами по улице, когда
вы несете сверток починенных башмаков, обернутых в газетную
бумагу, то знайте — проповедь красивых свертков ведет фабрикант
оберточной бумаги. Даже по поводу такой сравнительно беспартийной
вещи, как честность, имеющей целую литературу, — даже по этому
поводу орут и ведут агитацию кредитные общества, дающие ссуду
кассирам для внесения залогов. Этим важно, чтобы кассиры честно
считали чужие деньги, не сбегали с магазинными кассами и чтобы
незыблемо лежал и не пропадал залог. Такими же долларными
соображениями объясняется и своеобразная осенняя оживленная игра.
14 сентября меня предупредили — снимай соломенную шляпу. 15-го
на углах перед шляпными магазинами стоят банды, сбивающие
соломенные шляпы, пробивающие шляпные твердые днища и
десятками нанизывающие продырявленные трофеи на руку. Осенью
ходить в соломенных шляпах неприлично. На соблюдении приличий
зарабатывают и торговцы мягкими шляпами и соломенными. Что бы
делали фабриканты мягких, если бы и зимой ходили в соломенных?
Что бы делали соломенные, если бы годами носили одну и ту же
шляпу? 529

А пробивающие шляпы (иногда и с головой) получают от фабрикантов на чуингвам пошляпно. Сказанное о нью йоркском быте, это, конечно, не лицо. Так, отдельные черты — ресницы, веснушка, ноздря. Но эти веснушки и ноздри чрезвычайно характерны для всей мещанской массь,— массы, почти покрывающей всю буржуазию; массы, заквашенной промежуточными слоями; массы, захлестывающей и обеспеченную часть рабочего класса. Ту часть, которая приобрела в рассрочку домик, выплачивает из недельного заработка за фордик и больше всего боится стать безработным. Безработица — это пятенье обратно, выгон из Неоплаченного дома, уход недоплаченного форда, закрытие кредита в мясной и т. д. А рабочие Нью-Йорка хорошо помнят ночи осени 1920—1921 года, когда 80 000 безработных спали в Централ-парке. Американская буржуазия квалификацией и заработками ловко делит рабочих. Одна часть — опора желтых лидеров с трехэтажными затылками и двухаршинными сигарами, лидеров, уже по-настоящему, попросту купленных буржуазией. Другая — революционный пролетариат — настоящий, не вовлеченный мелкими шефами в общие банковские операции, — такой пролетариат и есть и борется. При мне революционные портные трех локалов (отделов) союза дамских портных — локалы второй, девятый и двадцать второй — повели долгую борьбу против вождя, председателя Мориса Зигмана, пытавшегося сделать союз смиренным отделом фабрикантовых лакеев. 20 августа была объявлена «Объединенным комитетом действия» антизигмановская демонстрация. Демонстрировало в Юнион-сквере тысячи две человек, и 30 000 рабочих из солидарности приостановили работу на два часа. Не зря демонстрация была в Юнион-сквере, против окон еврейской коммунистической газеты «Фрайгайт». Была и чисто политическая демонстрация, непосредственно организованная компартией — по поводу недопущения в Америку английского депутата коммуниста Саклатвалы. — В Нью-Йорке 4 коммунистических газеты: «Новый мир» (русская), «Фрайгайт» (еврейская), «Щодінни вісті» (украинская) и финская. 530 да ий ни nes ho li льва à tall, lt a й Й 1 à di ото лы in ba ieee a ah a a o фиды da > sit бобы вай азы o nated at Di Пак 2-е ал sith лы 3 She dates tot Lan RRs Tin 1 108 TO ami Reni Ble 2. but a лад ды at flic th ie AA Asa atlas bite ae ui BE Lo hi he a si À à

|| нь LLC en de Lou - «Дейли Воркер», центральный орган партии, издаётся в Чикаго. Но эти газеты, при трех тысячах членов партии на НьюЙорк, в одном Нью-Йорке имеют общий тираж в 60 000 экземпляров. Переоценивать влияние этой коммунистически настроенной, в большинстве иностранной массы — не приходится, ждать в Америке немедленных революционных выступлений — наивность, но недооценивать шестьдесят тысяч — тоже было бы легкомыслием. АМЕРИКА Когда говорят «Америка», воображению представляются Нью-Йорк, американские дядюшки, мустанги, Кулидж и т. п. принадлежности Северо-Американских Соединенных Штатов. Странно, но верно. Странно — потому, что Америк целых три: Северная, Центральная и Южная. САСШ не занимают даже всю Северную — а вот поди ж ты! — отобрали, присвоили и вместили название всех Америк. Верно потому, что право называть себя Америкой Соединенные Штаты взяли силой, дредноутами и долларами, нагоняя страх на соседние республики и коЛЮННН. Только за одно мое короткое трехмесячное пребывание американцы погромыхивали железным кулаком перед носом мексиканцев по поводу мексиканского прсекта Национализации своих же неотъемлемых земельных недр; посылали отряды на помощь какому-то правительству, _ прогоняемому венепуэльским народом; недвусмысленно намекали Англии, что в случае неуплаты долгов МОжет затрещать хлебная Канада; того же желали французам, и перед конференцией об уплате французского долга то посылали своих летчиков в Марокко на помощь французам, то вдруг становились марокканцелюбцами и из гуманных соображений отзывали летчиков обратно. 531

В переводе на русский: гони монету — получишь
летУНКОВ. Что Америка и САСШ одно и То же — знали все. Кулидж
только оформил это дельце в одном из последних декретов, назвав себя
и только себя американцами. Напрасен протестующий рев многих
десятков республик и даже других Соединенных Штатов (например,
Соединенные штаты Мексики), образующих Америку. Слово
«Америка» теперь окончательно аннексировано. Но что кроется за
этим словом? Что такое Америка, что это за американская нация,
американский дух? Америку я видел только из окон вагона. Однако по
отношению к Америке это звучит совсем не мало, так как вся она
вдоль и поперек изрезана линиями. Они идут рядом то четыре, то
десять, то пятнадцать. А за этими линиями только под маленьким
градусом новые линии новых железнодорожных компаний. Единого
расписания нет, так как главная цель этих линий не обслуживание
пассажирских интересов, а доллар и конкуренция с соседним
промышленником. Поэтому, беря билет на какой-нибудь станции
большого города, вы не уверены, что это самый быстрый, дешевый и
удобный способ сообщения между необходимыми вам городами. Тем
более, что каждый поезд — экспресс, каждый-курьерский и каждый —
скорый. Один поезд из Чикаго в Нью-Йорк идет 32 часа, другой —
24, третий — 20 и все называются одинаково — экспресс. В
экспрессах сидят люди, заложив за ленту шляпы проездной билет. Так
хладнокровней. Не надо нервничать, искать билетов, а контролер
привычной рукой лезет вам за ленту и очень удивляется, если там
билета не оказалось. Если вы едете спальным пульмановским вагоном,
прославленным и считающимся в Америке самым комфортабельным и
удобным,-- то все ваше существо срганизатора будет дважды в день,
утром и вечером, потрясено бессмысленной, глупой возней. В 9 часов
вечера дневной вагон начинают ломать, опускают востланные в
потолок кровати, разворачивают постели, прикрепляют железные
палки, нанизывают кольца занавесок, с грохотом вставляют железные
перегородки — все эти хитрые приспособления приводятся в
движение, чтобы по бокам вдоль вагона установить в два 532 den athe
ms ht moe PP eae mu we 4 AD PPO P PH: Sn ЧУ be à a RE они MONE
PP не Wee mm tt

cid —=———— =. яруса двадцать спальных коек под занавесками, оставив посредине узкий уже не проход, а пролаз. Чтобы пролезть во время уборки, надо сплошь жонглировать двумя негритянскими задами уборщиков, головой ушедших в постилаемую койку. Повернешь, выведешь его чуть не на площадку вагона, — рдвоем, особенно с лестницей для влезания на второй ярус, почти не разминешься,-- затем меняешься с ним местами и тогда обратно влазишь в вагон. Раздеваясь, вы лихорадочно придерживаете расстегивающиеся занавески во избежание негодующих возгласов напротив вас раздевающихся шестидесятилетних организаторш какого-нибудь общества юных христианских девушек. Во время работы вы забываете прижать вплотную высовывающиеся из-под занавесок голые ноги, и — проклинаяемый пятипудовый негр ходит вразвалку по всем мозолям. С 9 утра начинается вакханалия разборки вагона и приведения вагона в «сидящий вид». Наше европейское деление на купе даже жестких вагонов куда целесообразней американской пульмановской системы. Что меня совсем удивило — это возможность опоздания поездов в Америке даже без особых несчастных причин. Мне необходимо было срочно после лекции в Чикаго выехать ночью на лекцию в Филадельфию — экспрессной езды 20 часов. Но в это время ночи шел только один поезд с двумя пересадками, и кассир, несмотря на пятиминутный срок пересадки, не мог и не хотел гарантировать мне точности прибытия к вагону пересадки, хотя и прибавил, что шансов на опоздание немного. Возможно, что уклончивый ответ объяснялся желанием опозорить конкурирующие линии. На остановках пассажиры выбегают, закупают пучки сельдерея и вбегают, жуя на ходу корешки. В сельдерее — железо. Железо — полезно американцам. Американцы любят сельдерей. На ходу мелькают нерасчищенные лески русского типа, площадки футболистов с разноцветными играющими-и техника, техника и техника. Эта техника не застоялась, эта техника растет. В ней есть одна странная черта — снаружи, внешне эта техника производит недоделанное, временное впечатление. 533

Будто стройка, стены заводов не фундаментальные — однодневки, одногодки. Телеграфные, даже часто трамвайные столбы сплошь да рядом деревянные. Огромные газовые вместилища, спичка в которые снесет полгорода, кажутся не охраняемыми. Только на время войны была приставлена стража. Откуда это? Мне думается — от рваческого, завоевательского характера американского развития. Техника здесь шире всеобъемлющей германской, но в ней нет древней культуры техники — культуры, которая заставила бы не только нагромождать корпуса, но и решетки и двор перед заводом организовать сообразно со всей стройкой. Мы ехали из Бикона (в шести часах езды от Нью-Йорка) и попали без всякого предупреждения на полную перестройку дороги, на которой не было оставлено никакого места для автомобилей (владелец участков мостили, очевидно, для себя и мало заботились об удобствах проезда). Мы свернули на боковые дороги и находили путь только после опроса встречных, так как ни одна надпись не указывала направление. В Германии это немыслимо ни при каких условиях, ни в каком захолустьи. При всей грандиозности строений Америки, при всей недостижимости для Европы быстроты американской стройки, высоты американских небоскребов, их удобств и вместительности — и дома Америки в общем производят странное временное впечатление. Может быть, это кажущееся. Кажется оттого, что на вершине огромного дома стоит объемистый водяной бак. Воду до шестого этажа подает город, а дальше дом управляется сам. При вере во всемогущество американской техники такой дом выглядит подогнанным, наскоро переделанным из какой-то другой вещи и подлежащим разрушению по окончании быстрой надобности. Эта черта совсем отвратительно выступает в постройках, по самому своему существу являющихся временными. Я был на Раковей-бич (нью-йоркский дачный Поселок; пляж для людей среднего достатка). Ничего гаже строе534 de a Tere Ne WERE ST ETN, он SEE или WEN в WET eS ST SENET SEEDS hs © SVE OEE Ss UNEE TSS SEE Tae Wiens YY mn. 2 i tre br" nae 2 à зайшла алі tabla б ПАРА ЧАРИ ЧИ в ПОРИ КРАЙ ВР ТРЕНЕР ee Tae ae Dors sci as acai dre Call ода à dde Se + me à test te Рис a sg ia ls en lca din ll oe CO el le

ний, облепивших берег, я Не видел. Я не Мог бы прожить в таком карельском портсигаре и двух часов. Все стандартизированные дома одинаковы, как спичечные коробки, одного названия, одной формы. Дома насажены, как пассажиры весеннего трамвая, возвращающегося из Сокольников в воскресенье вечером. Открыв окно уборной, вы видите все, делающееся в соседней уборной, а если у соседа приоткрыта дверь, то видите сквозь дом и уборную следующих дачников. Дома по ленточке улочек вытянулись, как солдаты на параде — ухо к уху. Материал. строений таков, что слышишь не только каждый вздох и шепот влюбленного соседа, но сквозь стенку можешь различить самые тонкие нюансы обеденных запахов на соседском столе. Такой поселок — это совершеннейший аппарат провинциализма и сплетни в самом мировом масштабе. Даже большие новейшие удобнейшие дома кажутся временными, потому что вся Америка, Нью-Йорк в частности, в стройке, в постоянной стройке. Десятиэтажные дома ломают, чтобы строить двадцатиэтажные; двадцатиэтажные — чтоб тридцати, тридцати — чтоб сорока и т. д. Нью-Йорк всегда в горах камней и стальных переплетов, в визге сверл и ударах молотков. Настоящий и большой пафос стройки. Американцы строят так, как будто в тысячный раз разыгрывают интереснейшую разученнейшую пьесу. Оторваться от этого зрелища ловкости, сметки — невозМОХНО. | На простую землю ставится землечерпалка. Она с лязгом, ей подобающим, выгрызает и высасывает землю и тут же плюет ее в непрерывно проходящие грузовозы. По середине стройки поднимают фермчатый подъемный кран. Он берет огромные стальные трубы и вбивает их паровым молотом (сопящим, будто в насморке вся техника) в твердую эмлю, как мелкие обойные гвозди. Люди только помогают молоту усесться на трубу да по ватерпасу меряют наклоны. Другие лапы крана поднимают стальные стойки и перекладины, без всяких шероховатостей сающиеся на место, — только сбей да свинти! Поднимается постройка, вместе с ней поднимается кран, как будто дом за косу поднимается с земли. Через месяц, а то и раньше, кран снимут — и дом готов. 535

Это примененное к домам знаменитое правило выделки пушек (берут дырку, обливают чугуном, вот и пушка): взяли кубический воздух, обвинули сталью, и дом готов. Трудно отнестись серьезно, относишься с поэтической вдохновенностью к какому-нибудь двадцатизэтажному Кливландскому отелю, про который жители говорят: здесь от этого дома очень тесно (совсем как в трамвае — подвиньтесь, пожалуйста) — поэтому его переносят отсюда за десять кварталов, к озеру. | Я не знаю, кто и как будет переносить эту постройку, но если такой дом вырвется из рук, он отдавит много мозолей. Бетонная стройка в десяток лет совершенно меняет облик больших городов. Й Тридцать лет назад В. Г. Короленко, увидев Нью-Йорк, записывал: | «Сквозь дымку на берегу виднелись огромные дома в шесть и семь этажей...» Лет пятнадцать назад Максим Горький, побывавши в Нью-Йорке, доводит до сведения: «Сквозь косой дождь на берегу были видны дома в пятнадцать и двадцать этажей». Я бы должен был, чтобы не выходить из рамок, очевидно, принятых писателями приличий, повествовать так: «Сквозь косой дым можно видеть ничего себе дома в сорок и пятьдесят этажей...» А будущий поэт после такого путешествия запишет: «Сквозь прямые дома в неисследованное количество этажей, вставшие на нью-йоркском берегу, не были видны ни дымы, ни косые дожди, ни тем более какие-то дымки». Американская нация. О ней больше, чем о какой-нибудь другой, можно сказать словами одного из первых революционных плакатов: «Американцы бывают разные, которые пролетарские, а которые буржуазные». . Сынки чикагских миллионеров убивают детей (дело Лоеба и компании) из любопытства, суд находит их ненормальными, сохраняет их драгоценную жизнь, и «ненормальные» живут заведующими тюремных библиотек, восхищая СОТЮремников изящными философскими сочинениями. Защитники рабочего класса (дело Ванцетти и других товарищей) приговариваются к смерти — и целые комитеты, 536 db AS чо мо. sas atl

организованные для их спасения, пока не в силах заставить | губернатора штата отменить приговор. Буржуазия воору| жена и организована. Ку-Клукс-Клан ! стал бытовым явлением. \$ Портные Нью-Йорка в дни маскарадного съезда кланцев публиковали рекламы, заманивая заказчиков высоких шапок и белых халатов: — Вельком ?, Ку-Клукс-Клан! В городах иногда появляются известия, что такой-то куксин вождь убил такого-то и еще не пойман, другой (без фамилии) изнасиловал уже третью девушку и выкинул из автомобиля и тоже ходит по городу без малейшего признака кандалов. Рядом с боевой клановской организацией — мирные масонские. Сто тысяч масонов в пестрых восточных КОСТЮмах в свой предпраздничный день бродят по улицам Филадельфии. Эта армия еще сохранила логи и иерархию, попрежнему объясняется таинственными жестами, манипулированием каким-то пальцем у какой-то жилетной пуговицы рисует при встречах таинственные значки, но на деле в большей своей части давно стала своеобразным учраспредом крупных торговцев и фабрикантов, назначающим министров и важнейших чиновников страны. Дико, должно быть, видеть это средневековое, шествующее по филадельфийским улицам под окнами типографии газеты «The Filadelfia Inquirer», выкидывающей ротационками 450 000 газет в час. Рядом с этой теплой компанийкой — странное существование легализованной, очевидно для верности наблюдения, рабочей компартии Америки и более чем странное — осмеливающихся на борьбу профессиональных союзов. Я видел в первый день приезда в Чикаго, в холод и проливной дождь, такую дикую картину. Вокруг огромного фабричного здания без остановок ходят мокрые, худые, продрогшие люди, € мостовых зорко смотрят рослые, жирные, промакинтошеные полисмены. i SOO es —=—— 1 Организация американских фашистов. (Прим. автора.) 2 Добро пожаловать. (Ред.) 35 в. Маяковский, т. 1 537

На фабрике забастовка. Рабочие должнь ОТТОНАТЕ
штрейкбрехеров и оповещать нанятых обманным путем. Но
останавливаться они не имеют права — остановившегося арестует
полиция на основании законов против пикетчиков. Говори — на ходу,
бей — на ходу. Своеобразный десятичасовой скороходный рабочий
день. Не меньшая острота и национальных взаимоотношений
Америки. Я писал уже о массе иностранцев в Америке (она вся,
конечно, объединение иностранцев для эксплуатации, спекуляции и
торговли), —они живут десятками лет, не теряя ни языка, ни обычаев.
В еврейском Нью-Йорке на новый год, совсем как в Шавлях, увидишь
молодых людей и девушек, разодетых не то для свадьбы, не то для
раскрашенной фотографии: лакированные башмаки, оранжевые чулки,
белое кружевное платье, пестрый платок и испанский гребень в
волосах -для женщин; адля мужчин при тех же туфлях какая-то помесь
из сюртука, пиджака и смокинга. И на животе или настоящего или
американского золота цепь — размером и весом цепей, закрывающих
черный ход от бандитов. На помогающих службе — полосатые шали.
У детей сотни поздравительных открыток с сердцами и голубками, —
открыток, от которых эти дни беременеют все почтальоны Нью-Йорка
и которые являются единственным предметом широкого потребления
всех универсальных магазинов во все предпраздничные дни. В другом
районе так же обособленно живут русские, и американцы ходят в
антикварные магазины этого района покупать экзотический самовар.
Язык Америки — это воображаемый язык Вавилонского
столпотворения, с той только разницей, что там Ме. шали языки,
чтобы никто не понимал, а здесь мешают, чтоб понимали все. В
результате из английского, скажем, языка получается язык, который
понимают все нации, кроме англичан. Недаром, говорят, в китайских
лавках вы найдете надпись: «ЗДЕСЬ ГОВОРЯТ ПО-АНГЛИЙСКИ И
ПОНИМАЮТ ПО-АМЕРИКАНСКИ» 538 sa iil sh ie ДИС Has nier €
nait hist trie айва лы mt ct in Mh te es, 2 en i PP аль «А. аль dt à in bia ata
um ati ho 1e AND. 20 ta пр оч ntm leu ИЕР ét in at a кина né bla we ees

PETES => PCT ET ——— АЛЕ ——— eee CENDRES ve ee
 rannes pe aye Re es as cbr nt Lee ae ui s a CUT pre Мне, Не знающему
 английский язык, все-таки легче понимать скупословного американца,
 чем сыплющего словами русского. Русский называет: трамвай —
 стриткарой, угол — корнером, квартал — блоком, квартиранта —
 бордером, билет — тикетом, а выражается так: «Вы поедете без
 меняния пересадок». Это значит, что у вас беспересадочный билет.
 Под словом «американец» у нас подразумевают помесь из
 эксцентричных бродяг О. Генри, Ника Картера с неизменной трубкой и
 клетчатых ковбоев киностудии Кулешова. Таких нет совсем.
 Американцем называет себя белый, который даже еврея считает
 чернокожим, негру не подает руки; увидев негра с белой женщиной,
 негра револьвером гонит домой; сам безнаказанно насилует
 негритянских девочек, а негра, приблизившегося к белой женщине,
 судит судом Линча, то есть обрывает ему руки, ноги и живого жарит на
 костре. Обычай почище нашего «дела о сожжении в деревне Листвяны
 цыган-конокрадов». Почему американцами считать этих, а не негров,
 например? Негров, от которых идет и так называемый американский
 танец — фокс и шимми, и американский джаз! Негров, которые
 издают многие прекрасные журналы, например «Opportunity». Негров,
 которые стараются найти и находят свою связь с культурой мира,
 считая Пушкина, Александра Дюма, художника Генри Тэна и других
 работниками своей культуры. Сейчас негр-издатель Каспер Гольштейн
 объявил премию в 100 долларов имени величайшего негритянского
 поэта А. С. Пушкина за лучшее негритянское стихотворение. | Первого
 мая 1926 года этот приз будет разыгран. Почему неграм не считать
 Пушкина своим писателем? Ведь Пушкина и сейчас не пустили бы ни
 в одну «порядочную» гостиницу и гостиную Нью-Йорка. Ведь у
 Пушкина 35* 539

бъли курчавъе волосъ и негритянская синева под ногтями. Когда закачаются так называемые весы истории, МНСгое будет зависеть от того, на какую чашку положат 12 миллионов негров 24 миллиона своих увесистъх рук. Псдогретые техасскими кострами, негры — достаточно сухой порох для взрывов революции. Дух, в том числе и американский, вещь бестелая, даже почти не вещь; контор не нанимает, экспортируется слабо, тоннажа не занимает — и если что сам потребляет, то только виски, и то не американское, а привозное. Поэтому духом интересуются мало, и то в последнее время, когда у буржуазии после разбойничьего периода эксплуатации появилось некоторое спокойное, уверенное добродушие, некоторый жировой слой буржуазных поэтов, философов, художников. Американцы завидуют европейским стилям. Они отлично понимают, что за свои деньги они могли бы иметь не четырнадцать, а хоть двадцать восемь Людовиков, а спешка и привычка к точному осуществлению намеченного не дают им желания и времени ждать, пока сегодняшняя стройка утрясется в американский стиль. Поэтому американцы закупают художественную Европу — и произведения и артистов, дико украшая сороковые этажи каким-нибудь ренессансом, не интересуясь тем, что эти статуэтки да завитушки хороши для шестиэтажных, а выше незаметны вовсе. Помещать же ниже эти стильные финтифлюшки нельзя, так как они будут мешать рекламам, вывескам и другим полезным вещам. Верхом стильного безобразия кажется мне один дом около публичной библиотеки: весь гладкий, экононый, стройный, черный, но с острой крышей, выкрашенной для красоты золотом. В 1912 году одесские поэты вызолотили для рекламы. НОС кассирше, продававшей билеты На стиховечер. Запоздавший гипертрофированный плагиат. Улицы Нью-Йорка украшены маленькими памятничками писателей и артистов всего мира. Стены института Корнеги расписаны именами Чайковского, Толстого и друГИМИ. В последнее время против непереваренной эклектической пошлости подымается голос молодых работников искусства. 540

Американцы стараются найти душу, ритм Америки. Начинают выводить походку американцев из опасливых шажков Древних индейцев по тропинкам пустого Мангеттена. Уцелевшие индейские семьи тщательно охраняются музеями. Высшим шиком высшего общества считается древнее родство с какими-нибудь знатными индейскими родами, — вещь, еще недавно совершенно позорная в американских глазах. Деятели искусства, не родившихся в Америке, просто перестают слушать. Начинает становиться модной всякая туземность. Чикаго. В 1920 году в выдуманной поэме «150 000 000» я так изобразил Чикаго: Мир, из света частей собирая квинтет, одарил ее мощью магической. Город в ней стоит на одном винте — весь электро-динамо-механический. В Чикаго 14 000 улиц — солнц площадей лучи. От каждой — 700 переулков длиною поезду на год. Чудно человеку в Чикаго! Знаменитейший сегодняшний американский поэт Карл Самбор — сам чикагец, загнанный американским нежеланием вникать в лирику в отдел хроники и происшествий богатейшей газеты «Чикаго Трибюн» — этот самый Самбор описывает Чикаго так: Чикаго. Свинобой мира, Инструментщик, сборщик хлеба, Играющий железными дорогами грузчик страны, Бурный хриплый задира. Город широких плеч... 541

«...Мне говорят: ты подл, и я отвечаю: да, это правда-я видел, как бандит убил и остался безнаказанным. Мне говорят, что ты жесток, и мой ответ: на лицах женщин и детей я видел следы бесстыдного голода. Бросая ядовитые насмешки за работой, все наваливающейся работой — это высокий дерзкий хулиган на фоне хрупких городишек. С непокрытой головой роющий, рушащий, готовящий планы, строящий, ломающий, восстанавливающий. Смеющийся бурным хриплым задорным смехом юности. Полуголый, пропотевший, гордый тем, что он режет свиней, производит инструменты, наваливает хлебом амбары, играет железными дорогами и перебрасывает грузы Америки». Путеводители и старожилы говорят: «Чикаго: Самые большие бойни. Самый большой заготовщик лесных материалов. Самый большой мебельный центр. Самый большой производитель сельскохозяйственных машин. Самый большой склад пианино. Самый большой фабрикант железных печей. Самый крупный железнодорожный центр. Самый большой центр по рассылке покупок почтой. Самый людный угол в мире. Самый проходимый мост на земном шаре Bush street bridge. Самая лучшая система бульваров во всем земном шаре — ходи по бульварам, обходи Чикаго, не выйдя ни на какую улицу». Все самое, самое, самое... Чем же это город Чикаго? Если все американские города насыпать в мешок, перетряхнуть дома, как цифры лото, то потом и сами мэры города не смогут отобрать свое бывшее имущество. Но есть Чикаго, и этот Чикаго отличен от всех других городов — отличен не домами, не людьми, а своей особой чикагски направленной энергией. 542 \ oe й Р й у 2 з ings ds abe bes лий ол A À on мч вк міль Вісь фі міме льет вы о, нак а. авы. лгал тés ды ст патио пни бо бло нн Й а і sd мо аніж М à Aa ye vere ery Tet er vere en ee à Ads DA as пон tis a vd ль sam er ans 2%. ды 6

В Нью-Йорке многое для декорации, для виду. Белый путь — для виду, Кони-Айланд — для виду, даже пятидесятиэтажный Вульворт-Бильдинг — для втирания провинциалам и иностранцам очков. Чикаго живет без хвастовства. Показная небоскребная часть узка, притиснута к берегу громадой фабричного Чикаго. Чикаго не стыдится своих фабрик, не отступает с ними на окраины. Без хлеба не проживешь, и Мак Кормик выставляет свои заводы сельскохозяйственных машин центральной, даже более гордо, чем какой-нибудь Париж — какой-нибудь Нотр-Дам. Без мяса не проживешь, и нечего кокетничать вегетарианством, — поэтому в самом центре кровавое сердце — бойни. Чикагские бойни — одно из гнуснейших зрелищ, моей жизни. Прямо фордом вы въезжаете на длиннейший деревянный мост. Этот мост перекинут через тысячи загонов для быков, телят, баранов и для всей бесчисленности мировых свиней. Визг, мычание, блеяние — неповторимое до конца света, пока людей и скотину не прищемят сдвигающимися скалами — стоит над этим местом. Сквозь сжатые ноздри лезет кислый смрад бычьей мочи и дерма скотов десятка фасонов и миллионного количества. Воображаемый или настоящий запах целого разливного моря крови занимается вашим головокружением. Разных сортов и калибров мухи с луга и жидкой грязи перепархивают то на коровьи, то на ваши глаза. Длинные деревянные коридоры уводят упирающийся скот. Если бараны не идут сами, их ведет выдрессированный козел. Коридоры кончаются там, где начинаются ножи свинобоев и быкобойцев. Живых визжащих свиней машина подымает крючком, зацепив их за живую ножку, перекидывает их на непрерывную цепь, — они вверх ногами проползают мимо ирландца или негра, втыкающего нож в свинячье горло. По несколько тысяч свиней в день режет каждый — хвастался боенский провожатый. Здесь визг и хрип, а в другом конце фабрики уже пломбы кладут на окорока, молниями вспыхивают на солнце 543

градом выбрасываемые консервные жестянки, дальше грузятся холодильники — и курьерскими поездами и пароходами едет ветчина в колбасные и рестораны всего мира. Минут пятнадцать едем мы по мосту только одной КОМпании. А со всех сторон десятки компаний орут вывесками: Вильсон! Стар! Свифт! Гамонд! Армор! Впрочем, все эти компании, вопреки закону, одно объединение, один трест. В этом тресте главный — Армор,— судите по его охвату о мощи всего предприятия. У Армора свыше 100000 рабочих; одних конторщиков имеет Армор 19—15 тысяч. 400 миллионов долларов — общая ценность арморовских богатств. 80 000 акционеров разобрали акции, дрожат над целостью арморовского предприятия и снимают пылинки с владельцев. Половина акционеров рабочие (половина, конечно, по числу акционеров, а не акций), рабочим дают акции в рассрочку — один доллар в неделю. За эти акции приобретается временно смирение отсталых боенских рабочих. Армор горд. Шестьдесят процентов американской мясной продукции и десять процентов мировой дает один Армор. Консервы Армора ест мир. Любой может наживать катар. И во время мировой войны на передовых позициях были консервы с подновленной этикеткой. В погоне за новыми барышами Армор сбавлял четырехлетние яйца и консервированное мясо призывного возраста — в 20 лет! Наивные люди, желая посмотреть столицу Соединенных Штатов, едут в Вашингтон. Люди искушенные едут на крохотную улочку Нью-Йорка — Вол- стрит, улицу банков, Улицу — фактически правящую страной. Это верней и дешевле вашингтонской поездки. Здесь, а не при Кулидже должны держать своих послов иностранные державы. Под Вол-стрит тоннель-собвей; а если набить его динамитом и пустить на воздух к чертям свинячим всю эту улочку! 244

li p pr ee i nel eee Взлетят в воздух книги записей вкладов, названия и серии бесчисленных акций да столбцы иностранных долГОВ. Вол-стрит — первая столица, столица американских долларов. Чикаго — вторая столица, столица промышленНОСТН. LT Поэтому не так неверно поставить Чикаго вместо Вашингтона, Свинобой Вильсон не меньше влияет на жизнь Америки, чем влиял его однофамилец, Вудро. Бойни не проходят бесследно. Поработав на них, или станешь вегетарианцем, или будешь спокойно убивать людей, когда надоест развлекаться кинематографом. Недаром Чикаго -- место сенсационных убийств, место легендарных бандитов. ое, Недаром в этом воздухе из каждьх четырех детей — один умирает до года. Понятно, что грандиозность армии трудящихся, мрак чикагской рабочей жизни именно здесь вызывает трудящихся на самый больший в Америке отпор. Здесь главные силы рабочей партии Америки. Здесь центральный комитет. Здесь центральная газета — «Daily Worker». Сюда обращается партия с призывами, когда надо из скудного заработка создать тысячи долларов. Голосом чикагцев орет партия, когда нужно напомнить министру иностранных дел мистеру Келлогу, что он напрасно пускает в Соединенные Штаты только служителей долларов, что Америка не келлоговский дом, что рано или поздно — а придется пустить и КОММУниста Саклатвала и других посланцев рабочего класса мира. : Не сегодня и Не вчера вступили рабочие чикагць на революционный путь. Так же как в Париже приезжие коммунисть идут к обстрелянной стене коммунаров,-- так в Чикаго идут к могильной плите первых повешенных революционеров. 1 мая 1886 года рабочие Чикаго объявили всеобщую забастовку. 3 мая у завода Мак Кормик была демонстрация, во время которой полиция спровоцировала выстрелы. Выстрелы эти явились оправданием полицейской стрельбы и дали повод выловить зачинщиков. 545

Пять товарищей: Август Спайес, Адольф Фишер, Альберт Парсонн, Луи Линч и Жорж Энгель — были повешены. Сейчас на камне их братской могилы слова речи одного из обвиняемых: «Придет день, когда наше молчание будет иметь больше силы, чем наши голоса, которые вы сейчас заглушаете». Чикаго не бьет в нос шиком техники — но даже внешность города, даже его наружная жизнь показывает, что он больше других городов живет производством, живет машиной. Здесь на каждом шагу перед радиатором вздымается подъемный мост, пропуская пароходы и баржи к Мичигану. Здесь, проезжая по висящему над железнодорожными линиями мосту, вы будете в любой час утра обволокнуты дымом и паром сотен бегущих паровозов. Здесь на каждом повороте автомобильного колеса мелькают бензинные киоски королей нефти — Стандарт Ойл и Синклер. | Здесь всю ночь мигают предупреждающие автофонари перекрестков и горят подземные лампы, деля тротуары во избежание столкновений. Здесь специальные конные полицейские записывают номера автомобилей, простоявших перед домом более получаса. Если разрешать останавливаться на улицах всегда и всем, автомобили б стояли и в десять рядов и в десять ярусов. Вот почему и весь в садах Чикаго должен быть изображаем на одном винте и сплошь электро-динамомеханическим. Это не в защиту собственной поэмы, это — в утверждение права и необходимости поэту организовывать и переделывать видимый материал, а не полировать видимое. Путеводитель описал Чикаго верно и непохоже. Самбор описал и неверно и непохоже. Я описал неверно, но похоже. Критики писали, что мое Чикаго могло быть написано только человеком, никогда не выдавшим этого города. Говорили: если я увижу Чикаго, я изменю описание. Теперь я Чикаго видел. Я проверил поэму на чикагцах — она не вызывала у них скептических улыбок — наоборот, как будто показывала другую чикагскую сторону. 546 i - à à sun ts бы ik ct м ь tt п ж) оно в tin ie hd its dti ns я AZ ль: mel . ieee rth ОАО РНИИ, ЧЕР Р itil de mat p РИ А елке т Fa cutee ва а Pee РУ ды А Р, she ENS ee. ee re Fo

ат I E R I T | | | | | | | | Детройт — второй и последний американский город, на котором остановлюсь. К сожалению, мне не пришлось видеть деревенских хлебных мест. Американские дороги страшно дброги. Пульман до Чикаго 50 долларов (100 рублей). Я мог ездить только туда, где большие русские и, конечно, рабочие колонии. Мои лекции устраивали «Новый мир» и «Фрайгайт» — русская и еврейская газеты рабочей партии Америки. | В Детройте 20 тысяч русских. В Детройте 80 тысяч евреев. В большинстве это бывшие нищие — россияне, поминающие о ней всякой дрянью, приехавшие лет 20 тому назад и поэтому дружелюбно, во всяком случае внимательно относящиеся к Советскому Союзу. Исключение — группа врангельцев, вывезенных из Константинополя седыми и лысыми вождями союза христианской молодежи, но и эта публика скоро обомнется. Доллар лучше всякой агитации разлагает белую эмиграцию. Пресловутая Кирилица, которую американцы называли «принцесс Сирил», явившаяся в Америку за вашингтонским признанием, быстро сдала — нашла себе бойкого предпринимателя-менеджера и стала раздавать в целование свою ручку от 10 до 15 долларов в нью-йоркском Мондейморнинг — опера-клуб. Даже «принц» Борис пустился в Нью-Йорке во все тяжкие. Обрывая лавры Родченко, он стал заниматься настоящим фотомонтажем, писал статьи из бывшей придворной жизни, точно перечислял, когда и с кем пьянствовали цари, иллюстрируя фельетоны царями с примонтаженными им на колени балеринами, вспоминал, когда и с каким царем играл в карты, кстати и примонтировав бывших царей к пейзажам всехсветных казино. От этой борисовской литературы приуныли самые матерые белогвардейцы. Как, мол, с такими персонами вести агитацию за воцарение белогвардейщины? Даже белые газеты писали с грустью — такие выступления совсем засморкали идеи монархизма. Вновь привезенные, еще неученые белогвардейцы тычутся по предприятиям, многих усыновил благосклонный ко всякой белизне Форд. Фордовские рабочие показывают таких русским новичкам: смотрите, здесь ваш царь работает. Царь работает 547

мало — есть у Форда какой-то бессловесный приказ о моментальном приеме и незатруднений работой нанявшихся русских белых. | В Детройте много огромных мировых предприятий, например Парк Девис — медикаменты. Но слава Детройта-автомобили. Не знаю, на сколько человек здесь приходится один автомобиль (кажется, на четыре), но я знаю, что на улицах © их много больше, чем людей. Люди заходят в магазины, конторы, в кафе и столовые, — автомобили ждут их у дверей. Стоят сплошными рядами по обеим сторонам улицы. Митингами сгрудились на особых озаборенных площадях, где машину позволяют ставить за 25—35 центов. Вечером желающему поставить автомобиль надо съехать с главной улицы в боковую, да и там поездить минут десять, а поставив в обнесенный загон, ждать потом, пока ее будут выволакивать из-за тысяч других машин. А так как автомобиль больше человека, а человек, который выйдет, тоже садится в автомобиль, то нерушимое впечатление: машин больше людей. Здесь фабрики: Пакард, Кадилак, бр. Дейч, вторая в мире — 1 500 машин в день. Но над всем этим царит слово — Форд. Форд укрепился здесь, и 7 000 новых фордиков выбегают каждый день из ворот его безостановочно работающей ночью и днем фабрики. На одном конце Детройта — Гайланд-парк, с корпусами на 45 тысяч рабочих, на другом — Риверруж, с 60 тысячами. Да и еще в Дирборне, за 17 миль от Детройта — авиасборочный завод. На Фордовский завод я шел в большом волнении. Его книга, изданная в Ленинграде в 1923 году, уже имеет пометку — 45-я тысяча; фордизм — популярнейшее слово срганизаторов труда; о предприятии Форда говорят чуть ли не как о вещи, которую без всяких перемен можно перенести в социализм. Профессор Лавров в предисловии к 5-му изданию фордовской книги пишет: «Появилась книга Форда... непревзойденная модель автомобиля... последователи Форда 548

жалки, причина последнего кроется в талантливости изобретенной Фордом системы, которая, как всякая совершенная система, только и гарантирует лучшую организацию...» и т. д. и т. д. Сам Форд говорит: цель его теории — создать из мира источник радости (социалист!); если мы не научимся лучше пользоваться машинами, у нас не станет времени для того, чтобы наслаждаться деревьями и птицами, цветами и лугами. «Деньги полезны лишь постольку, поскольку они способствуют жизненной свободе (капиталиста?)». «Если служишь ради самого служения, ради удовлетворения, которое дается сознанием правоты дела, то деньги сами собой появляются в избытке» (не замечал!). «Шеф (Форд) компаньон своего рабочего, а рабочий товарищ своего шефа». «Мы не хотим тяжелого труда, истощающего людей. Каждый рабочий Форда должен и может обдумывать улучшение дела,— и тогда он кандидат в Форды», и т. д. и т. д. Я нарочно не останавливаюсь на ценных и интересных мыслях книги — о них раструблено достаточно, и не для них книга писана. На завод водят группами, человек по 50. Напри одно, раз навсегда. Впереди фордовец. Идут гуськом, не останавливаясь. Чтоб получить разрешение, заполняешь анкету в комнате, в которой стоит испещренный надписями юбилейный десятиллионный Форд. Карманы вам набивают фордовскими рекламами, грудками лежащими по столам. У анкетчиков и провожающих вид как у состарившихся, вышедших на пенсию зазывал распродажных магазинов. ,Пошли. Чистота вылизанная. Никто не остановится ни на секунду. Люди в шляпах, ходят, посматривая, и делают постоянные отметки в каких-то листках. Очевидно, учет рабочих движений, Ни голосов, ни отдельных погромохиваний. Только общий серьезный гул. Лица зеленоватые, с черными губами, как на киносъемках. Это от длинных ламп дневного света. За инструментальной, за штамповальной и литейной начинается знаменитая фордовская цепь. Работа движется перед рабочим. Садятся голые шасси, как будто автомобили еще без штанов. Кладут надколесные крылья, автомобиль движется с вами вместе к моторщикам, краны сажают в кузов, подкатываются колеса, бубликами из-под потолка беспрерывно скатываются

шинь, рабочие с-под цепи снизу что-то подбивают молотком. На маленьких низеньких вагонеточках липнут рабочие к бокам. Пройдя через тьсячи рук, автомобиль приобретает облик на одном из последних этапов, в авто садится шофер, маптина съезжает с цепи и сама выкатывается во двор. Процесс, уже знакомый по кино, — но выходишь всетаки обалделый. Еще через какие-то побочные отделы (Форд все части своей машины от нитки до стекла делает сам), с тюками шерсти, с летающими над головой на цепях подъемных кранов тысячами пудов коленчатых валов, мимо самой мощной в мире фордовской электростанции, выходим на Woodward — улица. Мой сотоварищ по осмотру — старый фордовский рабочий, бросивший работу через два года из-за туберкулеза, видел завод целиком тоже в первый раз. Говорит со злостью: «Это они парадную показывают, вот я бы вас повел в кузницы на Ривер, где половина работает в огне, а другая в грязи и воде». Вечером мне говорили фордовцы — рабкоры коммунистической чикагской газеты «Дейли Воркер»: — Плохо. Очень' плохо. Плевательниц нет. Форд не ставит, говорит: «Мне не надо, чтоб вы плевались,-- мне надо, чтобы было чисто, а если плеваться — надо вам покупать плевательницы самим». ...Гехника — это ему техника, а не нам. ...Очки дает с толстым стеклом, чтоб не выбило глаз — стекло дорогое. Человеколюбивый. Это он потому, что при тонком стекле глаз выбивает и за него надо платить, а на толстом только царапины остаются, глаз ОТ них портится все равно года через два, но платить не приходится. ..На еду 15 минут. Ешь у станка, всухомятку. Ему бы кодекс законов о труде с обязательной отдельной столовой. ...Расчет — без всяких выходных. ...А членам союза и вовсе работы не дают. Библиотеки нет. Только кино, и то в нем показывают картины только про то, как быстрее работать. ...Думаете, у нас несчастных случаев нет? Есть. Только про них никогда не пишут, а раненых и убитых вывозят на обычной фордовской машине, а не на краснокрестной. 550 es cls УНР III. a hs tés = pe a al ami st ош т чл III alle aus 2 ce dti зама ds оли Наль овала феи à an à фа a eee see A d'ami ma PET à à понi db й itll abs etat sr dla C GS SE з sidi cb ee УЧИ РУРК dansé at er mé

мет не ие те ер жу М II cut и черти ДИ" «Система его прикидывается часовой (8-часовой рабочий день), на самом деле — чистая сдельщина. ...А как с Фордом бороться? ..Сыщики, провокаторы и клановцы, всюду 80% ино»странцев. ..Как вести агитацию на 54 'языках? В четыре часа я смотрел у фордовских ворот выходящую смену, — люди валились в трамваи и тут же засыпали, обессилив. В Детройте наибольшее количество разводов. Фордовская система делает рабочих импотентами. ОТЪЕЗД Пристань компании «Трансатлантик» на конце 14-й улицы. Чемоданы положили на непрерывно поднимающуюся ленту с планками, чтобы вещи не скатывались. Вещи побежали на второй этаж. К пристани приставлен маленький пароходик «Рошамбо», ставший еще меньше от соседства огромной, как двухэтажный манеж, пристани. > Лестница со второго этажа презрительно спускалась ВНИЗ. Просмотрев, отбирают выпускные свидетельства — свидетельство о том, что налоги Америки с заработавших в ней внесены и что в страну этот человек въехал правильно, с разрешения начальства. Посмотрели билет — и я на французской территории, обратно под вывеску Фрэнчлайн и под рекламу Бисквиткомпани-нейшенал — нельзя. Рассматриваю в последний раз пассажиров. В последний, потому что осень — время бурь, и люди будут лежать влежку все 8 дней. При приезде в Гавр я узнал, что на вышедшем одновременно с нами с соседней пристани «Конард Лайн» пароходе шесть человек проломили себе насквозь носы, упав на умывальник во время качки, перекатывающей волны через все палубы. Пароход плохонький — особый тип: только первый и третий класс. Второго нет. Вернее, есть один второй. Едут 551

или бедные или экономные, да еще несколько американских молодых людей, не экономных, не бедных, а посылаемых родителями учиться искусствам в Париже. Отплывал машущий платками, поражающий при въезде Нью-Йорк. Повернулся этажами сорока, сквозной окнами Метрополитен-билдинг. Накиданными кубами разворачивалось новое здание телефонной станции, отошло и на расстоянии стало видно сразу все гнездо небоскребов: этажей на 45 Бененсон-билдинг, два таких же корсетных ящика, неизвестных мне по имени, улицы, ряды злевейтеров, норы подземок закончились пристанью. Потом здания слились зубчатой обрывной скалой, над которой трубой вставал 57-этажный Вульворт. Замахнулась кулаком с факелом американская бабасвобода, прикрывшая задом тюрьму Острова Слез. Мы в открытом обратном океане. Сутки не было ни качки, ни вина. Американские территориальные воды, еще текущие под сухим законом. Через сутки появилось и то и другое. Люди полегли. Осталось на палубе и в столовых человек 20, включая капитанов. | Шестеро из них — американские молодые люди: новеллист, два художника, поэт, музыкант и девушка, провожавшая, влезшая на пароход и любви ради уехавшая аж без французской визы. Деятели искусства, осмыслив отсутствие родителей и прогибишена, начали пить. Часов в пять брались за коктейли, за обедом уничтожали все столовое вино, после обеда заказывали шампанское, за десять минут до закрытия набирали бутылок под каждый палец; выпив все, слонялись по качающимся коридорам в поисках за спящим официантом. Кончили пить за день до приплытия, во-первых, потому, что озверевший от вечного шума комиссар клятвенно обещал двух художников предать в руки французской полиции, не спуская на берег, а во-вторых, все шампанские запасы были уже выпиты. Может быть, этим объяснялась и комиссарская грозность. Кроме этой компании, слонялся лысый старый канадец, все время надоедавший мне любовью к русским, сочувственно называя и справляясь у меня о знакомстве с бывшими 552 ou td tnt eee >

ИХ IX he UT NOK ĭ Ба — ее живыми и мертвыми князьями, когда-нибудь попадавшими на страницы газет. | Путались между дребезжащими столиками два дипломата: помощник парагвайского консула в Лондоне и чилийский представитель в Лигу Наций. Парагваец пил охотно, но никогда не заказывал сам, а всегда в порядке изучения нравов и наблюдения за молодыми американцами Чилиец пользовался каждой минутой просветления погоды и вылаза женщин на палубу, чтобы проявить свой темперамент или хотя бы сняться вместе на фоне сирены или трубы. И, наконец, испанец-купец, который не знал ни слова по-английски, а по-французски только: — регардэ — даже, кажется, «мерси» не знал. Но испанец так умело обращался с этим словом, что, прибавив жесты и улыбки, он целыми днями перебегал от компании к компании в форменном разговорном ажиотаже. Опять выходила газета, опять играли на скоростях, опять отпраздновали томболу. На обратном безлюдии я старался оформить основные американские впечатления. Первсе. Футуризм голой техники поверхностного импрессионизма дымов да проводов, имевший большую задачу революционизирования застывшей, заплывшей деревней психики — этот первобытный футуризм окончательно утвержден Америкой. Звать и вещать тут не приходится. г ев в Новороссийск фтордзоны, как это делает Амторг. Перед работниками искусства встает задача Лефа: не воспевание техники, а обуздание ее во имя интересов человечества. Не эстетическое любование железными пожарными лестницами небоскребов, а простая организация Жилья Что автомобиль?.. Автомобилей много, пора подумать, чтобы они не воняли на улицах. Не небоскреб — в котором жить нельзя, а живут. С-под колес проносящихся элевейтеров плюет пыль, и кажется — поезда переезжают ваши уши. Не грохот воспевать, а ставить глушители — нам, поэтам, надо разговаривать в вагоне. Безмоторный полет, беспроволочный телеграф, радно, 36 В. Маяковский, т. J 553

бусы, вытесняющие рельсовые трамваи, собвеи, унесшие под землю всякую видимость. Может быть, завтрашняя техника, умильонивая силы человека, пойдет по пути уничтожениястроек, грохота и прочей технической внешности. Второе. Разделение труда уничтожает человеческую квалификацию. Капиталист, отделив и выделив материально дорогой ему процент рабочих (специалисты, желтые заправилы союзов и т. д.), с остальной рабочей массой обращается как с неисчерпаемым товаром. Хотим — продадим, хотим — купим. Не согласитесь работать — выждем, забастуете — возьмем других. Покорных и способных облагодетельствуем, непокорным — палки казенной полиции, маузеры и кольты детективов частных контор. Умное раздвоение рабочего класса на обыкновенных и привилегированных, невежество трудом высосанных рабочих, в которых после хорошо организованного рабочего дня не остается силы, нужной даже для мысли; сравнительное благополучие рабочего, выколачивающего прожиточный минимум; несбыточная надежда на богатство в будущем, смакуемая усердными описаниями вышедших из чистильщиков миллиардеров; настоящие военные крепости на углах многих улиц — и грозное слово «депортация» далеко отдалают какие бы то ни было веские надежды на революционные взрывы в Америке. Разве что откажется от каких-нибудь оплат долгов революционная Европа. Или на одной вытянутой через Тихий океан лапе японцы начнут подстригать когти. Поэтому усвоение американской техники и усилия для второго открытия Америки — для СССР — задача каждого проезжающего Америками. Третье. Возможно, фантастика. Америка жиреет. Люди с двумя миллиончиками долларов считаются“ небогатыми начинающими юношами. Деньги займы даются всем — даже римскому папе, покупающему дворец напротив, дабы любопытные не заглядывали в его папские скна. Эти деньги берутся отовсюду, даже из тощего кошелька американских рабочих. Банки ведут бешеную агитацию за рабочие вклады. 554 | pa in a a nina 3 sn 3 фа o al МЕРИ РР ОРОС т Che РН о ЧР ЧИ ОГО ОРЕ РРО Р РУ 212 th Mais at del РУТ РЕТРО

RET TS TT и INDE И о |||| Эти вклады создают постепенно убеждение, что надо заботиться о процентах, а не о работе. Америка станет только финансовой ростовщической страной. Бывшие рабочие, имеющие еще неоплаченный рассрочный автомобиль и микроскопический домик, политый потом до того, что не удивительно, что он вырос и на второй этаж, — этим бывшим может казаться, что их задача — следить, как бы не пропали их папские деньги. Может статься, что Соединенные Штаты сообразно станут последними вооруженными защитниками безнадёжного буржуазного дела, — тогда история сможет написать хороший, типа Уэльса, роман «Борьба двух светов». Цель моих очерков — заставить в предчувствии далекой борьбы изучать слабые и сильные стороны Америки. «Рошамбо» вошел в Гавр. Безграмотные домики, которые только по пальцам желают считать этажи, на зас расстояния гавань, а когда мы уже прикручивались, берег усеялся оборванными калеками, мальчишками. С парохода кидали ненужные центы (считается — «счастье»), и мальчишки, давя друг друга, дорывая изодранные рубахи зубами и пальцами, впивались в медяки. Американцы жирпо посмеивались с палубы и щелкали моментальными. | Эти нищие встают передо мной Символом грядущей Европы, если она не бросит пресмыкаться перед американской п всякой другой деньгой. Мы ехали к Парижу, пробивая тоннелями бесконечные горы, легшие поперек. По сравнению с Америкой жалкие лачуги. Каждый вершок земли взят вековой борьбой, веками истощаем и с аптекарской мелочностью использован под фиалки или салат. Но даже это презираемое за домик, за земельку, за свое, даже это веками обдуманное цепляние казалось мне теперь невероятной культурой в сравнении с бивуачным строем, рваческим характером американской жизни. Зато до самого Руана на бесконечных каштаных проселочных дорогах, на самом густом клочке Франции мы встретили всего один автомобиль. 1925—1926 36*

в & PP, -ь46єтяї ли ПЕ = еє Ее еє ЕЕ пифы і « . ы Ф ої ‘ Ж і й
й > а | À ® - І ' і 9 * 7 , и ® з .АТ Й Й о и 4 à ~ .® . Va . | з т і= і іу | Та ы і
= - [1

ПРИМЕЧАНИЯ

Що чл'я Зг не; - > + под текстом paiement сделаны авт i se + в
~ а % . є ч « А" № | ль ~ —ÿ ĩ 2 Р ь"" # i 4 и є . p L * № tm - з 4 О + б Й
+ ~\$ wo «В .« РУ ре "i 4 . | p 1 , ый. L'or є i à ? p à <@ “ . и < 4 . d p à | -
ы "й ' -ф * . ~, 8 re 7 i ? < p. = - Р ми ion + i Ти i i ‘> , | a y i Le Lt Dr. + М
й ля г , ps * 1 з» à 4 Р ° к all Й 4 у i . МУР > ` є и а ці +. ором. РЕА Р
АЕН . Ss RE ES ві 7 ' \$ D РЕ Чьи ар нь

PEN i a kth ttl PИ EH ДР we ee A ner re пит кие тт тт и” -

у —> —А вы могли бы? Впервые напечатано без заглавия в футуристическом сборнике «Требник троих», М. 1913. Послушайте! Напечатано без заглавия в «Первом журнале русских футуристов», М. 1914. Гимн судье. Опубликовано под заглавием «Судья» в журнале «Новый сатирикон», 1915, 26 февраля, № 9. О сотрудничестве в журнале «Новый сатирикон» Маяковский говорит в автобиографии: «В рассуждении чего б покушать стал писать в «Новом сатириконе». Поэт сумел использовать популярный журнал как трибуну для обличения буржуазии и царизма. + . Военно-морская любовь. Впервые напечатано в журнале «Новый сатирикон», 1915, № 25. Надоело. Впервые напечатано в журнале «Новый сатирикон», 1916, 10 ноября, № 46, под заглавием «Лучше не называть». Заглавие «Надоело» дано в сборнике «Все сочиненное Владимиром Маяковским», ЕЛ, 1919, || Анненский И. Ф. (1856—1909) — русский поэт-декадент. Леонардо да Винчи (1452—1519) — великий итальянский художник и ученый эпохи Возрождения. Рябое...— Запрещенные цензурой строки отмечались отточием. «Простое как мычание» — сборник стихов Маяковского, вышедший в 1916 г. в издательстве А. М. Горького «Парус». Дешевая распродажа. Впервые опубликовано в журнале «Новый сатирикон», 1916, 24 ноября, № 48. Пьерпонт Морган — один из крупнейших представителей финансовой олигархии США. На Надеждинской...— В то время Маяковский жил в Петрограде на Надеждинской улице (ныне улица Маяковского). 559

Последняя петербургская сказка. Впервые опубликовано в сборнике «Все сочиненное Владимиром Маяковским», П. 1919.

Запирую на просторе я — перефразировка строки из поэмы Пушкина «Медный Всадник». Сенат — высший судебный-административный орган в дореволюционной России. Гренадин — прохладительный напиток, который пьют через соломинку. Революция (Поэтохроника). Впервые напечатано в газете «Новая жизнь» 21 мая (3 июня) 1917 г.

Волынский полк Петроградского гарнизона — первым перешел на сторону революции в феврале 1917 года. В военной автомобильной школе Маяковский служил в 1915—1917 годах. В автобиографии поэт отмечает: «Пошел с автомобилями к Думе... Принял на несколько дней команду Автошколой... Пишу в первые же дни революции поэтохронику «РеволюЦИЯ». | Марсельский марш — Марсельеза.

Купол Думы — купол Таврического дворца, где происходили заседания Государственной думы. Марат Жан-Поль (1743—1793) — виднейший деятель французской буржуазно-демократической революции XVIII века, героически боровшийся с контрреволюцией.

Сказка о красной шапочке. Впервые напечатано под заглавием «Сказочка», с подзаголовком «Цвету интеллигенции посвящаю», в газете «Новая жизнь» 30 июля (12 августа) 1917 г. Кадеты — члены буржуазной конституционно-демократической партии. К ответу! Впервые напечатано в газете «Новая жизнь» 9 (22) августа 1917 г.

Хорошее отношение к лошадям. Впервые опубликовано в газете «Новая жизнь» 9 июня 1918 г. Поэт рабочий. Впервые напечатано в газете «Искусство Коммуны» 22 декабря 1918 г. Левый марш. О том, как создавалось это стихотворение, Маяковский рассказывал, выступая в Доме Комсомола 25 марта 1930 года: «Мне позвонили из бывшего Гвардейского экипажа и потребовали, чтобы я приехал читать стихи, и вот я на извозчике написал «Левый марш». Конечно, я раньше заготовил отдельные строфы...» С чтением этого стихотворения Маяковский выступал в Матросском театре, бывшем Гвардейском экипаже, 17 декабря 1918 года. О том, какое большое политическое значение придавал Маяковский этому стихотворению, 562

ze e cy pe реч ПРОРИВУ ne re A ores => свидетельствует тот факт, что поэт на протяжении многих лет «Левым маршем» заканчивал обычно свои выступления. Особо следует отметить чтение Маяковским «Левого марша» 12 мая 1923 года на площади Свердлова и на Советской площади — на митингах протеста против убийства 10 мая товарища В. В. Воровского и ультиматума английского министра Керзона Советскому Союзу (9 мая). Впервые «Левый марш» напечатан в газете «Искусство Коммуны», 12 января 1919 г. Владимир Ильич. Написано во второй половине апреля 1920 года в связи с пятидесятилетием В. И. Ленина. Маяковский выступил с чтением этого стихотворения на «Ленинском вечере» в Доме печати 28 апреля 1920 года. Впервые напечатано в петроградской «Красной газете», утренний выпуск, 5 ноября 1922 г. Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче. Впервые напечатано в сборнике «Лирень», М. 1920. Сиди, рисуй плакаты...— Маяковский в 1919—1922 годах работал над текстами и рисунками агитплакатов Российского телеграфного агентства, которые назывались «Окна Роста». Гейнеобразное. Впервые напечатано в сборнике «Лирень», М. 1920. Сказка о дезертире, устроившемся недурненько, и о том, какая участь постигла его самого и семью шкурника. Написана, повидимому, до разгрома Врангеля, то есть до ноября 1920 года; отдельной брошюрой с рисунками Маяковского издана в 1921 году. «Окна Роста», — писал Маяковский, -- фантастическая вещь. Это обслуживание горстью художников вручную стопятидесятимиллионного народища...» Точное количество «Окон Роста» не установлено, но их было выпущено более 1000. В статье «Только не воспомиHans...» Маяковский отметил: «Подписи делались в подавляющем количестве мною», а в заметке «Окна сатиры Роста» подчеркивает: «Лозунги и тексты — почти все мои». «Окна Роста» свидетельствуют о громадной работе поэта-агитатора, силою слова боровшегося за дело Ленина — Сталина в годы гражданской войны и послевоенной разрухи. Рабочий! Глупость беспартийную выкинь! — первое «Окно Роста», созданное Маяковским. Партийная неделя началась 8 октября 1919 года, во время денкинского наступления. Последняя страничка гражданской войны. Впервые напечатано в журнале «Бов» (Боевой отряд весельчаков), М. 1921, № 1. О дряни. Этим стихотворением начинался цикл

произведений Маяковского, в которых поэт бичует пережитки капитализма в сознании советских людей. Напечатано в первом советском сатирическом журнале «Бов» в июле 1921 г. 561

Сказка для шахтера-друга про шахтерки, чуни и каменный уголь. Впервые напечатано в газете «Горняк», органе ЦК Союза горнорабочих, 10 апреля 1921 г. Стихотворение о Мясницкой, о бабе и о всероссийском масштабе. Место первоначального напечатания не установлено. Приказ № 2 армии искусств. Впервые напечатано в журнале «Вещь», изд. под редакцией И. Эренбурга, Берлин, 1922, март — апрель, № 1—2, и в сборнике «Маяковский издевается», М. 1922.

Пентр (франц.) — живописец. Имажинистики, акмеистики — декадентские литературные группы. Академический паек — ежемесячный продовольственный паек; выдавался советским правительством в 1919—1922 годах ученым, писателям, деятелям искусства. Прозаседавшиеся. Впервые напечатано в «Известиях», 5 марта 1922 г. под заглавием «Наш быт (прозаседавшиеся)». Перепечатано в сборнике «Маяковский издевается», М. 1922, под заглавием «Прозаседавшиеся». В докладе «О международном и внутреннем положении Советской республики» на заседании коммунистической фракции Всероссийского съезда металлистов 6 марта 1922 года Ленин так отзывался об этом стихотворении: «Вчера я случайно прочитал в «Известиях» стихотворение Маяковского на политическую тему. Я не принадлежу к поклонникам его поэтического таланта, хотя вполне признаю свою некомпетентность в этой области. Но давно я не испытывал такого удовольствия, с точки зрения политической и административной. В своем стихотворении он вдрызг высмеивает заседания и издевается над коммунистами, что они все заседают и перезаседают. Не знаю, как насчет поэзии, а насчет политики ручаюсь, что это совершенно правильно. Мы, действительно, находимся в положении людей (и надо сказать, что положение это очень глупое), которые все заседают, составляют комиссии, составляют планы — до бесконечности... Практическое исполнение декретов, которых у нас больше чем достаточно и которые мы печем с той торопливостью, которую изобразил Маяковский, не находит себе проверки» (В. И. Ленин. Сочинения. 4-е изд., т. 33, стр. 197—198). Тео — театральный отдел Главполитпросвета при Наркомпросе РСФСР. Гукон — Главное управление коннозаводства при Наркомземе. Моя речь на Генуэзской конференции. Стихотворение впервые напечатано в «Известиях» 12 апреля 1922 г. Генуэзская

конференция проиеходила 10 апреля —19 мая 1922 года с участием
представителей 562 bs Sinan мошь dt ий, BORN SNES ET EEE а дд al
tds pene din а Bi PRET EN EEE RE

ее ЕЕ и: NE. ini протоки т ое ттт тит... еae PTE FOF яти четче
lad i Советской России и многих капиталистических стран.
Империалисты, учитывая хозяйственные затруднения Советской
России, пытались навязать ей кабальные условия соглашения, но
безуспешно. Они требовали уплаты царских долгов, возвращения
иностранцам предприятий и т. д. Советская делегация отвергла наглые
требования империалистов и, в свою очередь, внесла предложения о
всеобщем разоружении, о признании Советской России де-юре,
аннулировании военных долгов, возмещении Советской России
ущерба, нанесенного иностранной интервенцией. «М атэн» — крупная
французская буржуазная реакционная газета. «Таймс» — одна из
крупнейших английских газет, официоз английского правительства.
Пуанкаре — французский политический деятель, шовинист,
милитарист, прозванный французскими рабочими «Пуанкаре война»,
один из вдохновителей первой мировой войны 1914—1918 годов,
злейший враг советской власти, один из инициаторов интервенции и
блокады Советской России. Ллойд-Д жордж — английский премьер-
министр в 1916— 1922 годах; его правительством было одобрено
участие Англии в интервенции против Советской России. Париж
(Разговорчики с Эйфелевой башней). Написано после первого
посещения Маяковским Парижа (ноябрь 1922 г.). Напечатано в
журнале «Красная нива», 1923, март, № 9. Эйфелева башня построена
в Париже инженером Эйфелем в 1889 году. Высота 300 метров. Place
de la Сопсог4е — площадь Согласия. О «фиасках», «апогеях» и других
неведомых вещах. Впервые напечатано в «Известиях» 21 февраля 1923
г. В статье «С неба на землю» (в Бюллетене Прессбюро Агитпропа ЦК
ВКП(б), 1923) Маяковский писал: «Во всех газетах до сих пор
мелькают привычные, но никому не понятные, ничего не выражающие
уже фразы: «проходит красной нитью», «достигло апогея», «дошло до
кульминационного пункта», «потерпела фиаско» и т. д. и т. д.'до
бесконечности. Этими образами пишущий хочет достигнуть высшей
образности — достигается только непонятность... Иностранщина из
учебников, безобразная безббразность до сих пор портит язык,
которым пишем мы. А в это время поэты и писатели, вместо того,
чтобы руководить языком, забрались в такие заоблачные выси, что их

и за хвост не вытащишь... Надо бы попросить господ поэтов слезть с неба на землю». Фиаско (итал.) — неуспех, неудача, провал. 563

Апогей (греч.) — высшая точка, расцвет чего-нибудь (например, апогей славы, могущества и пр.). Стиннес Гуго — представитель германской финансовой плутократии. Мы не верим! Напечатано в журнале «Огонек», 1923, апрель. Пра: вительственные бюллетени о состоянии здоровья В. И. Ленина печатались ежедневно с 9 марта 1923 года в связи с резким обострением болезни Владимира Ильича. Воровский. Напечатано в «Известиях» 20 мая 1923 г., в день прибытия в Москву тела полпреда СССР в Италии, убитого фашистами в Лозанне. Весенний вопрос. Напечатано в журнале «Красная нива», 1923, № 14. | Керзон. Один из памфлетов, объединенных общим заглавием «Маяковская галерея». Впервые опубликован в журнале «Красная новь», 1923, июнь--июль, № 4. Лозанна — город в Швейцарии, где в 1922—1923 годах происходила конференция, утвердившая мирный договор между Турцией и Англией, Францией, Италией, Грецией и другими государствами, воевавшими против Турции. Гомперс. Из цикла памфлетов «Маяковская галерея». Впервые опубликован в отдельном издании 1923 г. Киев. Впервые напечатано в киевской газете «Пролетарская правда» 2 марта 1924 г. Перун — бог грома у древних славян. Аскольд и Дир — первые киевские князья (IX в.), имена которых приводятся в летописи. Владимир — великий князь Киевский, принявший христианство в 988 году. Православной церковью был причислен к лику святых. На Владимирской горке в Киеве ему был установлен памятник. Столыпин — председатель совета министров царского правительства; с его именем связана жесточайшая реакция в России после революции 1905 года. Убит в Киеве в 1911 году. Подол — промышленная часть Киева. Крещатик — главная улица в Киеве. Комсомольская. Напечатано в журнале «Молодая гвардия», 1924, № 2 —3. Селькор. Напечатано в журнале «Красный перец», 1924, октябрь, № 24. Юбилейное. Написано в связи с 125-летием со дня рождения А. С. Пушкина. Напечатано в сборнике «О Курске, о комсомоле и 264

тае...», М. 1924, и в журнале «Леф», 1924, № 2. О своем отношении к А. С. Пушкину Маяковский говорил, выступая 26 мая 1924 года на диспуте о задачах литературы и драматургии: «Вот Анатолий Васильевич (Луначарский) упрекает в неуважении к предкам, а я месяц тому назад, во время работы, когда Брик начал читать «Евгения Онегина», которого я знаю наизусть, не мог оторваться и слушал до конца и два дня ходил под обаянием четверостишия: Я знаю, жребий мой измерен, Но, чтоб продлилась жизнь моя, Я утром должен быть уверен, Что с вами днем увижусь я. Конечно, мы будем сотни раз возвращаться к таким художественным произведениям, и даже в тот момент, когда смерть будет накладывать нам петлю на шею, тысячу раз учиться этим максимально добросовестным творческим приемам, которые дают бесконечное удовлетворение и верную формулировку взятой, диктуемой, чувствуемой мысли». В этой речи Маяковский, цитируя Пушкина, допустил неточность — у Пушкина: «Я знаю, век уж мой измерен». Навуходоносор — вавилонский царь, разоривший после осады Иерусалим. Коопсах — кооператив сахарной промышленности. На вывесках на синем фоне изображалась сахарная голова среди оранжевых лучей. Red и White Star (англ.) — «Красная» и «Белая звезда» — название трансатлантических пароходных компаний. Entrepous (франц.) — между нами. Надсон С. Я. (1862—1887) — русский поэт-лирик. Художественное мастерство Надсона, в котором отразился упадок стиха в последней четверти XIX века, не удовлетворяло Маяковского. Одноробразный пейзаж — словообразование Маяковского, сочетающее два слова: однообразный и наробраз. Дантес — убийца Пушкина, аристократ, реакционер. Пролетарий, в зародыше задуши войну. Написанное к десятилетию империалистической войны стихотворение было напечатано в «Известиях» 3 августа 1924 г. How do you do (англ.) — Как вы себя чувствуете? Good bye (англ.) — до свидания. Покер — азартная карточная игра; флеш-рояль — самая сильная комбинация карт в этой игре. Кольт — американская система автоматических пистолетов, пулеметов. 565

Прочь руки от Китая! Стихотворение написано в связи с организацией в СССР общества «Руки прочь от Китая». Напечатано в «Известиях» 21 сентября 1924 г. Владикавказ — Тифлис. Написано в августе 1924 года во время пребывания Маяковского в Тбилиси. Первоначальная редакция стихотворения напечатана в тбилисской газете «Заря Востока» 3 сентября 1924 г.; окончательная редакция — в сборнике «Только новое», М. 1925. Я —грузин... — Маяковский родился в Грузии, в селе Багдади, Кутаисской губ., свободно владел грузинским языком. Архалук — мужской полукафтан. Карабах — порода кавказских горных лошадей. Ройльс — автомобили фирмы «Рольс-Ройс». М уша (грузинск.) — грузчик, носильщик тяжестей. Шота Руставел и—великий грузинский поэт XII-- XII вв., автор поэмы «Витязь в тигровой шкуре». Тамара — грузинская царица (1184—1213). Мхолот шен эртс рац, ром чемтвис моуция маглидган гмертс (грузинск.)-- «Тебе одной все, что дано мне с высот богом» — из песни Шалва Дадиани, ставшей народной. Арсен Джорджиашвили — грузинский | революционер, рабочий железнодорожных мастерских в Тбилиси, участник вооруженного восстания 1905 года; 16 января 1906 года бросил бомбу в генерала Грязнова, жестоко подавлявшего революционное движение в Грузии. Арсен под пытками не выдал товарищей, погиб геройской смертью. Маяковский знал сложенные грузинским народом песни об Арсене. Алиханов-Аварский — генерал, усмиритель крестьянского восстания в Кутаисской губ. в 1906 году; был убит в 1907 году. Мадчари (грузинск.) — неперебродившее вино. Шаири (грузинск.) — форма народного стиха. Тамара и Демон. ‘Впервые напечатано в журнале «Красная новь», 1925, № 2. Коган П. С. (1872—1932) — критик и историк литературы. Был президентом Академии художественных наук в Москве. Выволакивайте будущее! Впервые напечатано в орловской газете «Правда молодежи» 31 мая 1925 г. Еду. Напечатано в журнале «Прожектор», 1925, 30 июня, № 12. Город. Напечатано в журнале «Прожектор», 1925, № 12. Эррио — французский буржуазный политический деятель, один из лидеров партии радикал-социалистов; с июля 1924 по апрель 1925 года был председателем Совета Народных Комиссаров. -зимь ПРОТИВНО адит ds aise at md a Do ТУР а us ы DP réa AR 2 D o

рее февр лѣм abn hed dooce Éd sn ain à min ca il i cal лай a i ко el оф. a à
da iia 00 tv PE de ee A 1:31 like Sih aid dé hais „аль dtd не

RT TT тя 1 тету Crus pa er tr er LTE PO ринит 1925 года был премьер-министром французского правительства, признавшего в октябре 1924 года СССР де-юре. Notre-Dame. Стихотворение напечатано в альманахе «Красная новь», 1925. Версаль. Напечатано в журнале «Красная новь», 1925, № 5. Версаль — бывшая резиденция французских королей со Времени Людовика XIV. Капет — Людовик XVI, французский король; казнен по приговору Конвента 21 января 1793 года. Помпадур — маркиза, фаворитка французского короля Людовика XV. Трианон большой и маленький — дворцы в Версале. Кафе. Впервые напечатано в газете «Парижский вестник», Париж, | 3 июня 1925 г. Буа де Булонь — парк в Париже. Кулидж — президент США. в 1923—1929 годах; резко враждебно относился к Советской России. Жорес. Впервые напечатано в альманахе «Красная новь», 1925. Маяковский был в Париже в ноябре 1924 года во время церемонии перенесения в Пантеон праха Жореса, французского социалиста, убитого реакционерами в первые дни войны в 1914 году. Прощанье. Первая публикация стихотворения не установлена. 6 монахинь. Напечатано в журнале «Прожектор», 1925, № 16, под заглавием «Монашки». Лев и Пий — имена римских пап. Атлантический океан. Впервые напечатано в «Известиях» 15 августа 1925 г. Блек энд уайт. Напечатано в журнале «Красная новь», 1926, № 1. Лимитейд — акционерное общество. Мелкая философия на глубоких местах. Впервые напечатано в газете «Вечерняя Москва» 14 декабря 1925 г. Бродвей. Первое из стихотворений, написанных Маяковским в США. В Нью-Йорк Маяковский прибыл 31 июля 1925 года, стихотворение написано 6 августа; напечатано в «Красной ниве», 1926, № 4, январь, Бродвей — одна из главных улиц в Нью-Йорке. Барышня и Вульворт. Напечатано в журнале «Экран», 1925, № 37. Небоскреб в разрезе. Впервые напечатано в журнале «Красная нива», 1926, 3 января, № 1. Бруклинский мост. Напечатано в журнале «Прожектор», 1925, № 24, декабрь. 567

Бруклинский мост в Нью-Йорке-- один из самых больших подвесных мостов. Юнайтед стетс оф Америка — Соединенные Штаты Америки. Мангеттен — остров, на котором расположена центральная часть Нью-Йорка. Порядочный гражданин. Впервые напечатано в газете «Бакинский рабочий» 26 февраля 1926 г. Кемп «Нит гедайге» — лагерь «Не унывай». В лагере Маяковский бывал неоднократно, выступал с чтением стихов в сентябре 1925 года. Стихотворение впервые напечатано в журнале «Красная новь», 1926, №2. Домой! Написано после возвращения Маяковского из Америки в конце 1925 года. Напечатано в журнале «Молодая гвардия», 1926, январь, № 1. Последняя часть и заключительные строки вдохновлены выступлением товарища Сталина на XIV съезде ВКП(б) (декабрь, 1925 г.). | Разговор с фининспектором о поэзии. Полностью текст впервые напечатан в журнале «Новый мир», 1926, № 10. Отдельным изданием стихотворение вышло в 1926 году в изд. «Заккнига», Тифлис. В статье «А что вы пишете?», опубликованной 28 мая 1926 года, Маяковский указывал на недостатки в работе советских писателей, которые побудили его выступить с этим стихотворением. «Главной работой, — утверждает Маяковский, — главной борьбой, которую сейчас необходимо вести писателю, это — общая борьба за качество. Качество писательской продукции (в связи с этим и положение писателя в нашем советском обществе) чрезвычайно пошатнулось, понизилось, дискредитировалось». Рассматривая искусство как оружие политической борьбы, Маяковский бичевал «писательскую бессовестную разухабистую халтурщину», требовал общего улучшения постановки литературного дела, установления теснейшей связи издательств с читательской массой, поднятия на должную высоту литературной критики. Багдадские небеса...— село Багдади, где родился Маяковский. | Сергею Есенину. Впервые опубликовано в тбилисской газете «Заря Востока» 16 апреля 1926 г. О своей работе над этим стихотворением Маяковский рассказывает подробно в статье «Как делать стихи». Напостовцы -- критики и писатели, объединявшиеся вокруг журнала «На посту» — руководящего органа РАПП (Российская ассоциация пролетарских писателей). Англетер — гостиница в Ленинграде, где поэт Есенин покончил с собой 27 декабря 1925 года. 568

Собинов — знаменитый русский оперный певец. В числе наиболее популярных его ролей была роль Лоэнгрина в одноименной опере Вагнера. «Ни слова, о другмой, ни вздо-о-оха» — из романса Чайковского, на слова Плещеева. Марксизм — оружие, огнестрельный метод. Применяй умеючи метод этот! Напечатано в журнале «Курналист», 1926, май, № 5, в разделе «Дискуссия» под общим заголовком «Писатели о критике». Стихотворение направлено против вульгаризирующих марксизм критиков и литературоведов, которые, искажая ленинское учение об освоении культурного наследства, пытались определять значение творчества великих писателей, исходя из их социального происхождения. Послание пролетарским поэтам. В этом стихотворении, напечатанном в «Комсомольской правде» (литературная страница) 13 июня 1926 г. Маяковский призывает к объединению прогрессивных сил советской литературы, протестует против проводившейся РАППом политики противопоставления писателей, сгруппировавшихся вокруг РАППа, всем другим советским писателям, политики, которая была осуждена партией. Английскому рабочему. Напечатано в «Известиях» 6 мая 1926 г. Стихотворение написано в связи с всеобщей забастовкой английских рабочих, вспыхнувшей 4 мая 1926 года. В газете стихотворение было напечатано на одной полосе с «Письмом английским коммунистам» Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала, информационными сообщениями о ходе стачки, призывами МОПРа, Исполбюро Профинтерна и других организаций о помощи английским стачечникам. Болдуин — английский реакционный государственный деятель, лидер консервативной партии, враг Советского Союза, вдохновитель антисоветских провокаций, приведших в 1927 году к разрыву дипломатических отношений между Англией и СССР. Макдональд — один из наиболее видных руководителей английских лейбористов; будучи премьером «рабочего» правительства в 1924 году и в 1929—1931 годах, проводил политику английского империализма. Церетели — произведено от фамилии видного меньшевика Церетели, бывшего министром в коалиционном правительстве Керенского. После Октябрьской революции — ярый враг Советского государства, эмигрант. Московский Китай. Стихотворение написано в связи с событиями Китайской революции 1925—1926 годов. Впервые

опубликовано в журнале «Прожектор» 15 мая 1926 г. 37 в. Маяковский,
т. 1 569

Чжан Цзо-лин, У Пей-фу — китайские милитаристы. Товарищу Нетте — пароходу и человеку. Стихотворение впервые опубликовано в «Известиях» 22 августа 1926 г. Теодор Нетте — дипломатический курьер Наркоминдела. Убит фашистами 5 февраля 1926 года в поезде на территории Латвии во время героической защиты им дипломатической почты. Его именем был назван один из пароходов Черноморского флота. Я кобсон Р.— лингвист и стиховед. Разговор на Одесском рейде десантных судов: «Советский Дагестан» и «Красная Абхазия». Напечатано в журнале «Новый мир», 1926, декабрь, № 12. Краснодар. Напечатано в журнале «Красная нива», 1926, июнь, № 24. Этцетера — написано русскими буквами латинское «et cetera» — «и прочее». Праздник урожая. Напечатано в «Известиях» 6 октября 1926 г. Долг Украине. Напечатано в «Известиях» 31 октября 1926 г. Первые четыре строки — цитата из «Майской ночи» Гоголя. Чарли Чаплин и Дуглас Фербенкс — американские киноактеры. «Чуешь, сурмы заграли, час расплаты настав...» — строки из украинского текста «Интернационала». Две Москвы. Напечатано в «Известиях» 12 сентября 1926 г. Не юбилейте! Напечатано в «Известиях» 7 ноября 1926 г. Стихотворение написано к девятой годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Сифилис. Напечатано в журнале «Молодая гвардия», 1926, апрель, № 4. | Тропики. Напечатано в газете «Красный Крым», Симферополь, 11 июля 1926 г. Канцелярские привычки. Напечатано в «Известиях» 29 августа 1926 г. Нашему юношеству. Впервые напечатано в журнале «Новый Леф», 1927, февраль, № 2. Бодлер Шарль, Малларме Стефан — французские поэты-декаденты. Бульвардые (франц.) — завсегдатай кафе-ресторанов. Лучший стих. Напечатано в газете «Труд» 23 марта 1927 г. Лена. Стихотворение написано к пятидесятилетию ленского расстрела, напечатано в газете «Труд» 17 апреля 1927 г. Лензота--Лензолото — акционерное общество золотопр570 ai tae lh lt + „шить st ic зай i з © à hl me мые anes ai tits айва 2 ets

ни ес мышленников в царской России, эксплуатировавшее Ленские прииски в Сибири. Осторожный марш. Напечатано в газете «Рабочая Москва» 31 мая 1927 г. под заглавием: «Иди по республике, тревожная вестъ: ще нет, но опасность есть!» Аркос — акционерное торговое общество, учрежденное советской кооперативной делегацией в Лондоне в 1920 году для развития торговых отношений между Советской Россией и Англией. В мае 1927 года английская полиция совершила провокационный налет на «Аркос», за чем последовал разрыв англо-советских дипломатических отношений. Восстановлены дипломатические отношения были в 1929 году. | Господин народный артист. Напечатано в «Комсомольской правде» 2 июня 1927 г. Ну, что ж! Напечатано в «Комсомольской правде» 12 июня 1927 г. Призыв. Напечатано в «Комсомольской правде» 12 июня 1927 г. «Ленин с нами». Напечатано в газете «Труд» 16 апреля 1927 г. Мощь Британии. Напечатано в газете «Труд» 20 апреля 1927 г. Гевлок Вильсон — руководитель английского союза моряков. Общее руководство для начинающих подхалим. Напечатано в «Комсомольской правде» 18 июня 1927 г. Мускул свой, дыхание и тело тренируй С пользой для военного лела. Напечатано в газете «Рабочая Москва» 17 июля 1927 г. Наглядное пособие. Написано в связи с появившимся 22 июля 1927 года в газете сообщением о похоронах 57 рабочих, погибших во время венского восстания. Напечатано в «Комсомольской правде» 23 июля 1927 г. Зейц — бургомистр Вены, социал-демократ. Письмо к любимой Молчанова, брошенной им... Напечатано в газете «Комсомольская правда» 4 октября 1927 г. Эти стихи Маяковского являются ответом на пошрое, мещанское стихотворение И. Молчанова «Свидание», опубликованное в «Комсомольской правде» 25 сентября 1927 г. Пастораль (франц.) — в старинной поэзии стихотворение, воспевающее идиллическую любовь пастуха и пастушки. Баку. Написано в Баку в начале декабря 1927 года. Напечатано в газете «Заря Востока», Тифлис, 3 декабря 1927 г. К тексту, напечатанному в «Комсомольской правде», Маяковским даны примечания: «Башня Девья — старинная башня в Баку, в которой еще огнепоклонники поддерживали вечный огонь, зажигая идущие 37* 571

из земли нефтяные газы. Детердинг — владыка английской нефти, ведущий борьбу против советской». Чудеса! Напечатано в газете «Рабочая Москва» 28 сентября 1927 г. Рассказ литейщика Ивана Козырева о вселении в новую квартиру. Напечатано в «Правде» 18 февраля 1928 г. Десятилетняя песня. Написано к десятилетию Красной Армии, опубликовано в 1928 году к дню Красной Армии в четырех газетах: в «Пионерской правде» 22 февраля и в «Ленинградской правде», «Рабочей газете» и газете «Смена» — 23 февраля. Лозунги-рифмы. Написано к десятилетию Красной Армии, напечатано в «Комсомольской правде» 23 февраля 1928 г. Служака. Напечатано в «Комсомольской правде» 19 июня 1928 г. Трус. Напечатано в журнале «Крокодил», 1928, июль, № 28. Казань. Напечатано в «Комсомольской правде» 7 июля 1928 г. Евпатория. Напечатано в газете «Вечерняя Москва» 13 августа 1928 г. Земля наша обильна. Напечатано в «Комсомольской правде» 23 августа 1928 г. Секрет молодости. Впервые напечатано в экстренном выпуске «Рабочей Москвы» — однодневной газете МК ВЛКСМ «Идут легионы», выпущенной к XIV Международному юношескому дню 2 августа 1928 г. Галопщик по писателям. Напечатано в газете «Читатель и писатель» 8 сентября 1928 г. Стихотворение является ответом на опубликованную в журнале «Красная новь» злопыхательскую статью Д. Тальникова об очерках и стихах Маяковского о загранице, в которой Тальников стремился дискредитировать громадную политическую работу великого поэта-агитатора. Подлиза. Напечатано в журнале «Крокодил», 1928, ноябрь, № 44. Столп. Напечатано в журнале «Крокодил», 1928, сентябрь, № 36. Сплетник. Напечатано в журнале «Крокодил», 1928, декабрь, № 47. Парижанка. Напечатано в «Женском журнале», 1929, февраль, № 2. Письмо товарищу Кострову из Парижа о сущности любви. Напечатано в журнале «Молодая гвардия», 1929, январь, № 1. Костров — в то время редактор «Комсомольской правды». Красавицы. Впервые напечатано в «Женском журнале», 1929, июль, № 7. Grande opéra — Большой оперный театр в Париже. Убиганятся — слово произведено от «Убиган» — модных в то время духов. Рефы — члены литературной группы «Революционный фронт искусств». 572

Шеншиля — дорогой мех. Стихи о разнице вкусов.
Напечатано в журнале «Чудак», 1929, январь, № 2 Вонзай
самокритику! Напечатано в газете «Рабочая Москва» 2 июня 1929 г.
Урожайный марш. Напечатано в «Комсомольской правде» 3 февраля
1929 г. Разговор с товарищем Лениным. Напечатано в «Комсомольской
правде» 20 января 1929 г. Американцы удивляются. Напечатано в
«Рабочей газете» 14 сентября 1929 г. На западе все спокойно.
Напечатано в «Комсомольской правде» 2 июля 1929 г. Рассказ о
Кузнецкстрое и о людях Кузнецка. Напечатано в журнале «Чудак»,
1929, ноябрь, № 46. Стихи о советском паспорте. Напечатано после
смерти Маяковского в журнале «Огонек», 1930, 30 апреля, № 12, с
ошибочным подзаголовком «Неизданное стихотворение В.
Маяковского». Стихотворение датировано: «Июль, 1929».
Опубликовано при жизни Маяковского в сборнике «Туда и обратно»,
1929, декабрь. Марш ударных бригад. Напечатано в газете
«Электrozавод» 4 января 1930 г. Птичка божия. Напечатано в сборнике
«Туда и обратно», изд. «Федерация», 1930. Сконапель ля поэзи
(франц.- *Se qu'on appelle la poésie*) — то, что называется поэзией.
Ленинцы. Написано к шестой годовщине со дня смерти В. И. Ленина,
напечатано в «Комсомольской правде» 21 января 1930 г. Во весь
медногорлый гудочный клич. Напечатано в журнале «Швейник», 1930,
январь, № 2 Марш двадцати пяти тысяч. Написано в связи с
постановлением пленума ЦК ВКП(б) о мобилизации 25 тысяч рабочих
на работу в колхозах. Впервые появилось в печати 29 января 1930 г. в
новгородской газете «Звезда». Что такое хорошо и что такое плохо.
Впервые вышло в изд. «Прибой», 1925. Эта книжечка моя про моря и
про маяк. Впервые вышло в изд. «Молодая гвардия», 1927. Возьмем
винтовки новые. Напечатано в «Пионерской правде» 18 июня 1927 г. |
Майская песенка. Напечатано в журнале «Еж», 1928, апрель, № 4 573

Кем быть? Впервые вышло в Госиздате, 1929. Песня-молния. Впервые напечатано под заглавием «Вперед» в «Пионерской правде» 25 августа 1929 г, Мое открытие Америки (очерки). Работа над путевыми очерками начата Маяковским во время поездки в Мексику и США и закончена по его возвращении в Москву. Отдельные части и отрывки впервые напечатаны были в различных советских журналах и газетах: «Красная новь», «Новый мир», «Красная нива», «Бакинский рабочий» и др. Полностью текст очерков был напечатан в книге «Мое открытие Америки», изданной в августе 1926 года, «Цель моих очерков, — говорил Маяковский, — заставить в предчувствии далекой борьбы изучить слабые и сильные стороны Америки». „Зав а 2 вай, matin и лы HES бл it tar о раль ЧЕ ="

The text on this page is estimated to be only 39.39% accurate

т ee pe de en pe ae le aha eee ale oh idea EF PAPERS CAEN PET
TT TS CS CS LE —= ————— АЛФАВИТНЫЙ
УКАЗАТЕЛЬ А БЫ МОЯ. ou o ея Американцы удивляются «à à à + + +
à + + + + Английскрму рабонему: , «. з» en ee € я Антанта признавала
Юденича...-. AMANTIMRCEME OREO «o oон асе ee в ПУ із»
са се are TA Aline ete парікотив ло Demmi TE PO ж EE oe Peo: OF |
WERT da ae PT P P ere LS DONNER lee d'a MOT RL" Lots eee ee
рруклийсий MCT sg я чої 4 eee Й мербаль їз + г» ee or У HO oe Bodo
(ОПО 5, + € es Les Фк € — Вяздикавкав — Тифлис и oe. te ee ns 6 »
Зладмир ERP «єї. nes oe ee tue Во весь медногорльй гудочный клич.
..... Doctor MODE о є ить Тао Возьмем винтовки новые el aes
Вонзай самокритику! Воровский TTre TMS ty Soa oe Вrag
ПОСЛЕДНИЙОЦОЇОВI hie Se sole ne + + во Врангель--фон чае
тиф а 1270 Выволакивайте будущее! ... ue ou 0 + 5 Галопщик по
писателям , 60 + + + + + + + + + . FehweoOpasnee са oao те SA є ГАМИ
уд о. «є» яка я зе» я Р ПОМ М зон А а Ое ке В №. Paper, “PE OM à à ew
ее я вн Госнодин народный‘ ADMET, он. та ; Sige Mode LEE Ten die
ось покою з Дерізнлютня ЦІВСНЯ Ler GS «учать оф з, 3 2 Qi чат
Дешевая распродажа Peat УДО "oї обоз вом чок wo à HR оли op 4 2
"Ge Ce Se Oe @ to Er ©

ВОИ шо заем ов вЫ, У". сее es LS EAU DE Ее à Dei з
DONNE вразброд + à à ee ee à à à чи з POP sé © CHR OR DEN eH s es et
з Земля наша обильна-. История про бублики и гро бабу, не
признающую о 516 1197 PPO PP + P wee Le IN OBO 6465 à SOM bee ©
ew we з à à ss à WAGs Je ss RM is es ets 0 a Канцелярские ПОННЬЧКИ
за». зон ВИ ss АНО ss SG Ewe oH eK з НИК BG) «зом Рес ме we tw ee
sm à Кемп «Нут гедайге» POON oe he wwe ww we жим» щі з
RAS pee se + e À ox ew od à à à à 5 À я Комсомольская 4, ee «.«. 0 ÉTÉ
пе оао пана ETES. КРИСА «ace à +5 nd à à à © à se # sl « Левый МР не
à vs ses a. à | 4 марш Лена Li das meee eee ee ed. Ленин с нами»... es
ее оное Шен «ose né à « eo POTS à REM я зіовунти-рифум су. чека на iv
СТИХ , пед ес ue à © «le à Майская. ДЦеСеНКа . 4 à à се © à à à à à є з
ssh Марксизм — оружие, огнестрельный метод. Применяй умеючи
метод этот! і Марш двадцати пяти тысяч-... . Марш
ударных бригад ... ee ee + + + ‘ Мелкая философия на глубоких местах.
..... Мое открытие Америки ... «© 2s eo eee soe Московский Китай о. «
& à à à 5e « «à ss « Мощь Британии іеее ew з Моя речь на
Генуэзской конференции. ‘ Мускул свой, дыхание и тело
тренируй с пользой для военного дела «нотю 6 à Ми НЕ верим!
. , « «з « «є sw sn gp ose vs з 575 392 195 102 213 212 455 444 230 479
286 347 124 355 134

На Западе все спокойно „',»Ь. «з. ьз Наглядное пособие
 "Tate Надогло кожных ое Нашему юношеству 4, 4 4, « беоне
 Не билете! уе, еее Небоскреб в разрезе... оао ана | Необычайное
 приключение, нь с Владимиром Маяковским летом на даче.
 Нормализованная гайка 2 2 еее we ewes NOUEDOMS 645-46 кокон
 By WORE) еае. ее тés sauver еке 3 О дряни ss se О «фиасках»,
 «апогеях» и других неведомых веЩИХ desis 22% 26 nu 6 we кана
 Общее руководство для начинающих подхалим Оружие Антанты —
 деньги + + + + + Осторожный марш ..1 5+ see ee ee 2 » Париж
 (Разговорчики с Эйфелевой башней) . Парижанка канона ое LCR
 NOR 6 « bed лечь. Ве зв'я я Письмо к любимой Молчанова, брошенной
 им... Письмо товарищу Кострову из . Парижа о сущноміа ши оо зп ны
 4 4 яка жиз | Подлиза зона ос At des . Порядочный гражданин
 + + ee + + + + . Послание пролетарским поэтам оо +. Последняя
 петербургская сказка Последняя страничка гражданской войны
 .. Послушайте! има 5 à sie ms Поэт pale ..Ь5з «ete wre te ee we
 Праздник урожая eee us lib, tv ewes + es à Lee de ss ака Приказ
 № 2 армии искусств . «ww ew ew ee ww . Прозаседавшиеся « . «.
 See а Пролетарий, в зародыше задуши войну! Прочь руки от
 Китая! ема Прошу СЛОВА ss vs зазоре ета ПрОЖаные awk be
 sos ts ss se Птичка божия , з о. з ево на з ine st Рабочий! Глупость
 беспартийную вькинь! Рабочий, не смотри Антанте в рот 577
 358 — 44 322 306 240 | 69 98 201 339 111 131 351 96 934 127 412 475
 361 “415 403 248 271 48 109 40 62 296 340 119 122 173 181 88 217 447
 92 100

Разговор на Одесском рейде десантных судов: «Советский Дагестан» и «Красная Абхазия» Разговор с товарищем Лениным ..
..... Разговор. с | ассказ литейщика Ивана Козырева о вселении
В новую квартиру . . Г] . . . е . в е . е Рассказ о Кузнецкстрое и о людях
оба а. Революция (Позтохроника)-.. СООТ" МОММОСДÉ 6.46 з
tnt oe wc ПОРИ О РА | Pneu. Деу wc Vn. i ES es »# мi є eo «че а ee re в
ее Сказка для шахтера-друга про шахтерки, чуни и Кае "STOR. a tre
«рон 3 м Ти й Сказка о дезертире, устроившемся недурненько, и о том,
какая участь постигла его самого и семью МИД ть в оон ие ime |e
Gxrasta oO Красной шашокйє 5-46. «чан кін Os ML ОК ль» fe з Чо є
SONS n'en "Rod oA рам de ne TSR 0. DAME ВКУСОВ з come да « єси
0 ale в СТИХИ о соБетоком пасйорте 5 de 2 ee à he є Стихотворение о
Мясницкой, о бабе по всероссийом а и te à ee м унію Nid змея «Тамара
й Демон Товарищу Herre — пароходу и человеку ПРО
зно Pons dre à я я ор з й 621.7 7 ko es. 6 Riso 6, C8 GT > Pret aw hor
Урожайный марш, о «з 0. + eo + + + 6e «le з OO OUEN 4 is «о ааа а ЗК
авы 4 Хорошее отношение к лошадям. .. «ee ew ew о Читайте! е . . . ® е
. . . е .- е е е . е е . . . LA Чудеса! . о + о @ е е е е е е . 2 . ® . . Что
такое хорошо и что такое плохо . « 2. « oe le о CNT ss SRE па У а ча
жов Эта книжечка моя про моря и ПОМОЯК о 5 з « ери ns ко SE à te
Lou k = 292 428 258 372 437 E о 997 162 266 311 13 74 57 931 409 422
440 116 406 188 289 317 385 426 95 60 94 369 458 218 462 164 ль шт
мов ds чи мiй м

СОМЕРІКАННЕ В. Перцов. Великий поэт советской эпохи
 СТИХОТВОРЕНИЯ 1913—1930 Стихотворения 1913—1917 А ом ВОР
 Ger ое, го ане о ПОЛУ ВТ бач го» е's Se м Lau Cg гц», dre ate Tee Le
 Военно-морская любовь RIMROCK). зба Дешевая распродажа
 Е ел Последняя петербургская сказка... Революция (Поэтохроника) . . .
 . . Сказка о красной шапочке К ори ае wi ee pe ee NT» ва
 Стихотворения 1918—1920 Хорошее отношение к лошадям . . . Пор
 очи г, «б + ев SCOR “MRO зе EE bu ele ва Владимир Ильич
 Маяковским летом на даче .. ,.... Гейнеобразное ,.... А Е б дя Сказка о
 дезертире, устроившемся недурненько, и о том, какая участь постигла
 его самого и Необычайное приключение, бывшее с | Владимиром
 семью шкурника р 579 39 40 41 43 44 46 48 50 57 58 60 62 : 66 69 73
 74

Окна сатиры Роста Про' ЮВА 'сх зао оао Рабочий! Глупость
 беспартийную выкинь! . . . Иа: us « à à # à à à à . т Я о Утешение
 буржую ee. ew we eee ,у Оружие Антанты — деньги « »
 Нормализованная гайка és = «els Рабочий, не смотри Антанте в зи
 ics ee als Вели жить вразбродо à . «зон à» ss ls История про бублики
 ипро бабу; не признающую рестубтний à «а bs еек . Врангель—фон.
-.. жа Антанта признавала Юденича Враг последний готов!
««. Стихотворения 1921--1930 Последняя страничка гражданской
 войны .. , О дряни eee eee. 9 Сказка для шахтера-друга, про
 шахтерки, чуни и каменный уголь Стихотворение о
 Мясницкой, о бабе и о всероссийСКОМ Маша + à à à знаки з À Приказ
 № 2 армии искусств сое Прозаседавшиеся à . . sr Моя
 речь на Генуэзской конференции. Париж (Разговорчики с
 Эйфелевой башней) О «фиасках», «апогеях» и других неведомых
 ВЕНАХ 4: à « + oe ee ee ee я . 8 Ми ве веримі ,, «2s à wae à « з кожа
 ВЕНОВЕНИЙ 64444 uses oe we vis oe Весенний. вопрос «ice анна oe
 HE Lo x Fe sr OE ww ie s 42 à ТОРО su sus ste res вою à ME \ css човна
 жа “à КОМСОМОЛЬСКАЯ знака а Селькор dés sis ss я» p
 Юбилейное пахана . Пролетарий, в зародыше задуши войну! . . .,
 Прочь руки от Китая! є Владикавказ — Тифлис 5 %
 Тамара и Демон...:-«. Р 88 92 94 95 96 98 100 102 103 105 106 107
 109 111 113 116 119 122 124 127 131 134 136 138 141 147 153 157 162
 164 173 18] 183 188

Выволакивайте будущее! 193 ЩІ оо сосна Yoo рати
 195 FOR ele Wie срока Te Fes 198 М-ДА оо à à cm eo à en во 201 BOCs
 ss se dr eK re du iже € À à 205 BAS eho de bw st sr ses фа 209 MONE le
 hs a whee ec ek sa Ut 4 RS 213 Пот à ko + à Kh eR | Cee sv Se код 217 О
 МОНЯЖИНЬ cass «© 6 6 à ННС à p Dew 8 218 Атлантический океан
-. 222 Бик зад FOUTS. (“сеанса 226 Мелкая философия на
 глубоких местах. . . . 230 ПРОДВОЕК |, «фа ива я Ow ee и з 233
 Барышня и Вульворт 236 Небоскреб в разрезе 2... à » ous eee «
 » 240 Бруклинский мост eee. 243 Порядочный гражданин
 248 Кемії «ПИТ PORN с. Tu à 0 ws ee 6 € à 251 ДОМОВ Бы ое какова
 255 Разговор с фининспектором о поэзии. 258 Conner ПОНИ à à à
 ds mp à + we жо я 266 Марксизм — оружие, огнестрельный метод.
 Применяй умеючи метод этот! 272 Послание пролетарским
 поэтам 277 Английскому рабочему 283 Московский
 Китай ес о. я» б ние 286 Товарищу Нетте — пароходу и человеку
 289 Разговор на Одесском рейде десантных судов «Советский
 Дагестан» и «Красная Абхазия . 292 РАСА: виток à + 6 à à 0» € 6 we я
 294 Праздий Урожая с. ou + à € se w + + » 4 296 Долг Украине
 de ste 2e, 299 ge MORE à ve à, « à ue à à #0 1 ee + à 302 На обе aw ke à
 ou ou à à + se € я 306 CARD. Le à «mou os À à + резона 311 FOURS hex
 sn à à à # 4 dé à dés: 317 Канцелярские привычки + « + . 319
 Нашему юношеству 922 Лучший CINK уз» козни 327 Лена
 оц. see eee ene oS e+e = и à , 9330 Осторожный марш 4 à 4 à зако 334
 Господин народный артист ... 2. 2. ee ee . 336 261

The text on this page is estimated to be only 49.56% accurate

as, NO № 1,050 are ae. ae atin gy! « rad oe o rely bo oars ры ee
ae Aste МИ Spee ee. НАМИ» алла . Le OIB» БРЯТАНИМ зе = Mi ons на
Kee Kw Общее руководство для начинающих подхалим Мускул свой,
дыхание и тело тренируй с поль,> ВОР ДАН ВОЗИНОТО Jed no a we)
ес ore . Наглядное пособие ЧР Письмо к любимой Молчанова,
брошенной им... BOY! wg ate 4 er' CRE T CPC PAP RTE LT A dr a mn
Me a ia ore CR i Рассказ литейщика Ивана Козырева о вселении в
ВОБА: КОВ ых pi ao и ' ЛесяЯУйлегних DEC, «né ose o 2 aa)
ПОзуїриИфик то» ол pe pee wh CT ПА ВО Ses ee mn eee te we ys , Б à
РУД РР "конк € ner ae oe фы OS МИ РО о Р a ee ee ie J), од ie nie + Ser p
'oe Га DOM NS СОЛЮ зе Ра Иды на . BEDS? ПОЮТ В Ёі, we gs ace
ns à м юн . . Тадоншик по ТАС, о. 22 2 ам я OL cr sh vies St, Woe ДАЧ
TX OR lee te we 4 ; ee race ne J ee % ws ae rs ee E ВН акк До сори ла нь
SESE Tel ee У 0 à + Письмо товарищу Кострову из Парижа о сущит
МОО PEUR «ото i» TER PU ADOBE. 4e ale em ve з ae © ця . Стихи о
разнице вкусов mare Le penn СОВЕТЕ Hu eas oS Owe б з
Урожайный марш ,... РЕ Разговор с товарищем Лениным
Америванцы УДИВЛЯЮТСЯ i; з «о « «oo з 45 М4 западе все
СПОКОЙНО =“. 5... 6-6 них. Рассказ о Кузнецкстрое и о людях
Кузнецка . . Стихи о советском паспорте .. ee ee eo DOUX. ударных
Оритад wo. 21 вазе. ПО: СА | Мф «я к м en ns Se ol So ti Во весь
медногорлый гудочный клич... Фарш двадцати пята тысяч д... 582
339 340 342 347 351 355 358 361 365 369 372 376 379 381 385 389 392
394 397 399 403 406 409 412 415 420 429 493 496 498 431 433 437 440
444 447 450 454 455

Стихи детям Что такое хорошо и что такое плохо . . Эта
книжечка моя про моря и про Возьмем винтовки новые ... МансКап
ПеЕСНКА о...» » «з Кон ви оч ЕТ ЕН кв Песня-молния ооо о е . . МОЕ
ОТКРЫТИЕ АМЕРИКИ ПРИМЕЧАНИЯ о в о о о о о @ Алфавитный
указатель маяк 458 462 465 467 468 475 479 559 © 575

Редактор Г. Граник Художник В. Смирнов Художеств.
редактор Н. Мухин Технич. редактор Д. Ермоленко Корректор Є.
Мезис Сдано в набор 27/X 1954 г. Подписано к печати 19/1 1955 г.
А00422. Бумага 84 X 1081/39—36,5 печ. л. — 29,93 уец. печ. л. 27,55
уч.-изд. л.-Б 4 вкл.=27,75 а. Тираж 150 060 экз. Цена 13 р. 20 к. Заказ №
1934 Гослитиздат Москва, Ново-Басманная, 19 Министерство
культуры СССР. Главное управление полиграфической
промышленности. Первая Образцовая типография имени А. А.
Жедачова, Москва, 2К-54, Валовая, 28.

The text on this page is estimated to be only 47.19% accurate

ee = eee ee eme ee ee Г. ь 7 а | ^ er Ы я nas | tiny \$ Phe | у ри

The text on this page is estimated to be only 35.97% accurate

Ye ne aN = ЛЬ Ук ep: ARE a M mt ns “Ss at as on OF sage A Es
O SRE ee Re mie oe | RSR Os ARS here =< TRES

The text on this page is estimated to be only 41.40% accurate

РИС РОЙ + АКГ, +, Р) і . "и ть . . і . че ее SS пах > rx rs М зм с
Fosse чо тае See or eet, : RE и wove, т RES Names : : - an Vos of © ac" hy
Sait eg м "Мел 2 : а à 3 à pere as Se й xs В Ау А